

АнтиМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Меч без ножен

«Помирать,
так с музыкой!»

Он заброшен из нашего времени в альтернативное Средневековье один и без оружия. Он стал Командором рыцарского Ордена Святого Креста во враждебном Антимире, где христианская Европа и Русь разгромлены мусульманами, а папство вырождается в ересь, замешенную на колдовстве и черной магии. Его смерти желают и арабские завоеватели, и польские паны, и тевтонские «псы-рыцари». За его головой охотятся и наемные убийцы, и чернокнижники, и продажные ксендзы. Но ветеран советского спецназа не сдается даже в самых отчаянных ситуациях и на требование сложить оружие отвечает по-русски: «Помирать, так с музыкой!»

- [Герман Романов](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)

Герман Романов

МЕЧ БЕЗ НОЖЕН

«ПОМИРАТЬ, ТАК С МУЗЫКОЙ!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«А НА ВОЙНЕ НЕ РОВЕН ЧАС»

Лютый холод впивался в тело тысячами острейших иголок, словно сотворенных из арктического льда.

Зубы Никитина сами по себе выбивали замысловатую чечетку и, казалось, готовы были немедленно выскочить из десен вместе с обрывками кровоточивого мяса, а затем рассыпаться в мелкую каменную крошку.

— Какая мэка...

Андрей, кое-как ворочая замерзшим языком, еле выдавил из горла слова, преодолевая сковавший тело смертный холод, а в голове поползли тягучие, словно густая патока, мысли, как бы говоря ему, что разум еще не застыл в вечном сне.

«А ведь я не утонул на той рыбалке, меня просто сейчас на берег вынесло... Все остальное мне просто приснилось: эти рыцари, крестоносцы, злотые и прочая лабудень! Точно, приснилось — не иначе как в госпиталь ложиться нужно, под системой полежать, а то „крышу“ опять снесет... Надо же — и приснится такое!

Блин горелый!

Сейчас встану и до хаты кое-как доплетусь... А там женушка Анна, век бы ее не видеть, сызнова начнет мне плешь проедать да жаловаться на дороговизну книг и электричества... И хряков ее любимых опять начну с ведерка потчевать да помои таскать под ее гневные причитания. Вот стервозная баба — и угораздило же меня на ней жениться!»

При мысли о законной супружнице и возможной с ней встрече Андрея тут же пробил цыганский пот. Даже холод отступил под напором начавшей разогреваться от гнева крови. А потому ему удалось, хоть и с превеликим трудом, разлепить глаза — влага не просто смочила ресницы, она их заморозила маленькими капельками льда.

— Ух ты!

Дневной свет ударил в глаза, словно выжигая их, и он несколько раз моргнул, привыкая. Хорошо, что все небо было затянуто хмурыми тучами, упрятавшими своим толстым покрывалом солнце. Высившаяся перед ним гора, склоны которой были занесены первым выпавшим снежком, показалась ему знакомой до боли.

«Ну, точно ведь, ошибки быть не может! Именно от нее я отправился с другими орденскими воинами в поход к замку „Трех дубов“. А вон там и та обходная тропа петлять начала, на которой мне с волкодлаком пришлось схлестнуться!»

— Нет, не «глуки» это! Как хорошо!

После долгой паузы, которая потребовалась Андрею на разглядывание окрестностей и себя, грешного, мысли пришли в определенный порядок и потекли в привычном русле.

«Нет, я конкретно провалился в это альтернативное средневековье, где Киев мусульманской Куйябой стал, а французы с англичанами призывам к намазу у минаретов внимают. Как хорошо, что обратно меня не перебросило в то, свое, время — как-то не тянет на запойных механизаторов в таежном селе смотреть да свою бабу слушать, что до зубовного скрежета надоела. Разве это жизнь? Сплошная тягомотина!»

Мысль о таком прозябании на пенсии обожгла кипятком душу отставного офицера, и он почувствовал, что прежде ледяная кровь, уже с напором включенного на полную мощность брандспойта, заструилась по телу, изгоняя из него холод.

— Ох, грехи наши тяжкие! Так и замерзнуть можно... Вставай, братец, иначе ласты склеишь!

С неимоверным усилием Андрей приподнялся — мышцы отказывались работать, словно

его плоть превратилась в камень. Но воли было не занимать, и спустя добрую минуту страданий бывший майор СОБРа уже уселся, привалившись спиной к огромному валуну. Затем после трех неудачных попыток он все же исхитрился встать на ноги и пошел мелкими шагами, раскачиваясь, словно взобрался на ходули.

«Так, что мы с вами имеем на данный момент, самозванец хренов, командор новоявленный!»

Никитин мысленно загнул один палец, размышляя о минувшем.

«Арабы отвезли меня сюда, поближе к обжитым землям, а не оставили там, у „Трех дубов“. Зачем, спрашивается? А ведь правильно поступили — я сюда лыжи наострил, вот они и услужили. Почему ничего не помню — и как меня везли, и сколько?!»

Андрей потряс головой, пытаясь сообразить — он мог поклясться, что испытывает самое настоящее похмелье, с жуткой болью мыслящего органа на выходе. Он даже вытянул руку вперед, растопылив пальцы — они ощутимо подрагивали.

— Ну дела, как у того алкаша — сходил пописать, а заодно и оргазм словил! — Отставной майор хмыкнул нехорошим смешком и задумался. Он прекрасно помнил, что в рот и капли вина не брал. Да и мусульмане ему ничего такого не предлагали, ибо хмельное питье из виноградной лозы самим Пророком строжайше запрещено.

А тут такое ощущение, словно вечером вчерашним литр водочки без закуси выкушал, целыми стаканами глушил, как воду. Организм самым натуральным образом трясло, словно 220 вольт по нему пустили, электропроводность проверяя.

— Тот отвар, чем меня арабский лекарь потчевал, странный вкус имеет. Весьма нехороший... Вроде маковый?!

Андрей возбужденно топнул ногой, припоминая, как лечили его в шатре столь обходительного с ним и нарочито доброжелательного молодого сотника гулямов — тот вел себя с ним так, словно родного отца встретил или очень дорогого гостя.

Очень подозрительное «хлебосольство»!

— Точно маковый! Как в детстве у рулетиков! А ведь сие есть производное для опиума, в Афгане целые плантации этой дряни было. И здесь она в ходу — на Востоке издавна этим зельем грешили, как и гашишем. Их еще поблагодарить нужно — боль хоть сняли и не «подсадили». А то бы стал Кощеем Бессмертным, у которого смерть на конце иглы...

Никитин хрипло рассмеялся — смех походил на клекот охрипшего ворона — и принялся внимательно рассматривать имеющееся у него имущество, испытывая чувство искреннего удивления.

Все было в наличии — даже меч Иоанна Златоуста, на который Селим-эфенди завистливо и вожделенно поглядывал, прицокивая языком. Более того — арабы тщательно починили и почистили его одежду и даже сапоги с золотыми шпорами рыцаря.

Вот только кривого кинжала-бебута, забранного Андреем у загрызенного волкодлаком предателя, не имелось — тот на самом деле играл какую-то свою загадочную роль в этом деле.

Однако отдарился за него сотник гулямов более чем щедро — персидский ханджар с искривленным лезвием, по которому шел узорчатый булатный узор, был оправлен на рукояти и ножнах золотом, а в навершии умелая рука мастера вставила большой красный камень, светящийся на своих гранях кровавым блеском.

— Надо же — настоящий рубин! Не страз же ведь, здесь до подделок еще умом не дошли. На сотню злотых потянет, — задумчиво пробормотал Андрей, уже познакомившийся с местными товарно-денежными отношениями, внимательно разглядывая обретенное сокровище.

Потом посмотрел на довольно увесистый мешок, что лежал ранее под его головой. И не мешкая, дернул завязки, распустив горловину, знакомясь с его содержимым.

Вещи Милы, этой неслучайной любовницы, исчезли, его же собственные оказались в полном наличии, даже взятые им в дорогу суровые нитки с большой иглою. Только сухой паек, прихваченный на долгий путь по горам, несколько изменился.

Хотя здесь арабы постарались соблюсти некий паритет — ржаные сухари были заменены такими же сухими, как точильные камни, лепешками.

Соленое сало, щедро сдобренное чесноком, самый ненавистный для правоверных продукт, запрещенный самим Пророком. А потому чья-то заботливая рука подменила шмат длинными полосками вкусно пахнувшего копченого мяса, посыпанного какими-то сухими приправами и редкостным в данных краях красным перцем.

— Неплохо, неплохо, весьма зер гут, — пробормотал Андрей себе под нос, занимаясь нелегким делом: кое-как откусил мяса и еле разжевал, но с нескрываемым удовольствием проглотил.

— Умеют делать венгры что шпик, что баранину! Хотя свинину только в *том* мире они вовсю использовали, а сейчас вряд ли, времена не те. Вино пить и то меньший грех. А вот и оно самое, стоило вспомнить, и довольно приятное...

Тугой, литра на два кожаный бурдюк был наполнен не водой, а тем самым напитком, что Мухаммед не рекомендовал пить правоверным мусульманам. Красным и терпким, сладковатым.

— Великолепная штука, я такого давненько не пил. — Глотнув вина, Андрей утер рукавом рот и стал завязывать ремешок на бурдюке, мучаясь только одним вопросом: и откуда его Селим-эфенди взял?!

Не иначе как особую фетву, то есть специальное разрешение, от имама имеет на распитие вина в медицинских целях — такая практика в исламе имела место.

Пить и есть данное арабами Никитин не опасался ни на йоту — если бы те хотели его умертвить, то не стали бы прибегать к столь изысканному способу, а убили бы просто и без затей, когда он был у них в плену.

Ему даже не стали вменять в вину, что в рукопашной схватке в пещере он убил полдюжины гулямов, наоборот, даже вроде бы как восхищались, что именно с таким врагом им довелось столкнуться.

— Эх, Мила, Мила! Евина ты дочка! Кхм. — Вспомнив о пещере, Андрей невольно закричал. Нет, женщина ему сильно понравилась, но вот в том, что именно ее шаловливая ручонка ему по затылку заехала камнем, майор сейчас не сомневался.

Однако был тут один нюанс. Ведь именно в подобной ситуации она его от Томаша спасла, когда этот тевтонский выкормыш, что уже радовался будущей победе, получил по загривку от тех же милых женских ручек увесистым булыжником...

— А вот это уже просто здорово! За это тебе от ордена Святого Креста большое спасибо!

Селим-эфенди не обманул, не поскупился — два толстых, туго набитых мешочка приятно дзынькнули, лаская своим звоном слух. В одном оказались арабские динары, покрытые замысловатой вязью узоров, прочитать которые он был не в силах, да и мало кто из христиан смог бы это сделать.

В другом мешочке желтели массивные, вызывающие только одним своим видом полное доверие, византийские солиды с двуглавым орлом и бородатым профилем императора в короне. Золото своим тусклым блеском поневоле притягивало взгляд.

— Солидно жить с солидами, — усмехнулся Андрей, ощущая приятную тяжесть мешочков в ладонях. — С полпуда будет, если не больше на чуток. Еще бы — две тысячи золотых монет, и на халяву достались. За то, чтобы я сам себя не зарезал!

Никитин знал, что говорил — арабские динары предназначались в уплату тевтонским наемникам только за то, что те не покусились на его жизнь как командора ордена Святого

Креста.

Хотя свое обещание, данное арабам, эти псы-рыцари вероломно нарушили, убитый Томаш, или Курт фон Нотбек, на другой манер, — как признался ему в лицо сам предатель, нацепивший синюю униформу крестоносцев, — тому подтверждение.

Сейчас Андрей остался единственным получателем этих денег и, главное, законным — недаром арабы бебут на ханджар поменяли. А солиды даны ему лично Селимом, взамен доспехов и оружия убитых гулямов.

Приятно воевать в рыцарские времена, когда враг проявляет столь неслыханное благородство и щедрость! Осталось только громко посетовать на изменившиеся за тысячелетие отношения.

— О времена, о нравы!

Третий мешочек, тощий, как вымя выдоенной козы, Никитин открывать не стал, прекрасно понимая, что трогать его личные деньги, прихваченные в дорогу, арабы не стали. Как и менять положенные туда три десятка серебряных польских грошей на свои полновесные чеканные дирхемы, что не менее ценились даже в христианских землях. Еще бы — и серебра в них чуть больше, и проба выше.

Андрей быстро закидал в мешок с вещами и сухим пайком свои сокровища и уложил туда сверху свернутый рулоном красный орденский плащ с нашитым поверху белым командорским крестом.

Немного подумав, бережно снял со своей груди тяжелую золотую цепь с красивыми эмалированными бляшками, решив, что нечего открыто демонстрировать знаки великого магистра крестоносцев.

Для людей это будет напрасный соблазн, а для самих гор безразлично, что таскает человек на своей шее. Вечны горы, тысячелетиями спокойно взирающие на людскую возню!

— Как Наполеон в Египте в свое время брякнул? — Андрей на секунду задумался, громко и пафосно продекламировал: — «Солдаты! Сорок веков взирают на вас с высоты этих пирамид!» Вот так-то, знай наших!

Произнеся реплику, Андрей сильной рукою закинул распухший мешок за спину, на плечо повесил колчан с болтами, а сам арбалет взял в правую руку и, придерживая массивный меч левой рукою, бодрым шагом направился по занесенной снежком дороге.

Одно было плохо — столь предупредительные гулямы не оставили ему лошади, а потому придется вспоминать навыки пехотинца, от которых он уже порядком отвык.

Через подземный ход из замка живого коня протащить просто невозможно, так что арабы тут ни при чем — раз не было у него копытного друга, так не было. Зато в ином благородные враги серьезно помогли, да так, что никакого гужевого транспорта не нужно.

— За той горушкой село, так что там я лошадкой живо обзаведусь, все не на своих двоих топать!

Никитин посмотрел на покрытые снегом склоны, которые проглядывались, впрочем, с трудом — слишком густой шапкой высились зеленые кроны сосен. И лишь там, где облетела листва с ясеней и берез, виднелись белые проплешины — верная примета наступившей зимы.

— Верст десять — часа за три-четыре дойду! — Андрей усмехнулся и, впечатав сапог в хлюпнувший незамерзшей грязью рыхлый снежок, бодро поспешил вперед.

«До сих пор ни хрена не пойму, что за пляски вокруг Боливара, то есть меня, грешного, происходят! Арабы платят тевтонам тысячу золотых, чтобы те не покушались на мою жизнь. Почему?! Если подумать, что Милица работает на мусульман, Штирлиц в юбке, так сказать, то тогда это предположение подтверждается.

И вот еще одна странность, что весьма укладывается в эту версию, — все словацкие замки, где побывала эта женщина, рано или поздно гибнут. Вроде как несчастье одно она приносит?!»

Вопрос был задан, и ответ, как чувствовал Андрей, находится где-то рядом. Потому он упорно размышлял, благо времени было много, а ноги сами отмеряли шаги по дороге. Только сейчас мозг, вернее то, что можно назвать «автопилотом», принял самостоятельное решение, внося свою поправку в выбранный курс.

— Зачем огибать такую широкую долину по тропе, что петляет по склонам, по камням?! Пойду напрямиком, с полем сейчас ничего не будет. Чай, хлеб селяне давно скосили!

Андрей подобрал первое, пришедшее на ум, но единственно правильное, на его взгляд, решение. Прodelывать большой крюк отставному майору не улыбалось, и так пар валил струями от одежды — он даже стал запыхаться от быстрой ходьбы.

И снова принялся размышлять о наболевшем, благо ноги сами трудились, отсчитывая шаги по белому снежку, из-под которого в ответ щедро хлупала грязь, намытая недавними дождями.

«Сотник гулямов про мой возраст сразу же спросил, чуть ли не первым вопросом! Что, просто вот так поинтересовался, от балды?! Нет, Мила меня ночью тоже спрашивала, а я, как телок, размягчился в ее объятиях, слюни распустил и все выболтал.

Ох, и хитры Евины дочки! И в замке она сонного зелья подсыпала, по крайней мере, мой оруженосец Арни на ее совести. Теперь понятно, как словацкие замки арабы брали!

Это какой-то самый натуральный „троянский конь“ в женском обличье, право слово. И охотились они за командором, только меня за самозванца приняли. Причем обоснованно — откуда им знать было, что я есть новый „Лжедмитрий“.

Тевтонам за мою жизнь уплатили, хотя те плевать на это хотели. Но важен сам факт! Зачем я им нужен живым, почему они не только не хотят меня убивать, но и другим не дают?

И умно поступили, доставив меня именно сюда, а не отпустив обратно в „Три дуба“. Ведь алиби, по сути, подготовили. Там бы я на вопросы отвечал — почему обратно вернулся? Где Милица? А так все просто — в дороге был, а женщину по делу отправил. И никто вопросов не задаст — ибо это есть тайна ордена, а я его „хранитель“. Хм...

А ведь они не только просчитали, но и наверняка знают что-то очень важное. Но что?!»

Никитин резко остановился, словно вкопанный, от внезапно пронзившей его душу смутной догадки, тут же стремительно ускользающей из мозга куда-то вниз, чуть ли не в живот, который мгновенно пронзил ледяной холод.

— Твою мать! Какой же я баран!

Критическое замечание относилось не к собственным интеллектуальным способностям, а к той дури, которая у всякого русского бьет через край. Положение отставного офицера сейчас стало не просто серьезным, смертельно опасным, причем в самом прямом смысле слова.

— На хрена меня в трясину понесло!

Андрей утопал в ледяной вонючей жиже, которая настолько быстро поглотила его по грудь, что он не успел толком осознать это. Как и то, что одежда только сейчас стала медленно намочать, обволакивая разгоряченное от ходьбы тело лютым холодом.

— Идиот!

Теперь ему стало ясно, что дорога по склону гор была проложена не просто так и не пашню обходила, а эту гнусную болотину, куда он дуриком влез, чуть ли не на самую середину, воспользовавшись тем, что первый ночной морозец прихватил сверху грязь, а выпавший снежок надежно замаскировал смертельно опасную ловушку.

— Как же я попал!

Ноги словно схватили в тиски, он не мог ими даже пошевелить, и какая-то сила тащила вниз, несмотря на все его отчаянное барахтанье. Он дергался, матерился и плевался, но положение от этого не только не улучшилось, но еще больше усугубилось.

Теперь Андрей не просто утоп по шею — проклятая, вонючая до омерзения липкая грязь облепила ему все лицо, залила глаза, лишив возможности видеть. В таком положении он еще не был ни разу в жизни, и отчаяние придало ему сил.

— Хана...

Силы внезапно иссякли, он даже не представлял, сколько времени он боролся с трясинной.

Но теперь все — безвольно раскинув свои руки в стороны, словно расстрелянная картечью птица, Андрей мысленно попрощался с жизнью. Смерть в омерзительной жиже его хоть и ужасала, но майор сражался до конца, пока полностью не обессилел.

Вскоре предстояло принять неизбежное, без скулежа и причитаний, как надлежит воину. Ведь главное не только жить достойно, нужно и погибать с гордо поднятой головой.

— Писец!

Никитин выплюнул забившую рот жижу, на секунду с горечью пожалев, что лучше утонуть в воде, а тут запашок как в канализации. Недаром самураи себе делали харакири, сеппуку то есть, при свете солнца, вдыхая запах чистого воздуха, любуясь на солнышко.

Эстеты эти японцы, мать их за ногу! Их бы в это дерьмо, с головой по макушку окунуть, чтоб рвало от тошноты, наизнанку выворачивало. Да еще глаза с ноздрями этой мерзостью намазать — вот тогда бы они поняли, что ритуалы не выбирают!

Это им не игрушки — фигушки показывать!

— Боже мой! Помоги!

Слова вырвались произвольно. Андрей, ожидая, как в его торчащий на поверхности рот вольется омерзительная жижа вместо живительного последнего глотка воздуха, с немалым изумлением понял, что дальше в глубину он не погружается.

Более того — что-то довольно крепко поддерживало его спину, не давая ей проваливаться вниз. Да и ноги неожиданно освободились от тисков и теперь медленно, по сантиметру, преодолевая густую вонищу, устремились к поверхности.

— Ух ты, подействовало!

Столь быстрая помощь на его отчаянный призыв к небесам привела бывшего офицера (что одно время в молодости являлся заядлым атеистом и этим бравировал, но только до первой войны и пролитой крови, после которой чуть ли не все военные моментально обращаются к Богу) в глубокий религиозный экстаз.

Никитин принялся с необычайной торопливостью читать все молитвы, которые помнил — и на латыни, и на церковнославянском, сочетая их с призывами на чисто русском языке. Ведь когда прижмет, поневоле вспомнишь очень многое...

— Ну надо же!

Сколько времени прошло, Андрей не помнил, так же как и не ощущал своего окаменевшего от холода тела. Утреннее пробуждение показалось ему сейчас нахождением в хорошо протопленной баньке, а ведь он еще жаловался. Недаром говорят, что все познается в сравнении!

Только сейчас он понял, почему еще не утонул в трясине, а лежит на ее поверхности

наподобие Андреевского креста, раскинув буквой «Х» ноги и руки по сторонам.

Плащ, свернутый в рулон, в туго завязанном кожаном мешке, несмотря на полпуда тяжести в виде золота, сыграл роль поплавок. Так же как и штаны из того же материала, надувшиеся воздушным пузырем, вытянули его ноги на поверхность.

Правда, без добротных сапог, которые своими золотыми рыцарскими шпорами зацепились за какую-то корягу. И очень кстати, что попали именно на нее — ведь благодаря этому ему и удалось их сдернуть с ног.

«Если я так и буду неподвижно лежать, то вскоре одубею окончательно. Нужно хоть как-то пошевелиться и вытереть лицо — а то ни хрена не вижу!»

Мысль показалась Андрею здоровой, и он приподнял правую руку, медленно сгибая ее в локте. Неустойчивое и без того положение резко изменилось — «поплавок» за спиной немедленно устремился к поверхности, и промедли Андрей хоть мгновение, его бы перевернуло лицом вниз. И тогда все — захлебнулся бы дрянью за секунды.

— Твою мать!

Преодолевая чудовищную боль в задубевших от лютого холода мышцах, он успел вернуть свою руку в первоначальное положение и тем самым спас себя. Весь ужас сложившегося для него положения он осознал полностью, но думал уже спокойно, без истерики, как повели бы себя в такой ситуации многие другие.

«Я могу продержаться на поверхности долго, очень долго — пока мешок и штаны не пропитаются грязью и оттуда не уйдет весь воздух. Но раньше окочурюсь от холода, потому что уже плохо чувствую тело. Однако если начну шевелиться, хоть как-то попытаюсь разогреться, то немедленно перевернусь и утону. Что выбирать — и так ясно!»

Андрей застыл на черной поверхности трясины, глотая ноздрями гнилостную вонь и беззвучно читая молитвы еле шевелящимися губами — теперь ему осталось уповать только на одно...

— Пся крев! Ты когда научишься, холоп, правильно очаг топить?! Песья кровь — я тебя сам сейчас поучу!!!

Конрад Сартский грязно выругался и сильным ударом кулака свалил с ног костлявого и худющего, будто скелет, востроносого, как галчонок, парня с вечно голодным взглядом, бережно прижимавшего к груди большую охапку дров.

— Простите, ваша милость!

Паренек, рассыпав поленья, припал к сапогам властного магната, стремясь их обнять. Но пан в раздражении дернул ногой, и холоп окаменел от ужаса, ожидая новых побоев.

Последние две недели челядь просто сходила с ума от бесконечного ужаса, не зная, чего ожидать от словно взбесившегося магната. И без того несладкий характер пана стал совсем свирепым, как у голодного волка — собственноручно избивал по любому поводу и без повода, а два раза даже до смертоубийства дошло.

Одного холопа, что нечаянно опрокинул бадью в колодец, магнат убил ударом кулака, попав в сердце, а второго приказал забить батогами — не уследил, бедолага, за конем.

Так что парню еще радоваться нужно было, ведь побои для кабальных холопов, вечных и бесправных рабов, дело привычное, житейское, так сказать — кому больше, кому меньше, но достается всем и всегда, за любой реальный или мнимый проступок, как господину заблагорассудится. И за убийство их никто осуждать не будет!

— Сложи поленья, скотина! В очаг подложи вначале!

Сартский пнул закопошившегося на полу парня носком сафьянного сапога и отвернулся.

Накопившееся за последние часы раздражение схлынуло. На душе стало легче, но потом, как он знал, снова не будет находить себе места от нетерпеливого ожидания.

Должен же ведь наступить и час его триумфа, когда получит долгожданное известие, что целый хирд свирепых северных викингов напрочь вырезал и испепелил мятежное Белогорье, что словно заноза отравляло ему жизнь уже долгие годы!

— Сегодня, всяко разное сегодня...

Магнат зловеще прошипел сквозь крепко стиснутые зубы и посмотрел на избитого в кровь холопа, что преувеличенно старательно складывал березовые поленья у зева огромного камина, внутри которого уже весело плясали большие языки пламени.

Замок ведь каменный, в зимние холода насквозь промораживается. Так что простыми печами здесь никак не обойдешься. А вот открытый очаг не только быстро согреет огромное помещение, но и для других надобностей легко послужит.

В таком камине запросто можно целого быка на вертеле зажарить, что здесь неоднократно проделывалось долгими зимними вечерами, когда в зале собиралась вся его многочисленная шляхта и устраивались бесконечные пиршества.

— Пошел вон, дурень!

Холоп низко поклонился и, стремительно пятясь спиной, выскочил из зала, тихо прикрыв за собою толстую дубовую дверь, а Сартский медленно прошелся вдоль длинного массивного стола, хрустя костяшками крепко сжатых кулаков. Настроение у него почему-то опять стало портиться...

— Пан Конрад, у меня вести из Бяло гуру!

Голос кастеляна вывел магната из размышлений, и он стремительно обернулся. Ярослав Замосцкий стоял перед ним с раскрасневшимся лицом, по губам скользила загадочная улыбка.

Именно она сразу привела пана в возбужденное состояние, и Сартский ликующе выдохнул:

— Судя по твоему виду, вести хорошие?!

— Это с какой стороны посмотреть, ваша милость...

По губам верного шляхтича опять пробежала все та же странная улыбка, но вот глаза вспыхнули нездоровым огнем, и в животе сразу похолодело от плохого предчувствия.

— Да не томи мне душу, Ярослав, не зли!

Сартский возбужденно топнул ногою, чувствуя, как быстро закипает в душе гнев. Кастелян это понял и решил не доводить до греха — магнат мог взбеситься, и тогда было бы совсем плохо.

— Все хирдманы, пошедшие на Белогорье, полегли скопом. Перебили их там две недели тому назад...

— Как все? Их же полторы сотни!

Магнат неверующими глазами смотрел на Замосцкого. В голове такая весть просто не укладывалась! Да и как поверить в нее, если он на собственном немалом опыте знал, что такое воинское умение и отвага этих свирепых северных язычников, каждый из которых в бою трех хороших ратников его дружины стоил.

А потому такое известие доверия не вызывает! Да как его принять-то?! Чтобы какие-то вонючие смерды...

— Сообщение верное, ваша милость, потому что весточек оттуда было три. — Кастелян заговорил быстро, стараясь предупредить назревшую гневную вспышку, которая ударила бы уже по нему самому. И поразила бы страшно — магнат побагровел лицом за пару биений сердца, превратившись на глазах чуть ли не в пыхнувшую жаром свеклу.

— Все наши люди сообщили про то! Но с опозданием, ибо орденцы дороги и тропы обложили «синими» и никого из Белогорья не выпускали, даже в Притулу. Прости меня, ваша милость, я сам только что узнал об этом и сразу же поспешил тебя известить.

— Такой вестью со света известить можно! — Сартский громко задышал, словно рыба, выброшенная безжалостным ловцом на берег, схватившись ладонью за грудь. Теперь магнат полностью поверил кастеляну и понял, что означала столь непонятная улыбка. Потому перестал считать, что тот решил поиздеваться над ним, а спросил уже привычно властным, но нарочито спокойным голосом:

— Как такое могло произойти, Ярослав?!

— Командор обманул всех, ваша милость! Прямо с перевала он отправил обратно в Белогорье два «копья», почти всех арбалетчиков и «синих», а также полсотни лучников. Более того, хирдманов опоили вином, куда подмешали какую-то отраву. И хотя те пили мало, но и этого оказалось достаточно — викинги ползали как сонные мухи, никто не успел в «волков» и «медведей» перекинуться от бешенства. Полторы сотни орденцев и белогорских мужиков их осыпали стрелами и болтами. А потом ударили конницей, у них там «копий» ведь удвоилось, и стоптали всех в грязь!

— Пся крев!

Сартский со всей силы ударил кулаком по столу — боль отрезвила магната и остудила вспыхнувший гнев. Пан сморщился, злобно прошипел, как кот при виде собаки, и посмотрел кастеляну прямо в глаза. Тот стойко выдержал пристальный взгляд, только на тонкие губы опять напозла странная давящая улыбка.

— Откуда у них полторы сотни «длинных» луков и арбалетов, Ярослав?! Где они их взяли, прах тебя подери?!

— Почти три сотни, ваша милость...

— Что?!

— Две сотни длинных тисовых брусков им купец Заволя вместе со стрелами и прочим

снаряжением в Бяло Гуру привез. Да и с убитых воинов, что наших, что Завойского, они немало взяли. Но торговец привез мно...

— Старая сволочь! Хрен с хирдманами, я их и сам хотел позже всех вырезать! Но мы из-за него пять сотен злотых потеряли и Белогорья лишились. — Лицо магната пошло багровыми пятнами, и он произнес со страшной угрозой в голосе, жестокой и беспощадной:

— Я покараю этого пса! Где он сейчас?!

— В Кракове, — совершенно спокойно ответил Замосцкий, которого не испугал яростный блеск в глазах сюзерена. — Ты же знаешь, что чешский наместник короля Вацлава ему там сильно благоволит. А потому только с его соизволения купец поставил эти луки, которые, как ты знаешь, у нас любым селянам запрещено иметь. Но это «серые» крестоносцы...

— Да хоть в крапинку! — прорычал Сартский. — Они из этих двух сотен луков всю мою конницу расстреляют!

— Не меньше трех сотен, ваша милость, — несколько натянуто улыбнулся Замосцкий. — Кроме тиса у них есть еще пять десятков неплохих луков, среди которых клееные арабские, и не меньше полусотни арбалетов. И если фон Верт объединит свои отряды и еще приведет помощь от словаков, которые, пусть ваша милость простит меня за откровенность, вас люто ненавидят всеми своими фибрами, то тогда уже нам придется плохо.

— Если он еще вернется...

— Не стоит его недооценивать, ваша милость. Я до сих пор прихрамываю при ходьбе от удара оглобли, что его светлость по моей ноге нанесли. Кроме того... — Замосцкий настолько странно улыбнулся, что лютый холод заполз пану Сартскому в чрево, а кастелян как ни в чем не бывало продолжил говорить: — Мой краковский друг сообщил, что командор направил в богемские и моравские замки ордена приказ немедленно прибыть всем рыцарским «копьям» в Бяло гуру. Надеюсь, ваша милость хорошо понимает, что может последовать в ближайшие месяцы, если не недели? Ведь крестоносцы не раз показывали, что не чтят наших ляхских традиций и способны воевать даже лютой зимой! Боюсь, что нас ожидают весьма неприятные времена...

— Я понял тебя, Ярослав. — Сартский полностью успокоился, его глаза зажглись огнем неукротимой свирепости. — Ты предлагаешь ударить сейчас, пока отряды крестоносцев не вернулись с той стороны гор?! Но одной дружины будет мало, раз они хирдманов извели...

— Мало, я согласен с тобою. Однако удар нанести нужно. Да, это очень трудно, нам нужно какое-то время для сбора ополчения. Недели две или три хватит. А меньшими силами, тут ты прав, одной дружиною без подручных панов вашей милости идти походом нельзя!

— Еще бы, Ярослав, полторы сотни викингов тому ярким примером являются! — Сартский хищно оскалился. — Но ты прав полностью — нельзя допустить, чтобы крестоносцы объединились. Их нужно упредить, и мы сделаем это. А командор не должен вернуться из-за Карпат...

— Но как ты его там удержишь?!

Замосцкий впервые повысил голос на пана, но магнат игнорировал такую непочтительность, понимая, что кастеляном движут лишь интересы дела да жгучее чувство ненависти, что тот испытывал к командору фон Верту, их общему врагу.

— Я знаю, кто нам поможет!

Сартский яростно сверкнул глазами, заметив, что его храбрый кастелян, зная почти обо всех тайнах своего господина, сообразил, куда он клонит. Замосцкий побледнел и крепко прижал ладонь к груди, там, где у него висел нательный крестик.

Да и сам пан тут же истово перекрестился — уж больно ему самому не хотелось ехать на дальнее болото, где он не единожды испытывал чувство страха, неведомого им ни в каком бою

или даже поединке с намного более сильным врагом. Но что ж делать, если так прижало!

— И что он туда полез, Фридрих?

— Мало ли идиотов на свете ходит, Ингвар?! Давеча тоже одного видели — помнишь придурка, что со скалы сиганул вниз, крылья из перьев аиста себе на руки соорудив!

— Тоже мне птицей стать захотел, ха-ха! Вровень с ангелами пресветлыми встать?! В коровью лепеху превратился, хоть землю сверху присыпали. Птенчик нашелся, ха-ха!

Громкий хохот вывел Андрея из чувства полного оупения. Он чувствовал, что умирает, его тело давно превратилось в ледяной камень, но спасительный сон вечного забвения никак не шел. Искра жизни еще теплилась в его теле, не торопилась покидать брентную оболочку.

Именно этот жизнерадостный смех уверенных в себе людей и пробудил его мозг. Своего тела он совершенно не ощущал, не мог не то что пошевелить пальцем, но почти не дышал. Только голова, как в рассказе одного известного с тридцатых годов писателя-фантаста, могла еще мыслить, но не более того.

«Никак моя молитва услышана?! Значит, не совсем я пропащий человек, раз помощь пришла!!!»

— И зачем этот придурок прямиком в трясику пошел? Он что, не видел, что дорога в обход идет? Ведь никто из здравых людей в это гнилое урочище никогда не полезет!

«Да потому что я идиотом в одночасье заделался! Видел же, но решил напрямик, путь себе облегчить. Хотя по колено в грязи, но на метр ближе — девиз дураков еще никто не отменял! Как же, в очередной раз нашел приключений на свою задницу. Так у меня завсегда в жизни и происходит — чуток расслабился, когда мирным дымком потянуло, и готово... В полном дерьме, и отплеваться невозможно!»

Никитин с сожалением подумал, что его критика несколько запоздала, и в дальнейшем нужно быть всегда начеку. Но тут же с закипевшей яростью сам себя одернул:

«Если у тебя еще будет следующий раз, лишенец! Ты уже в ледяную скульптуру превратился, баран! Вытаскивайте меня скорее, а то уже в ледышку превратился!»

— Замерз он, даже не шевелится.

— Одежда утонуть не дает, вона как пузырем вздулась!

— А может, праведник какой-то? Потому и не тонет, — задумчиво произнес Фридрих. — Способствуют ему пресветлые ангелы!

Андрей уже смог различать по голосу этих говорящих на природном «дойче» путников. Потому интонации в молодом голосе ему определенно понравились, добрые и участливые. И спустя секунду его сердце забилося с проснувшейся надеждой.

— Давай его вытащим, христианин все же. Похоронить нужно да молитвы прочитать...

— Задался он тебе! Нашел праведника в этом болоте. Вон как смердит, стоять рядом невозможно.

— Но ведь душа христианская!

«Да что вы дискутируете, ребята! Вытаскивайте меня скорее, ведь подыхаю же. Что же вы творите, поганцы, я ведь совсем замерзну. А так есть шанс выжить! Да я вас, уроды, урою в этом болоте! Мои крестоносцы с вас три шкуры спустят! Вытаскивайте меня скорее!»

— Ага, как же. — Ингвар произносил слова с таким сарказмом, что Андрей сразу переполнился злостью и мысленно призвал все казни египетские на голову этого невидимого, но уже ненавидимого им человека. А тот еще добавил такое, словно припечатал: — Известно, что поверху всегда дерьмо плавает. Может, это язычник или грешник великий, раз его даже в болотную гниль не заволокло. А то и похуже, бесенок какой-то или угр!

— Не пори ерунду, Ингвар! Мусульмане на лошадях ездят, к тому же в одиночку в горы никогда не пойдут — их же первый встречный словак сразу же попытается прирезать. А любого нечистого болото бы отвергло, оно только добрых людей да тварей неразумных поглощает! А значит, перед нами достойный путник и хороший христианин!

«Вот тут-то ты ошибся, друг мой Фридрих, — я тварь неразумная». — Несмотря на весь трагизм сложившийся для него ситуации. Андрей мысленно рассмеялся с самым горьким сарказмом.

— Вам что приказали?! Что вы тут топчетесь по колено в дерьме?! Что вы там нашли?!

Третий голос вмешался в диалог властно и уверенно, на том же лающем языке, что выдает всех немцев с головою.

Андрей понял, что нашли его не случайные проезжие и тем паче не селяне — те-то эти места как свои пальцы знают, а воины, возможно, охрана какого-то купеческого каравана. Хотя какие могут быть торговцы в этих краях, да еще в такую пору, когда все дороги и тропинки непролазными стали.

— Утоп кто-то, брат Дитрих!

«Брат?!»

Лихорадочное возбуждение, что уже окутало мозг Никитина, внезапно схлынуло. Такой же властный голос был у всех крестоносцев, что отслужили полный срок и занимали должности не ниже десятника. А этот Дитрих был явно из этой же обоймы.

«Так обращаются не монахи, а орденцы. В тевтонском Братстве говорят так же! А эти — немцы, ни у кого славянского имени нет. Ведь даже викинги, когда их принимают христианство, то в обиходе, как и все, обращаются по прежним именам или прозвищам. Отец Павел говорил, что у нас ни одного новообращенного скандинава в ордене нет, лишь малая толика служит Братству».

— Берете мое копье и тащите его, а то у меня конь уже проваливаться начинает. Быстрее! Крюк приладьте — махом зацепите. Только требуху им не выпустите, самих заставлю ему в брюхо обратно засовывать да зубами шить! Махом научитесь приказы выполнять!

«Твою мать!!! С брюхами тевтонцы только так поступают, когда молодых учат! Ох, как я попал! Из огня да в полымя. Или из полымя в огонь, так будет вернее!»

Андрей почувствовал, что у него все извилины встали дыбом вместо волос. Попасть в руки «братства», злейшего врага крестоносцев, он не желал категорически, лучше уж в болоте утонуть.

«Они меня сразу замучают, как кулаки бедного Павлика Морозова, все жилы и нервы через задницу вытащат! А еще... Меч! Он не должен попасть им в руки!»

Андрей мысленно взвыл от накатившего ужаса и, собрав всю волю в кулак и крепко сжав, рванулся вперед. Вот только ничего не вышло — тело не слушалось своего хозяина.

— Во! Я его зацепил!

— Все вместе тащим! Ох и тяжелый, зараза!

«А вот теперь пиसेц», — с огорчением подумал Андрей, совершенно не ощущая боли, но разумом понимая, что его явно потащили на твердое место. Вот только спасения уже не будет, но еще хуже, что меч Иоанна Златоуста попадет в руки давних врагов крестоносцев.

— Как боров, ну и хряк! Из таких шпика много выходит!

«Точно, немец этот Дитрих, тевтон». — Душу Андрея разрывало отчаяние — лучше бы он забарахтался в трясине и утонул. Тогда не было бы чувства унижительной беспомощности.

— Смотрите, у него меч! Это воин!

— Бери выше, Фридрих! Меч явно рыцарский, таким с коня рубят. Знатную рыбу мы выловили!

— Ты прав, брат Дитрих, как всегда. — В голосе слышалась почтительность новобранца перед заслуженным ветераном. И тут же лязгнула сталь клинка, вынимаемого из ножен. И наступило долгое молчание, прерываемое лишь восхищенными вздохами и выдохами, причмокиванием да многозначительным завистливым сопением. И тут же раздался четвертый голос, еще более властный и уверенный в себе:

— Что там у тебя, Дитрих?!

— Вот, у него взяли, брат Ульрих. Посмотрите!

В голосе ветерана уважительных ноток почтения было намного больше, чем до этого у зеленых новобранцев при обращении к нему самому. Так отвечают только тогда, когда положение «смирно» принимают и навтыяжку перед высоким начальством тянутся...

«Еще один „брат“?! И тоже немец, к тому же рыцарь, никак не меньше, ибо голос у Дитриха разом изменился, так и уважаемому отцу не отвечают. Точно, это тевтонские „засланцы“ вроде Нотбека, только отрядом идут, и немалым». — Никитин лежал неподвижно, но мозг лихорадочно анализировал все слова и звуки.

— Боже все милостивый! Это вы взяли у него?!!

Голос «брата» Ульриха явственно сломался, задрожал от охватившего человека волнения, и Андрей понял, что тому меч хорошо знаком. А это было очень плохо...

— Он жив?!

Рыцарь спросил с такой выразительной надеждой в голосе, что Никитину показалось, что он еще больше оледенел, хотя и так давно пребывал в этом замерзшем состоянии.

— Замерз, полностью окоченел, брат Ульрих.

— Так проверь!!! Да отойди ты, я сам!

«С чего тевтону так о крестоносце заботиться?» — с немалым изумлением подумал Андрей, услышав яростный рык рыцаря.

Только сейчас он понял, что еще жив, когда мощные пальцы буквально продавили его стильную кожу, которая давно казалась железобетонной броней. И мощный рев, которого Андрей даже представить раньше не мог, ворвался в его ухо:

— Не умирай! Слышишь ты, не умирай! Быстрее, братья, он еще пока жив! Дитрих! Скачи в село, пусть приготовят много горячей воды! Режьте на нем одежду, растирайте. Закутайте в меховые плащи! Зволин! Делай носилки, приторочи их к коням! Быстро!!!

«Зволин? Странное имя для тевтона! Где-то я его слышал, могу дать голову на отсечение, хотя она у меня дурная». — Никитин не чувствовал ничего, а в это время снующие вокруг него люди срезали всю одежду и укутали в меховые плащи, как мумию.

— Кто дал тебе святыню нашего ордена?! Где брат Карл?! Скажи хоть что-нибудь!!!

«Нашего ордена?! Свои», — в голове промелькнула последняя мысль, и тут же сознание покинуло его разом...

Что-то тяжелое навалилось сверху, и Андрей чувствовал, что после очередного выдоха у него уже не остается сил, чтобы вдохнуть, словно гигантская змея, сжимающая смертоносные кольца, выдавливала из него по капле жизнь.

С огромным трудом ему удалось пошевелиться: что-то снаружи сверху загремело, скорее даже зазвенело, и с шумом и скрежетом съехало вниз. Стало заметно легче. Ворочаясь и пятясь, словно рак, назад, Андрей потихоньку начал выбираться из-под завала закованных в броню мертвецов.

Освободившись от очередного, чьего-то стопудового, как ему показалось по весу, тела, Андрей задом, на карачках, вылез на свет божий. Однако света как такового не было: вокруг него царила мрачная полумгла сумерек.

Огромная куча, почти курган, из сложенных друг на друга тел во всевозможных доспехах, от рыцарских до степных, кожаных, обшитых железными пластинами курток, высилась размером почти с два его роста.

— Ни хрена себе! Целый музей оружия! И откуда вас столько здесь набралось, и главное, кто вас всех порешил, братушки...

Андрей наклонился, чтобы вытащить из ножен лежащего на уровне его пояса воина изогнутую саблю, однако стоило ему едва дотронуться до рукояти, как тела стали стремительно покрываться пылью, доспехи и оружие — толстым слоем ржавчины, даже не рассыпавшись, а буквально растворившись в воздухе через мгновение, не оставив после себя и горсти праха.

— Однако! — только и оставалось протянуть Андрею: он еще минуту назад задышался под этой грудой тел. — Однако!

Но долго размышлять над произошедшим не пришлось — невдалеке смутно мелькнул светлый силуэт, и Андрей с явным намерением разобраться, где он и как отсюда выбираться, твердым шагом направился вперед.

Оглянувшись назад, Андрей снова увидел кучу-курган, поблескивавшую тусклым блеском лат и шлемов, но возвращаться назад он не испытывал ни малейшего желания.

Об оружии он не беспокоился: практически полное облачение, за исключением железных лат и шлема, и кинжал придавали ему уверенности. А главное, волшебный пояс волкодлака был на нем!

Правда, меч тоже не помешал бы, и арбалет, и щит, и боевой топор, но в прошлый раз во сне, а в том, что это был сон, Андрей был уверен, он вообще оказался голый, так что теперешнее его положение было из категории «на безрыбье и рак — рыба». Скорее даже не сон, а беспамятство, болезненный бред, учитывая обстоятельства, в которых осталось его брненное тело!

Светлый силуэт, мелькнувший за деревьями, на поверку оказался очень даже миловидной девушкой или, скорее, молодой женщиной, одинокой, как и водится заблудившимся в глухой чаще в ожидании рыцаря-спасителя красоткам, и обнаженной.

Как и положено, вокруг был густой лес, солнца не было видно, царил влажный полумрак, цепляющийся сгустками тумана за мохнатые лапы елей и сосен.

Прелестница сидела на пенечке в позе а-ля Аленушка, обхватив ноги руками и склонив голову на колени. Длинные темные волосы рассыпались по плечам, скрывая спину и грудь.

— Пардон, леди!

Она встрепенулась, открыла глаза и уставилась на Андрея:

— Ты меня звал?

Голос у нее оказался слишком низкий, с грудными интонациями, никак не вяжущийся с дивным обликом.

— А кого ж еще? Я, по крайней мере, никого больше, кроме тебя, не вижу! Горло, что ли, простудила? — Андрей, решив извлечь из безумного сновидения массу приятностей, наплевал на такт и этикет, справедливо рассудив, что терять ему здесь нечего. — На вот, — он протянул ей снятый с плеча орденский плащ с белым крестом, — прикройся!

Женщина, взмахнув руками, отпрянула.

— А! — Он понимающе покачал головой. — Нечисть! Креста боишься?

— Нет! — Она, словно в подтверждение своих слов, покачала головой. — Не боюсь! Моя магия очень древняя, и твой крест на меня не действует!

— А зовут-то тебя как?

— Станный ты, глупый! — Она громко рассмеялась, отчего ее крупные груди заколыхались. — Вещь свою мне предлагаешь, имя мое спрашиваешь... Так нельзя...

— А что здесь такого? — Андрей недоуменно пожал плечами. — Плаща мне не жалко! Не могу, понимаешь ли, с голыми женщинами долго разговаривать!

— Я тебе нравлюсь?

Она подошла вплотную к Андрею и заглянула ему в глаза. Андрей машинально отметил, что ее глаза совсем темные, почти черные, такие, что зрачка совсем не видно.

От нее несло холодом, явственно ощущался запах воды и тины. А еще ее фигура, а особенно большие, тяжеловатые ступни напомнили Андрею жену Анну из того, прошлого, мира, и начавшее пробуждаться желание напрочь пропало:

— А ты не обидишься, если я скажу — нет? Убить не захочешь, как тех, что там кучкой отдыхают?

— К чему? — Она пожала плечами и отвернулась. — Меня не интересуют люди! А эти... — махнув в сторону, она уселась назад на свой пень, — глупцы! Вы желаете всего и сразу: кто-то возжелал меня как женщину, кто-то захотел убить во имя своего Бога... А мое имя старше любых богов!

— И какое оно?

— Запомнить его легко, а вот забыть трудно! Не говори никогда имя незнакомцам, человек, а то потом пожалеешь!

— Почему?

— Вот неумный! — Она раздраженно поморщилась. — Зная твое имя, тот, кто хочет навредить тебе, всегда это сможет сделать, особенно если у него есть еще и твоя вещь!

— Мне нечего скрывать — меня зовут Андреас фон Верт!

— Хм! — Она подняла бровь. — Фон Верт... Я уже слышала это имя от одного человека! Он, кстати, очень плохой и хочет причинить тебе зло! Остерегайся его!

— Хм! — Теперь настала очередь хмыкать Андрею. — Знаешь, сколько людей мне хотят причинить зло? Чего же мне, как гадюке поганой, уползти и дрожать, прикрывшись лопухом?

— Почему ты так не любишь змей? — В ее голосе звякнул металл, а брови гневно выгнулись. — Не смей так говорить о них при мне!

— Да чего там! — Андрей махнул рукой. — Все вы, бабы, змеи подколотные...

Договорить он не успел: взметнувшись, она поднялась выше Андрея. Вместо ног от пояса извивалось змеиное тело, а сама она угрожающе покачивалась из стороны в сторону:

— Прочь, человечиш-ш-шко!

— Ты чего такая злая? — Андрей зорко следил за ней, ожидая броска. — Вроде критические дни тебя, судя по хвосту, не должны беспокоить?

Она резко качнулась в сторону и зашипела как настоящая змея.

— Ты ядовитая? — Андрей, вынув кинжал, пригibasь, стал перемещаться левее, чтобы в случае атаки принять ее на правую руку. — Смотри, язык себе не прикуси: не ровен час отравишься...

Она сделала молниеносный бросок, но Андрей, увернувшись, изловчился резануть ее руку: густая черная кровь закапала на землю.

— Отдай мне с-с-свою с-с-силу... Ус-с-с-ни вечным с-с-сном...

Она свивала хвостом кольца, словно гипнотизируя его блестящей чешуей. Андрей машинально схватился за волшебный пояс — ощущение было таким, словно от него слегка покалывает током, так, словно мокрыми руками взялся за электрический прибор.

— А еще себя предлагала, пиявка! — Андрей, сиганув в сторону, увернулся в очередной раз и, перепрыгнув через извивающийся хвост, понесся вперед, лавируя между огромными стволами. — Не старайся усыпить меня! Хрена с два у тебя получится! На меня твоя магия не действует!

Позади с треском проламывающегося в кустах носорога и с леденящим кровь шипением неслась огромная змея.

Завидев развилку в вековой сосне, он на мгновение задержался перед ней, а затем резко вильнул вбок. Как он и ожидал, змеюга на полном ходу влетела в нее и, застряв, беспомощно повисла. Андрей с размаху пригвоздил ее хвост к стволу.

Даже обернувшись человеком, она не смогла освободиться: кинжал, пробивший одну из ног в районе задней поверхности бедра чуть выше колена, крепко держал ее. Перекинуться обратно в змею сил, по-видимому, уже не оставалось.

— Ну и кто из нас дурак, вернее, дура?

Андрей присел перед ней. Она уже не извивалась, только с ненавистью глядела и что-то быстро забормотала.

— Не старайся колдовать, твоя магия на меня не подействует! — Она резко дернулась, но Андрей с силой наступил ей на пальцы пораненной руки, и она затихла. — Успокойся, а то я — не рыцарь, а ты — не прекрасная дама!

— Ты не посмееш-ш-шь! — Она только сейчас поняла, в какую ловушку попала. — Не посмееш-ш-шь...

— Не бойсь! — Андрей похлопал ее по белоснежным выпуклостям чуть пониже поясницы. — Твои скользкие прелести меня принципиально не возбуждают! Да и воняет от тебя, помойся, что ли, или как у вас там, змей, кожу смени, или сейчас не сезон?

— Я вс-с-с-егда меняю кожу ос-с-сенью!

— Ну и умница! — Андрей еще раз оценивающе осмотрел ракурс с, так сказать, тыла, но, сморщившись, сплюнул:

— Нет! Не канает! Все же ты не баба! А вдруг в самый ответственный момент у тебя снова хвост появится или еще, чего хуже, нарожаешь ты потом от меня Змеев Горынычей? Нет, на это я пойти не могу! Я к тому же еще и командор! — Андрей понимал, что молотил полную чушь, начался короткий, но отходняк. — А может, того, устроить трибунал инквизиции в одном моем лице и сжечь тебя? Точно!

Он кивнул и присел на корточки, она немигающим взглядом следила за ним. Выражения отчаяния, ненависти, ярости, страха сменялись на ее красивом лице.

— А твой змеиный хвост я съем! Чего добру пропадать! Эх! В китайском ресторане тебе бы цены не было...

— Не глумис-с-с-сь! Ты же муж-ш-ш-ш-чина...

— Если бы я был, как ты говоришь, мужчиной... Э-эх! — Андрей хлопнул себя по коленке. — Но нет, милая, ты ошиблась! Я крестоносец, рыцарь и христианин, три в одном, у

меня к тому же целибат! Поэтому на первую встречную бабу я сразу так и не полезу! Да ты и не баба, так сказать, ни рыба, ни мясо! Вообще, я, видишь ли, терпеть не могу змей! Как представляю, что ты лягушек ешь...

Она в бессильной ярости заскрежетала зубами:

— Я отомщ-щ-щу! Ты ос-с-с-скорбил меня, как женщ-щ-щину ос-с-с-скорбил...

— Я же говорил, что бабы — гадюки подколенные! Сначала выберись, не все такие благородные, как я, могут попользоваться, а потом шкурку на чемодан ободрать! Не дергайся! — Он намотал длинные волосы на кулак, поднял голову и взглянул ей в немигающие, черные, без белков глаза. — Совсем забыл! Так с кем ты вела беседы о моей скромной персоне?

— Это был черный ворон! Он называл мне твое имя и униженно прос-с-сил помощи! Раньше я не вмешивалас-с-с-ь в дела людей, только ради забавы, но с-с-сейчас-с-с! Ты ос-с-с-скорбил меня! Я найду тебя и отомщу! С-с-с-страш-ш-шно отомщу! Мы еще вс-с-с-стретимс-с-с-я...

— Уже горячее! — Андрей удовлетворенно покачал головой и с силой выдернул кинжал. Она выгнулась. — С одного его помощника я почти снял шкуру, с тебя тоже спущу, если встанешь на моем пути! Уноси ноги, пока цела! Ползи, в смысле...

Договорить он не успел: она, извернувшись, накинула петлю хвоста ему на шею и стала сжимать кольцо. Задыхаясь, Андрей успел подумать, что ее тело почему-то оказалось обжигающе горячим, слишком горячим...

— Ай-я!

Андрей пришел в себя от лютой боли, которая разлилась множеством уколов, произвольно дернулся, и тут же словно огненная лава прошла по его измученному телу.

— Ай-я!

— Ты куда, дура, льешь?! Ты же ему плечо голым кипятком обожгла! Холодной смочи! Живо!

Из темноты, царящей перед глазами, донесся до боли знакомый голос, в котором Никитин сразу же узнал того самого Дитриха, копьем которого его вытащили из смертельной трясины. И моментально вспомнил все, испытал нешуточное облегчение.

«Я спасен, меня вытащили!»

Пронесшаяся мысль тут же была подмята ощущением дикого холода, который, как ему показалось, заполонил все его тело, превратившись в груди в огромную ледяную глыбу.

— Я ничего не вижу, — еле слышно пробормотал Никитин, не в силах не то чтобы поднять руки, а даже открыть веки. И тут же чьи-то крепкие ладони стали лихорадочно тереть ему глаза, а мягкий женский голос, такой грудной и милый, прошептал прямо в ухо:

— Потерпите немного, ваша милость! Она как деготь, тамошняя грязь, ее с трудом оттереть можно. Горит жутко, ничем не потушишь, если чистую с поверхности собрать. Мы ей щели во всех постройках заливаем, лучше раствора держит. Почти как рыбий клей, густая и ничем ее не промочишь! Только по первому морозцу она такой липкой становится. Оттого и Липанами это место называем.

— Фу...

Облегчение было искренним, Андрей до дикого ужаса испугался возможной слепоты. И тут же холод, на секунду отступивший от панического приступа, стал терзать его снова и снова, да так, что клацали зубы, а все тело заходило ходуном.

Он теперь ощущал, что находится по шею в горячей воде, вот только жара от нее не испытывал нисколько. А добрая женщина моет его, иногда аккуратно подливая кипяток из ведра — знакомые звуки ни с чем не спутаешь.

Правда, сидеть было неудобно — его поместили в большую деревянную бочку, но в ней

простора явно не хватало. Андрей сильно прижимался коленями к груди, а спиной к стенке бочки, сидя задом на днище. Тем не менее места не доставало — его плечи возвышались над краями и их постоянно поливали горячей водою.

— Брат Ульрих, он очнулся!

Скрежет разбухшей двери, будто гвоздь монтировкой вытаскивали, и почтительный голос Дитриха раздались одновременно. Тяжелые уверенные шаги разогнали наступившую тишину — женщина даже перестала дышать, но продолжала тереть Андрею глаза.

И темнота чуточку отступила; снова обретший способность видеть Андрей разглядел крохотный огонек свечи, что просто был не в состоянии полностью разогнать ночную тьму.

В маленькой комнатенке, половину которой занимала большая печь, было темно — единственная свеча, неслыханная роскошь в крестьянских селениях, не могла разогнать темноту.

— Вон!

Рыцарь в красном орденском плаще настолько властно махнул рукою и громко скомандовал, что женщина моментально выпорхнула за дверь. А вот Никитин даже не вздрогнул, его и так просто трясло как в лихорадке — холод все еще не покинул тела.

— Говорить можешь?

На заданный вопрос Андрей только смог кивнуть, выбивая зубами чечетку. Рыцарь правильно понял, указал Дитриху, под красным плащом которого проглядывал серебристым блеском пояс оруженосца, — тот подхватил за веревку исходящую паром бадейку и очень осторожно подлил в бочку горячей воды.

— Откуда ты взял святыню ордена Святого Креста? Ты понимаешь, о чем идет речь?

— О ме-че Йо-ан-на 3-зла... тоу-ста...

Кое-как, в несколько приемов произнес Андрей, обхватив себя за черные от липкой грязи плечи. Женщина оказалась права — в трясине, в которой он изображал поплавков, оказалась дрянь несусветная. Такую щелоком драить нужно, в несколько крепких рук И за пару часов непрерывной работы, никак не меньше.

Мазуту флотскому достойную конкуренцию составит! Нефтью шибко пахнет, но что самое интересное, и еще какая-то вонь идет, дюже знакомая. Мерзопакостный запашок!

— Откуда у тебя цепь великого магистра?

Голос рыцаря прозвучал намного тише. Однако настолько угрожающе, что можно было не сомневаться в возможности скорого проведения «интенсивного допроса», как говорили в его время. А в здешнем мире сии действия честно именовали пытками.

— У кого ты взял две тысячи золотых?! Где ты их украл, злыдень?! Я с тебя душу вытряхну!

Андрей без страха смотрел на две протянутых к нему лапищи, но ответить пока не мог — лихоманка обрушилась на него с новой силою. Брат Ульрих принял это за видимое проявление страха и сдавил своей ладонью Никитина за горло.

— К-хе!

Такого варварского обхождения с собою отставной офицер никак не ожидал, даже мемекнуть не успел.

— Говори, грязная свинья!

Рыцарь перешел от слов к «экспресс-допросу» и двумя ладонями надавил на голову так, что Андрей ушел по макушку под маслянистую пленку. И неожиданно подумал, что таких перипетий судьбы он еще не испытывал. Однако мысль тут же вылетела из головы, ибо он стал задыхаться и случайно глотнул, но не живительного воздуха, а омерзительной дряни, что стала отлипать от его тела.

— Говори!

Сильные руки выдернули его из воды, но Андрею стало не до разговоров — кое-как успел перегнуться за кромку бочки. Его мучительно вырвало, но, к великому изумлению, почти перестало трясти, даже зубы стали лязгать намного меньше.

А может, все потому, что сейчас Андрей испытывал не страх, а горел в нешуточной вспышке ярости. Он бы вцепился в глотку крестоносца, но сил пока не имелось.

Бывший майор стал тереть себе грудь, где пьяный медбрат в той жизни оставил

неправильную наколку группы крови. Но которая, по немислимому совпадению, являлась знаком командора ордена Святого Креста. Он тер пальцем место шифровки и одновременно с хриплой яростью, в несколько приемов выкрикнул:

— Ты... ч-то... тва... ришь! Сю-да... пос-мо... три...

Рыцарь немного опешил, отшатнулся, но тут же наклонился, что-то сообразив. И сам стал тереть толстым узловатым пальцем кожу, повелительно крикнув оруженосцу:

— Сюда свети!

Теперь Андрей видел его лицо вблизи — волевой подбородок, рассеченный шрамом, который не могла скрыть коротко подстриженная борода, щетинка усов, крючковатый нос, сетка морщин вокруг стальных глаз да обильная проседь в густых черных волосах.

«За пятьдесят лет, — спокойно думал он, откинув назад голову. — Только они с братом Любомиром, единственные из рыцарей, что остались в живых со дня Каталаунской битвы. Ну, и я, конечно, самозванец хренов! А ведь явно что-то разглядел, вон как пот потек, да лицо бледнеть начало. Шо, брат Ульрих, не ожидал?! Сейчас тебя до самой задницы продерет! Ты еще в мое лицо взглядишь!»

Видимо, у майора на секунду открылся дар телепатии или внушения по методу легендарного Кашпировского — но рыцарь поднес свечу прямо к раскрытым глазам Андрея и долгую минуту вглядывался в его черное от «мазута» лицо.

«Что, брат, доходит?!»

Он держался невозмутимо и строго, ибо боялся хихикнуть — глаза брата Ульриха медленно выпячивались из глазниц, рыцарь даже пару раз потер свои очи, словно был не в силах осмыслить увиденное, а массивная челюсть стала отвисать от изумления, если не сказать крепче, раскрыв безупречно сохранившиеся зубы.

— Боже мой! Командор фон Верт!

Стоявший за спиной рыцаря Дитрих, тоже почтенных лет крестоносец, никак не младше по возрасту самого Андрея, схватился левою рукою за грудь и спустя секунду, не в силах устоять на ногах, уселся прямо в бадейку. Хорошо, что кипяток из нее был вылит раньше, а то бы бедолага обварил бы себе пятую точку.

«А мужик явно второй срок служит, еще до Каталауна в орден вступил и настоящего фон Верта видел. Вона его плющит и тарашит, бедного, как отца Павла в первый раз!»

— Брат Андреас! Хранитель...

Рыцарь наконец поверил собственным глазам и впал на добрую минуту в столбняк, мотая головой, как гужева уставшая лошадь, сам боясь поверить в увиденное.

Затем неожиданно встал перед бочкой на колени и, к великому удивлению Андрея, с видимым почтением поцеловал его грязную ладонь, лежащую на краю бочки.

— Прости, брат, не признал...

— К-ха! К-ха!

Тошнота подступила к горлу, Андрей почувствовал резкий запах «мазута». Он мучительно закашлял, его снова вырвало. А затем кашель навалился снова, но другой, хрипящий — следствие долгого нахождения в гибельной ледяной купели.

— Дитрих! Баб сюда зови! Быстро согреть его светлость! Горячего вина с корицей и перцем. И мед разогрейте! Горчицу приготовить для растирания! Быстро!

Брат Ульрих все понял правильно и сразу принял неотложные меры. По его лицу промелькнула тень ужаса, причину которой он разъяснил дрожащим голосом:

— Как бы тебя лихоманка болотная не пробрала, брат-командор! Не сгорел бы ты, простыл сильно! Нет-нет, ничего мне не говори, побереги горло! Сейчас тебя помогут и разогреют!

Приказы рыцаря были исполнены молниеносно. Через несколько секунд в комнатенку

вбежали три бабенки, по всей видимости, мывшие его раньше, когда он находился в беспамятстве. Одна лет сорока, худая, как шпалина, некрасивая, даже страшненькая, а вот две помоложе, лет 25–30, одна статная, а другая пухлявая, в домотканых, до пола рубашках. Причем мокрых, которые не столько скрывали, сколько подчеркивали все округлости и выпуклости.

— Тереть его светлость без передышки. Водой горячей постоянно мыть! Сильно замерзли они! Вы и так знаете, что делать! А ты приготовь постель и убирайся вон!

Рыцарь отдал команду лязгающим голосом, перехватив крепкой дланью первую, пожилую женщину и силою отправив ее обратно за дверь. А вот оставшиеся бабенки помоложе действительно все знали и умели. Они сразу взяли Андрея в оборот и, скинув рубашки, нисколько не стесняясь наготы, принялись за него с удвоенной энергией.

Терли, скребли почти без передышки, как стахановцы, прямо прилипали к нему своими телесами, пышущими жаром не хуже кипятка, постоянно обмывая чистою горячей водою.

Грязную муть незамедлительно черпали из бочки и уносили два молодых ордена, что краешками глаз постоянно косились на разгоряченные женские тела.

Андрей чувствовал себя султаном в гареме, малейшие желания которого тут же выполняются. Да и выпил немало — вино с пряностями и горячий хмельной мед в него вливали в больших количествах, так что к концу мытья он окосел — пил ведь на голодный желудок и после жуткого стресса.

И самое постыдное, что его организм среагировал на женскую близость самым естественным образом, положенным самой природою, что его сразу изрядно сконфузило.

— Эй, вы, — скомандовал рыцарь женщинам, заметив некоторое смущение командора, стоявшего в бочке греческим Аполлоном, только без фигового листочка на том месте. Да и не спрятал бы там ничего этот лист, поздно, да и размер нужен побольше, — быстро греть постель его светлости! Там все растирания приготовлены, так что все за вами. Пошли отсюда!

Женщины без всякого смущения выскочили из комнаты, но бросили на Никитина такие жадные взгляды, что тому стало неуютно. Он уже понял, что притирания и снадобья будут не самым главным средством в лечении. И с умоляющим взглядом повернулся к Ульриху, который с помощью оруженосца укутывал Андрея в меховой плащ.

— У меня целибат...

— Он ведь от похоти, брат-командор! — Рыцарь на корню заглушил протестующий писк Никитина. — А тебя лечить нужно! Для того все средства хороши, а мы воины, а не монахи! Не упрямысь, твоя болезнь может погубить орден. Ты ведь единственный Хранитель! Так?!

— Так, — вынужден был согласиться с ним Андрей.

— Все разговоры будут завтра, а сейчас я обязан заняться твоим лечением. И я это сделаю, несмотря на твои возражения. Ибо это мой долг перед орденом!

Брат Ульрих говорил настолько непреклонным тоном, что Андрей понял, что если потребуется, то крестоносец свяжет его и отдаст женщинам на растерзание.

Честно говоря, после Милицы это нарушение не выглядело уж слишком греховным — ибо мотивы совсем другие. Так что терзаниями совести он нельзя сказать чтобы совсем не страдал, но определенные неудобства все же испытывал. Да и два матерых вояки сейчас не спускали с него глаз, так что хорошо видели, скажем так, его «активацию».

Но Андрею нужно было сохранить внешнюю благопристойность, не на блуд пойти, а на лечение, ведь это совсем иное дело.

— Хорошо, поговорим завтра, брат Ульрих. Благодарю за заботу, а сейчас ты прав — мне нужно согревание и лекарства. Болезнь совсем некстати, у нас слишком много дел.

Теперь нарочно закашлявшись, прохрипел в ответ крестоносцу Андрей, с нарочитым смирением наклонив голову и сделав к двери такой медленный шаг, будто смертник, пошедший

на эшафот...

«Великое дело — вовремя назначенное правильное лечение! Эх, лечили бы так в наше время вместо антибиотиков разных...» — с видимым удовольствием подумал Никитин, ощущая необычайный прилив сил во всем теле.

То ли разнообразные снадобья и притирания помогли, то ли ставшее в здешнем мире богатырским здоровье. Но возможно, и самое энергичное воздействие этих двух милых и ласковых женщин, разогревавших его в прямом и переносном смысле, всю ночь.

«А ведь еще немцы в войну эксперименты на несчастных заключенных концлагерей ставили по лечению замерзших в арктических водах моряков и летчиков. И пришли к выводу, что самым лучшим средством является женское тепло. А в здешнем мире это хорошо знают, вона как меня полечили, ни кашля, ни насморка!»

Тут он, вспомнив о некоторых деталях этого процесса, мучительно покраснел. О таком он не ведал, хотя считал, что знает порядочно, да и практика большая, а потому пришел в крайнее смущение. Хорошо, что окошко в комнате было маленьким, непрозрачным и в ней царил постоянный полусумрак. А то представительницы слабого пола с немалым интересом бы посмотрели на его багряные щеки и уши.

— Вам ничего от нас еще не потребуется, ваша светлость?! Мы можем идти домой?

Обе ночные спасительницы склонились перед ним в поклоне, на лицах сплошное удовлетворение, глаза блестят. К своему стыду; он так и не удосужился узнать их имена, а потому решил попрощаться без лишней интимности. Ведь это была не более чем случайная встреча — так, сошлись и разошлись, как в море корабли.

Андрей кивнул своим спасительницам, как бы разрешая удалиться, но тут же спохватился, памятуя, что должен держать образ благодетеля, ведь орден стал в этих местах полным владыкою.

— Вас не обидели?

— Нет, что вы, ваша светлость. Пан Дитрих нам по полгроша дал, можем детишек приодеть и сами. Полотна купим, — громко ответила пухлявая, потупив шаловливые глазки. Она была побойчее и говорливей, чем напарница. И такая искусница...

— Полгроша...

Андрей задумался. Теперь он по-другому посмотрел на женщин и увидел морщины под глазами, натруженные от вечной работы руки, хоть и починенные, но давно изношенные платья — а ведь наверняка надели самые лучшие. А может, и единственные. Так что полгроша очень большие деньги для этих мест.

— Мужья где?

— Угры убили этим летом. По одной милости пана Тадеуша с детьми живем, да родичи помогают, в беде не оставляют. Здесь так принято, — мгновенно потускнела бойкая, словно искру задули, а ее подруга выразительно вздохнула, почернев лицом за мгновение.

«Мог бы и не спрашивать, дурак. По ним же видно, что вдовы, и у каждой на шее сироты. Вот и готовы на все, и по мужской ласке изголодались, и по хлебу».

Андрей засопел и, подойдя к массивному ларю, поверх которого был накинута его командорский плащ с торчащей из-под него рукоятью меча, достал свой кошелек, в котором, как он знал, было полдесятка золотых да на пару злотых серебряных грошей. Распустил завязки мешочка, не глядя, высыпал на ладонь десяток монет и, подойдя к бойкой, сунул деньги.

— Бери, бери. Вам они пригодятся.

— Нет, ваша светлость...

К его изумлению, женщина энергично и отнюдь не притворно, это он понял сразу, запротестовала. И убрала свои руки за спину, и так же сделала ее подруга.

— Орден нас всех спас. Иначе бы не перезимовали. Вы спасли, ваша светлость! Хлеба одного до будущего лета на всех привезли. Да мы... Да я... мы жизнь за вас отдадим...

В глазах женщины выступили слезы, она с таким упреком посмотрела на командора, что того пробрало до пят. Тут ведь совсем иначе ко всему относятся, не так как в «политкорректное время», помочь, услужить готовы искренне, а он им деньги, как дешевым проституткам. От стыда Андрей был готов провалиться на месте, но тут вспомнил об ином.

— Дура! — рявкнул он на отшатнувшуюся от него женщину. — Орден вас всех под покровительство взял, а потому заботиться обязан! А вы — служить искренне и честно! И дети ваши должны вырасти достойными воинами, война с магометанами не один год продлится и даже не век. А потому они хорошо должны есть — как вечно голодный заморыш меч держать будет? Так что заberi деньги, не зли меня! Мои приказы неукоснительно выполняются всеми! Знаешь, кто я такой?!

Последняя фраза у Андрея вышла пошлой, как в старом анекдоте, который, само собою, был здесь неизвестен. Но женщинам ее хватило за глаза — обе рухнули перед ним на колени.

— Да, ваша светлость! Благословите!

Никитин оторопел — они склонили перед ним головы, целовали руки, а ведь ночью такое было, что даже как-то в голове не укладывается. Или тут на все проще смотрят?!

— Живите с миром.

Андрей перекрестил склоненные перед ним головы, он уже несколько обтерся в этой новой для себя роли и уже не испытывал того жгучего стыда, как раньше.

— С колен поднимитесь — негоже матерям воинов их преклонять. Не рабыни вы, холопки, а я вам не пан!

— Пастырь вы наш, святой отец!

Он задохнулся от полученных слов, как от пропущенной в живот доброй плюхи, посмотрел с недоверием — нет, вроде не издеваются над ним, не намекают на *иные* отношения этой ночью, говорят серьезно, с благоволением, словно доброму священнику. Даже глаза горят фанатичным блеском — как тут не поверить!

— Деньги на детишек потратьте, и, смотрите у меня, чтоб все было, а то... Ну вы поняли!

— Но тут много, и золото, — растерянно вымолвила женщина и раскрыла ладонь, Андрей мысленно ахнул — золотых монеток было почти столько же, как и серебряных. И тут же зеленая пупырчатая жаба зашевелилась в его душе, стена и охая.

— Возьмите обратно злотые, нам пяти грошей серебра на пол года хватит... — умоляюще прошептала женщина.

Может быть, в другое время он и поддался порыву, но тут посмотрел на два туго набитых мешочка с динарами и солидами. Да и не к лицу командору забирать дареное.

— Это на всех детей в селении, — по-барски бросил он и осекся — дверь отворилась без стука, в комнату вошел брат Ульрих, а потому Андрей заторопился выпроводить женщин:

— Бери деньги и иди, дочь моя!

Те поклонились в пояс и тут же выбежали, радостные и довольные, а рыцарь, к удивлению Андрея, ведь они остались вдвоем, преклонил перед ним колено. И сказал столь серьезным голосом, какие уж там розыгрыши или нарочитое смирение:

— Благословите меня, грешного, ваша светлость.

Пришлось перекрестить покорно склонившуюся перед ним седую голову, а потом положить правую руку на плечо рыцаря, заставляя того поднять на ноги обратно. Но взглянув в лицо брата Ульриха, Андрей решил, что для него сейчас лучшая защита — это нападение и

ответы давать нужно лишь после своих вопросов.

И сразу сказал весомую фразу, которую могли произносить только члены капитула, что заставляла каждого крестоносца без лишних слов выполнить любой приказ.

— Дело ордена, брат!

— Я готов, ваша светлость!

— Вчера ты был сильно удивлен, брат, когда узнал меня. — Андрей сделал запрещающий жест, призывающий к молчанию, и рыцарь тут же стиснул зубы, сдержав порыв.

— А потому я уверен, что мой приказ, посланный два месяца тому назад, в богемские и моравские замки, ты не получил...

— Нет, твоего приказа, брат-командор, я не получал. Даже не знаю, что ты его нам отправлял.

— Так почему ты здесь с крестоносцами, а не в Бяло Гуру, куда я приказал вести «копья»?! Ах да, ты же никак не мог получить этого приказания. Но кто тебя отправил?

— Четыре месяца назад через папского легата в Праге я получил послание от брата Любомира с приказом исполнить наши силы в Богемии и Моравии и идти быстрым маршем в Бежицу, к брату Карлу, чтобы под сильной охраной увезти нашу святыню.

Рыцарь говорил четко и ясно, но в глазах, как Андрей видел, у него все ярче и ярче разгорается огонек непонимания. Но и сам Никитин впал в некоторую растерянность — он-то точно знал, что отец Павел не отправлял никаких приказаний в Прагу.

— У тебя с собою это послание?!

— Да, вот оно!

Рыцарь бережно извлек из-за пазухи кожаный мешочек и вытряхнул из него свернутую трубочкой грамоту, но не бумажную, а из толстого пергамента, с подвешенным на шнурке кругляшом твердого воска с четким оттиском печати. Развернул и протянул Андрею, который схватил его, как щука карася, быстро прочитал, внимательно взглянул на печать, скривил в оскале губы, уж больно она не походила на ту, что осталась у старого священника, и хрипло рассмеялся:

— Это подделка, брат Ульрих. Грубая подделка, особенно с почерком. Орденская печать у меня, а здесь плохой оттиск. И брат Любомир тебе не отсылал ничего. Повторяю еще раз — мы отправили грамоты во все орденские замки лишь два месяца тому назад, когда полностью утвердились в Белогорье. Тебя обманули!

— Я понял это, — тихо произнес Ульрих, — когда с тремя «копьями» пошел на Бежицу. Угры были везде, и особенно в горах, они перекрыли все перевалы. А с ними были и гулямы, много гулямов, я с Католаунского поля подобного не видел.

— Как же вы через них прошли?

Андрей с нескрываемым уважением посмотрел на рыцаря — крестоносец либо выполнял приказ, либо погибал, иного не дано. А раз перед ним живой, то как-то сумел прорваться.

— Я увел отряд на юг, в предгорья. Там угров почти не было, мы прошли спокойно, даже в степь раз вышли, только одна схватка за всю дорогу и случилась. Побили мы три десятка всадников, в полон не брали, да и никто не ушел. Но Бежицкий замок...

— Он пал до вашего прихода?!

— Да! Там были гулямы, но недолго. Почти сразу же ушли. Крестоносцы гарнизона, их было два десятка, не оказали никакого сопротивления. Замок абсолютно цел, и ворота, судя по всему, открыли изнутри. Не может быть, что брат Карл изменил, я даже не думал над этим! Но как гулямы вошли в замок?! Вот что непонятно!

Ульрих закрипел зубами, его глаза сверкали от гнева, старый рыцарь еле сдерживал себя.

— Их всех перерезали как курей, распластали на куски! Но птицы хоть метаются от убийц,

кудахчут, а эти как сонные... Вот что непонятно! Почему так произошло?

— Ты нашел брата Карла?

Андрей спросил для проверки — сам он прекрасно знал, как и где погиб старый рыцарь. На той границе Запретных земель, где они истребили десяток воинов Сартского, посланных в погоню.

— Нет, — глухо произнес рыцарь, — и меча не нашел. Возможно, он ушел через подземный ход, гулямы его не завалили — похоже, не знали. Зато у колодца мы нашли эту ленту. Откуда она там оказалась?! Ведь в замке никогда не было женщин!

Ульрих протянул небольшую шелковую ленту, которую извлек из-под плаща, и Андрея словно ударило прямо в сердце. Он видел уже раз такую, но на всякий случай провел ею под носом, сразу уловив ноздрями знакомый до боли запах.

— Тебе знакома эта повязка?

— Да. — Андрей криво улыбнулся, теперь он все понял, сложив два и два. — Ты спрашивал меня, брат, что там произошло? Впрочем, такое могло иметь место неделю назад неподалеку, в замке «Трех дубов». Я тебе отвечу одним словом — измена!

Хочешь не хочешь, но ехать на болото к колдуну было необходимо...

— Чтоб тебя черти разодрали, Войтыла!

Сартский держал в руках арбалет, затравленно оглядываясь по сторонам. Он вздрагивал всем телом от малейшего шороха, плечи и спина ныли от напряжения.

Он не стал приказывать седлать свою любимую гнедую кобылу, потому как помнил, что во время своего последнего визита к колдуну он чуть было не лишился ее.

Теперь же, то и дело ударяя пятками в бока крупного солового мерина, он злился на себя:

— Гнедка меня сколько раз выносила? А этот мешок с травой, — он снова гневно поддал шенкелей еле бредущему коню, — едва тащится! Вот дурак! Кобылу пожалел! Да! Кобыла и останется, ездить на ней некому будет... Но! Пшел! Пшел, скотина!

Все в этом ужасном проклятом месте было так же, как в прошлый раз, даже еще хуже, казалось, что прошла не пара месяцев, а пара десятилетий: под мохнатой бородой сизого мха уже не угадывались когда-то белые стволы березок, они, словно придавленные могучей силой, пригибались к земле, склоняясь под невидимой тяжелой ношей.

Осень и здесь давно вступила в свои права, только воздух был наполнен не сладким запахом опавших прелых листьев, а смрадом гнили и затхлости.

Кое-где березы были выворочены, и, не успевшие обрасти мхом, корни торчали подобно костлявым скрюченным пальцам. На секунду Сартскому показалось, что эти корни-пальцы сжимаются и разжимаются, словно примеряясь к его горлу, и он, судорожно сглотнув, замотал головой, прогоняя наваждение.

Оглушающая тишина заволокла все вокруг, и даже из-под копыт не доносилось ни хруста, ни шелеста. словно огромный молот бухало где-то в горле сердце, увязая в липком холодном страхе, наполнившем низ живота.

Все явственнее ощущался запах болотных испарений. Тропинка петляла теперь уже между совсем хиленькими полусохшими деревцами и большими бурыми кочками.

С каждым шагом раздавалось все громче и громче противное чавканье: из-под копыт выступала темная вода, а вокруг появлялось все больше и больше лужиц, подернутых бурой тиной.

— Пресвятая Дева Мария!

На одной из дальних кочек что-то или кто-то шевельнулся. Рука Сартского, дернувшись, замерла в нерешительности: то ли к нательному кресту, то ли к болтам с серебряными накладками, которые он специально приказал отлить, отправляясь в Гнилую Падь.

Шевеление усилилось, и Сартский, приглядевшись, увидел сплетенных в огромный клубок гадюк, необычайно крупных и толстых, в самой гуще которых белела обнаженная женская спина.

Отчаянно заморгав, он стал лихорадочно заряжать арбалет, но руки не слушались, один за другим драгоценные серебряные болты без звука шлепались на мягкий влажный мох.

Женщина словно почувствовала его взгляд, привстала, стряхнув с себя змей, и обернулась, заставив магната замереть от ужаса. На голове ее среди вплетенных в волосы желтых болотных кувшинок извивались маленькие змейки, а сами волосы бурого цвета, длинные и мокрые, почти полностью скрывали грудь, но не блестящий змеиный хвост, начинающийся от пояса и оканчивающийся где-то в змеином клубке.

— Ш-ш-ш!

Огромные, немигающие, темные, словно болотная вода, глаза приковывали к себе.

Недовольно изогнув губы, она с тихим шелестом отвернулась.

— Пш-ш-шел прочь, человек! Не с-с-с-мотри на меня!

Не повинуюсь дрожащим рукам, арбалет, сухо щелкнув, больно прищемил мякоть ладони, приводя его в чувство. На ощупь ощутив повод, Сартский со всей силы ударил в бока мерина, чтобы поскорее убраться от этого места, однако, не удержавшись, оглянулся: гадина, извиваясь, сбрасывала старую змеиную кожу.

— Как ты пос-с-смел?! Ты ответиш-ш-ш-шь... Ус-с-с-ни навечно...

Внезапно навалившаяся усталость потянула вниз веки. С трудом подняв руку, Сартский хлестанул плетью коня из последних сил, чувствуя, что в голове плещется огненный шар расплавленной, ломающей затылок боли.

Мысли текли медленно, словно капающий с ложки тягучий мед, и было совсем не страшно.

— С-с-с-пи...

Шелестящее шипение раздавалось со всех сторон, все вокруг кружилось, словно в безумном хороводе: деревья, болотные кочки, лужицы с грязной водицей, свинцовое небо и серые низкие облака, глаза закрывались, но он, еще окончательно не потеряв ориентацию, попытался поддаться шенкелей.

Однако конь, казалось, не реагировал: опустив голову, он с трудом переставлял ноги. Сделав еще пару шагов, мерин мотнул головой и, заваливаясь на передние ноги, рухнул на бок, увлекая за собой седока. Сартский, извернувшись, изловчился выдернуть ногу из стремени, но все равно зацепился за что-то, а через мгновение боль в затылке угасла вместе с сознанием...

С трудом, но сознание возвращалось. Еле разлепив глаза, он с трудом сдержался от подступившей тошноты, вызванной неприятным запахом пропастины. Сварливый голос Войтылы резанул по ушам:

— Ясновельможный пан! Какая радость, что пан навестил старика! А я-то думал, что пан забыл своего покорного слугу...

— Я забуду о тебе, когда ты сдохнешь! Чем у тебя тут так воняет?

Сартский с трудом поднялся, осматриваясь. Он лежал на топчане в землянке колдуна. С отвращением скинув с себя затхлые тряпки, он, пошатываясь, встал и вышел наружу — свежий воздух сделал свое дело: хоть по-прежнему голова гудела и кружилась, но хотя бы тошнить перестало.

— Так по работе моей и воняет! — Войтыла заспешил следом. — Не розы, чай, выращиваю! Пан привык, видать, только благовония нюхать?

Он скрипуче рассмеялся, но Сартский пропустил мимо ушей ехидный тон колдуна. Прикрыв глаза, он тяжело опустился на колченогий, грубо сколоченный табурет:

— Что произошло со мной? Я сожгу тебя, колдун! Что ты тут творишь, черно книжник! Там я такое видел!

— С лошади пресветлый пан упал! — Войтыла поспешно перебил его. — Конь провалился, а пан и не удержался! Головой приложился, вот чуть и не преставился! А там и не было ничего, померещилось от духа болотного, ядовитого... Я-то, грешный, словно чувствовал, что пан ко мне едет, вот и пошел навстречу, травок решил еще собрать на болоте. Гляжу, пан-то лежит! Ну, я и притащил пана сюда, а вместо благодарности пан меня живота лишить хочет!

— Да? — неуверенно протянул Сартский. — Ну, полно, не голоси, словно девка поутру! Пока служишь мне верно и честно, ничего с тобой не станется!

Он пошарил на поясе и отцепил небольшой кошелек, из которого вынул пару мелких монет и кинул их на землю перед собой. Войтыла проворно упал на колени и кинулся выбирать из пыли серебро.

— Маловато!

— Скажи спасибо, что жизнь твою до сих пор не забрал! Ты чего, торгуешься со мной? — Сартский погрозил кулаком колдуну, но поморщился от резкого движения. — Ты и так должен был спасти своего господина!

— Пан не так меня понял! Да и пристало ли пану сейчас злиться? Голова болит у пана? — Войтыла заковылял назад в землянку.

— Да! — Магнат осторожно потрогал огромную шишку на затылке. — Как же я так? И все же я там видел кое-что странное... Не могу вспомнить... Кстати, а конь мой где?

— Так конь в чаще сгинул! — Войтыла вынырнул из землянки с деревянным ковшом, наполненным темным густым отваром. — Маловато, я говорю, пану досталось, раз жив остался! Пусть пан выпьет, и пану полегчает!

Сартский осторожно принял ковш, стараясь не расплескать отвар, подозрительно принюхался.

— Там не отрав! — Колдун мелко затрясся от беззвучного смеха. — Неужели пан думает, что я специально тащил его, чтобы здесь отравить?

— Да можешь ли ты вообще отравить?! — Сартский в ярости соскочил, отброшенный ковш покатился по земле. — Я приказал тебе сжить со свету командора! И что? Где он? Там, куда твои руки не дотянутся! Ты не колдун, а шарлатан, я велю посадить тебя на кол, как вора, плута и мошенника!

— А пан уряд разве сам выполнил? — Войтыла прищурился: он нисколько не испугался гневной отповеди магната, прекрасно понимая, что он ему нужен живым. — Пшемишек ходил в Старицу за звездной рудой, что я давал пану вместе с командорской цепью, но его взашей люди пана вытолкали! Но я, если пан будет щедр, скажу, где командор!

— Я и сам знаю, где Верт! Вот! — Сартский швырнул сверток. — Там твоя руда! Делай что хочешь, только он должен сгинуть в Запретных землях!

— Сгинет, пресветлый пан, сгинет! — Колдун, осторожно подобрав, спрятал сверток за пазуху. — Но пока он там, панове, следовало бы Белогорье к своим светлым рукам прибрать! А то не ровен час, потом поздно будет!

Колдун доковылял до каменного очага и жестом подозвал магната. Сартский нехотя подошел и остановился в нескольких шагах.

Войтыла бормотал что-то, низко склонившись к тлеющим углям, на которые он вскоре аккуратно положил небольшой кусок темной руды, той самой, что привез ему Сартский.

— Рука пана пресветлого нужна! — Войтыла проскрипел не оборачиваясь. — Кровью пана нужно брызнуть, чтобы заклятие подействовало! И голова перестанет болеть сразу, как кровь отворю!

— А твою кровь нельзя использовать? — Магнат недоверчиво смотрел на начавший снизу багроветь кусок руды.

— Можно, — пожал плечами колдун, — но тогда и власть над Вертом моя будет!

Сартский, немного подумав, закатал рукав и протянул колдуну запястье. Войтыла, шепча заклинания, сильно дернул на себя, так, что магнат чуть не потерял равновесие.

— Полегче! — Сартский поморщился, когда колдун провел ножом по коже и зачарованно глядел, как падающие капли крови, шипя, запекаются на поверхности.

— Завяжи, пресветлый пан! — Войтыла отстранил руку назад. — Все! Свершилось!

— Обойдется! — Сартский оглядел почти свернувшуюся кровь на порезе, натягивая сверху рукав. — И не такое заживало как на собаке...

Внезапно позади раздался шорох, и магнат резко отпрянул: за спиной стояла ослепительной красоты девушка, одетая в простое платье, босоногая и простоволосая.

— Агнешка, доченька! — Колдун растянул морщинистые тонкие губы в подобие

улыбки. — Ты рано вернулась...

— Чья это девка? — потрясенно произнес Сартский, замороженно глядя в ее карие с золотым отблеском глаза. — Холопка беглая? Я куплю ее у тебя, колдун!

— Нет, пане! — Войтыла запротестовал, замахал руками. — Это не холопка, это так, приبلудная! Красота ей дадена, видать, в обмен на разум, дурочка она...

— Дурочка, говоришь? — Магнат взял ее за подбородок и заглянул в огромные оленьи глаза. — Ну-ка, ну-ка...

Он бесцеремонно ощупал Агнешку, которая смотрела поверх его головы и улыбалась, помял грудь, задрал юбку, открыв садящемуся солнцу белоснежные бедра и темные курчавые кудряшки лона.

— Хороша! Девка еще или пользовали? — Закусив губу, он приценивался к Агнешке, словно покупал кобылу. — Значит, так, колдун, заберу я ее с собой, по нраву она мне! Денег тебе дам! Хворобы нет ли какой тайной?

— Что ты! — Войтыла потянул за руку Агнешку к себе. — Она мне помощница, травы собирает, по хозяйству хлопочет...

— А этот... Как его, запомнил... Парень, что прошлый раз тут обтирался... Он же тебе помогал! — Конрад пощелкал пальцами, вспоминая.

— Пшемишек?

— Да черт с ним! Где он? Пусть тебе и помогает, а девку я заберу!

— В болоте Пшемишек сгинул, — со странной интонацией в голосе проговорил Войтыла, — а Агнешка вот и приبلудилась, не один я остался...

— Не сдохнешь! — Он, сдавив щеки, открыл ей рот. — Чего такой красоте в глухомани твоей делать? А что убогая, так мне с ней не беседы богословские вести! Вон, зубы ровные, кожа чистая, задница хороша... — Он хлопнул ее со всей силы по бедру, но она и не пошатнулась.

Войтыла замер, уставившись на руку магната, по кисти которой потянулась тоненькая струйка крови.

— Хороша! — Сартский потянул вверх рукав, успевший пропитаться темными пятнами. — Ах ты, черт...

Вдруг ноздри девушки затрепетали, словно она, как олениха, почуяла дикого зверя, по телу прошла судорога, и Агнешка застонала, закатив глаза. Опустившись на четвереньки, она немигающими глазами уставилась на капающую уже редкими каплями кровь с порезанного запястья магната.

— Тьфу ты, припадочная! — Сартский брезгливо отвернулся, затягивая платком кровоточащий порез, не заметив, как зрачки девушки сузились до кошачьих щелок, а изо рта потянулась нитка слюны.

— Так и есть, пресветлый пан, припадочная она! — Войтыла с силой за локоть потащил его на другой край опушки подальше от землянки. — Зачем пану дурочка? Пан лучше себе найдет! У пана много золота будет, когда он орденские деньги приберет...

— Да! — Сартский хлопнул колдуна по плечу. — С твоей девкой я и про Верта забыл! Как руда-то звездная действует? Что мне делать надо?

— А ничего, ясновельможный пане! — Войтыла развел руками. — Я такое заклятие впервые делаю, старое оно, но зело сильное! В книге было написано, что тот, кто стал Повелителем, сам поймет и ощутит свою силу над Рабом!

— Темнишь ты, колдун! Нет у меня веры тебе, сам все сделаю! — Сартский крепко сдвинул плечо колдуна, так что тот присел и заохал от боли. — Слушай меня внимательно: во-первых, вывернись из шкуры, но изведи его, иначе я с тебя шкуру по-настоящему сниму!

Войтыла быстро закивал, он осекся под тяжелым взглядом магната.

— Есть, пресветлый пан, у меня способ, золота только не пожалей на оплату...

— Будет тебе золото! — Сартский резко оборвал колдуна. — Получишь за Верта! И еще больше получишь, если девку от падучей избавишь, травами вылечишь — это во-вторых! Пришли ее ко мне в Старицу, и тебя, и ее озолочу! А не исполнишь волю мою — ее силой заберу и холопкой сделаю, а тебя собаками затравлю!

— Все исполню, пане! — Войтыла упал на колени и попытался облобызать сапоги магната, но тот оттолкнул его. — Помилуй! Пощади слугу своего...

— Ах! — Сартский в сердцах махнул рукой. — Толку с тебя как с козла молока! Все равно своими собственными руками Верта придушу!

— Придушишь, пресветлый пан, придушишь! — Колдун протянул руку, указывая на тропинку, извивающуюся между покореженных берез. — Ручей, что раньше мелким был, так с половодья и не спал, много воды в Гнилой Пади прибыло, болотина появилась... Иди, панове, найдешь лодку, там она лежит, вниз по течению враз до Старицы сплaviшь! Поторопись, солнце совсем скоро сядет!

— Да уж! — Сартский зябко повел плечами и, не оборачиваясь, зашагал по еле видимой тропинке. — Оставаться на ночь тут я не пожелаю никому, мне еще пожить хочется...

— Может, и поживешь! — Войтыла сузил глаза, глядя вслед удаляющемуся магнату. — Раз тебе Агнешка понравилась, то жить тебе недолго осталось! Но ты еще поживешь! Пока ты мне нужен...

— Нас обложили со всех сторон, как медведя в берлоге! И откуда последует очередной удар, мы не знаем. А потому тычемся со стороны в сторону, как слепые щенята, а враги не дремлют!

Андрей криво улыбнулся и отпил вина из кубка. Вот уже три часа как он говорил с Ульрихом, выложив тому приобретенные знания, домыслы и все свои подозрения. За исключением своего появления в мире, само собой, да соглашения с отцом Павлом.

Даже про Милицу рассказал честно и помянул про нарушение celibата. От последнего откровения рыцарь небрежно отмахнулся, заметив, что это вообще воинов касаться не должно, кто из них не без греха на этом свете. А нечаянный блуд просто невинная забава по сравнению с ежечасным нарушением заповеди «не убий».

— Что ты будешь делать, брат-командор?

— Мы будем делать, и особенно ты! — Андрей наклонился, уперев взгляд в Ульриха, и заговорил тихо, но веско:

— Ты, брат, старше всех в ордене, отца Павла я в расчет не беру, у него дел полно. Ты опытен, знаешь многое и многих. А потому будешь распутывать по ниточке этот клубок.

— Хочешь найти иуд, что на тебя покушались?

— Не только. Я хочу знать, что происходило раньше и свершается ныне против ордена. Наши враги должны быть выявлены быстро. Ведь смотри, что получается — не успел я до Белогорья добраться, как Стефан Заремба в плен к Сартскому угодил, а ты чуть ли не половину наших воинов в Бежицу увел по поддельному приказу. Так?!

— Будь уверен, что я выверну наизнанку, выпотрошу отца Бенедикта, что передал мне этот приказ...

— Не торопись! — остановил вскипевшего гневом рыцаря Андрей. — Лучше установи — был ли он в те дни, когда погибли два последних командора, в их замках. И другие воины ордена, от рыцарей до последнего служителя. Это очень нужно.

— Ты хочешь знать, кто из них был во всех местах, где произошли злодейства?! О таком мы раньше не думали, считали, что предателей нет. — Брат Ульрих соображал быстро, вот только лицо почернело от всего сказанного шепотом в этой комнате.

Слишком важны были сказанные слова, и даже стоявшим на страже воинам собеседники не доверяли в полной мере. Нет, в верности сомнений не было, но ведь пытки любому развязать язык могут, а потому зачем вводить в грех подслушивания.

— И довели орден до ручки, до Каталауна. Теперь нас начали добивать, заманив и тебя, и наш отряд в ловушку. А в спину ударили викинги. Хорошо, что успели меры принять...

— Это только на время. Я думаю, что пан Сартский сам ударит по нам, и вскоре. Действовать с хирдманами ему было не с руки, соседи бы махом походом пошли на Старицу — слишком плохая у северных разбойников репутация. А сейчас самое время, пока большая часть наших сил здесь, на юге. И медлить он не станет!

— Ты прав, и нам следует поторопиться. — Андрей поднялся с лавки и прошелся по комнате, обогнув широкую кровать. — Бежицу и «Три дуба» мы обязаны удержать любой ценою, это ключи к предгорной Словакии. Тем паче этой зимою, пока угры в своих степях кочуют, мы должны успеть восстановить два замка, что запирают долину, и занять их крепкими гарнизонами. И тогда наше положение в здешних краях сильно упрочится.

— Ты прав — если крестьяне снова распадут те земли, то население не станет бежать от голода за Карпаты. А значит, будет нам опорой. Какие силы ты здесь оставишь?

— Сейчас никаких, все воины нужны в Бяло Гуру. Немедленно нужно увести туда всех крестоносцев.

— Как всех? — Ульрих даже привстал с лавки от удивления. — Мы не должны бросать укрепления, мало ли что!

— Я сказал — всех, кто пришел с нами, а гарнизоны останутся в прежнем составе. Только ротацию произведем. В Бежицу отправим «копье» Райтенберга — он молод, только вступил в орден...

— Райтенберг... Райтенберг... — Ульрих словно разжевал слово и бросил острый взгляд на Андрея. — Это, случайно, не сын твоего... Хм... наперсника, скажем так.

— Сын, — кивнул Андрей, до сих пор не зная, какие нити связывали настоящего фон Верта с семьей фон Райтенбергов. А отец Павел стоял на страже тайны исповеди нерушимой скалой.

— В «Трех дубах» станут гарнизоном на зиму словаки, местный барон давно обещал мне выделить три «копья», одно из которых отправим в Бежицу. Ну и ты оставишь по «копью» в замках, из самых молодых рыцарей, тех, кто полного срока в ордене не выслужили. Пусть к самостоятельности привыкают да доверие наше прочувствуют. Всех остальных уведешь в Вяло Гуру. Гонца к отцу Павлу уже отправил?

— Еще ночью, как местного пана Тадеуша расспросил. Он, кстати, сразу же посыльных сам отрядил, вчера. Как нас узрел!

— Он вассал ордена, это его обязанность. Вот пусть и другие словаки послужат на благо Святого Креста, раз мы их всех на содержание взяли и защищать станем.

— Может быть, лучше брата Людвига бежицким комендантом оставить? — осторожно промолвил Ульрих. — Он уже целый месяц там и очень опытен, искушен...

— Нас и так мало, — отрезал Андрей — такое предложение разом крушило его планы по избавлению от навязанного celibата. — Вацлав, Людвиг и Иоганн из Замостья отслужили полные сроки и могут быть членами капитула ордена. Их нужно беречь...

— Нас всего шестеро таких, брат-командор, считая тебя, отца Павла, что снова меч в руки взял, и меня. Меньше половины для созыва — какой уж тут капитул из шестерых!

«Уже семерых, а вскоре станет еще больше, намного», — подумал Андрей, но разглашать свои планы не стал. Не время еще откровенничать. Рыцарь же воспринял его молчание как нежелание разговаривать и задал очень осторожный вопрос:

— Что ты искал в той злополучной трясине, брат-командор? Что тебя туда привело?

«Собственный идиотизм, расслабился, понимаешь».

Андрей задумался над тем, как бы ему половчее соврать, да чтобы правдоподобно было, без морального ущерба для статуса. Выгадывая время, решил ответить вопросом на вопрос и с улыбкой, дабы можно было перевести все в шутку, если не так пойдет, как нужно.

— А может быть, я там заплутал?! Шел, шел, дорогу потерял. С чего ты взял, что я там что-то искал?

Его тогда спасло только чудо — трое из словаков пробрались в Бежицу и сообщили, что через горы перешел большой отряд крестоносцев. Такая новость не могла оставить брата Ульриха на месте, и с десятком крестоносцев тот бросился в Поборское. И вовремя...

— След по снегу шел ровный, целеустремленный. Так в беспамятстве не идут и не плутают в тумане.

— Нефть искал там, как мне говорили. — Андрею показалось, что он нашел самый убедительный ответ. Тем более что вязкая субстанция его самого крайне заинтересовала.

— Что искал?

— Один из главных компонентов «греческого огня», — пояснил Андрей, глядя в расширившиеся глаза Ульриха. — Знаешь о таком? Вижу, ведаешь. Как думаешь, может нам он

пригодиться?

— Вот оно что, — задумчиво протянул рыцарь, качая головою. — Ты таким же, как и раньше, остался, готовым на любой риск идти ради ордена. Я бы не рискнул вот так запросто в смертельную трясину лезть — там же голову не за грош сложить можно было. Ты по праву наш командор...

Андрею стало стыдно — как-то всегда выходило, что все его промахи и дурости у крестоносцев получали весьма понятные и уважительные объяснения, идущие ему только на пользу, и, как говорили в советское время, в укрепление авторитета.

«Поработал бы ты в милиции, брат Ульрих. Вот там любые „косяки“ стараются в лучшем свете представить, себе во благо. Или по крайней мере на соседа перевести, чтобы тот по самую сурепицу огребся. И к достижениям примазаться, дабы благосклонный взгляд начальства приобрести. А ты говоришь рисковый! Дурость это превеликая, но зато как мне на пользу идет, весомей, чем реальные заслуги».

— Нет, память тебе не отшибло, брат-командор, как ты на раны ссылаешься. — Рыцарь прикоснулся ладонью к голове Никитина, положив ее прямо на шрам, но тут же отдернул руку.

— Хотя того же Дитриха десять лет назад поляк булавою приласкал, шлем всмятку. Парень целый год в себя приходил, поначалу даже имя припомнить не мог.

— Вот видишь...

— Я не про то говорю, брат-командор, такое иногда происходит и никого не удивляет. А вот что ты носишь на шее крестик византийского мастера на искусно сделанной цепочке, иной раз крестишься по их обряду да замыслил «греческий огонь» сделать, хотя он тайна великая православной империи есть и охраняется лучше сокровищ...

Старый рыцарь на секунду остановился, и его взгляд обжег Андрея. Но Ульрих тут же отвел глаза в сторону, усмехнулся.

— До Каталауна промеж братьев разговоры ходили, что магистр с императором соглашение какое-то заключили. В Константинополе хотели командорство учредить. Выходит, не просто слова за этим делом стояли, не пустопорожняя болтовня.

— Знаешь, брат Ульрих, — Андрей решил отвести от себя домыслы, хотя они приняли очень интересное направление. Но рыцарь закончил свои размышления, подняв ладонь и сам теперь останавливая все возражения с его стороны.

— И про капитул ты сам мне сказал, тебя за язык никто не тянул. Значит, можешь собрать братьев?! Тех, кто с тобою за эти долгие годы в странствие к византийскому императору ушли?!

— Да нет там наших орденцев!

— Не говори ничего, брат-командор. — Ульрих снова поднял ладонь. — Я знаю, что такое «Дело ордена», и пытаться ничего не буду. Есть знания, к которым прикасаться нельзя, ибо они опасны в первую очередь для самого любопытствующего.

— Умножая знания, умножаешь скорбь и лишние хлопоты, — усмехнулся Андрей, а рыцарь кивнул ему в ответ с напряженной улыбкой, натянутой на губы, словно маска. Молчание прервал скрип двери и появление на пороге оруженосца Дитриха.

— Ваша светлость! В село только сейчас прискакало трое крестоносцев из замка «Трех дубов», они давно ищут тебя, брат-командор! Их возглавляет брат Любомир!

— Нет брата Любомира, — поправил орденца Андрей, — а есть отец Павел, что снова взял в руки меч. Немедленно зови, наш старик, как всегда, легок на помине. Что еще?!

— Приехал барон Лукаш Поборски, с ним полсотни воинов. Тоже желает встречи с тобою.

— И этого примем. Вот видишь, брат Ульрих, как нам судьба ворожит. Хотели все проблемы решить, и раз — нужные люди словно по мановению явились. Грешно сомневаться!

— Вижу, брат-командор. Сомневаться действительно грешно... в пророчестве святого

Феофана.

«Ну дела, похоже, я буду одним из последних крестоносцев, что узнает о сем пророчестве. И ведь не говорят мне его, словно в рот воды набрали. И какое же там откровение?!»

— Смотрите, что получается, братья. — Андрей, позвякивая привезенным Арни доспехом, пристально посмотрел на Ульриха и отца Павла, что, насупившись как сычи, сидели за широким столом. Особенно выразителен был взгляд старика, после того как выслушал рассказ Никитина. Он никак не мог простить себе, что не обращал внимания на Милицу, а та столько дел во вред ордену сделала, что можно только диву даваться, насколько крестоносцы вели себя беспечно. — Нападение на Белогорье пан Сартский произведет, как я думаю, через неделю, в худшем для нас случае, или две, если дела обстоят более благополучно.

— Если не в самые ближайшие дни. — Ульрих мотнул головою, его глаза зло сверкнули.

— Ведь свою дружину он наверняка держал наготове, дабы навалиться всей силою на хирдманов, когда бы те насытились грабежом Бяло Гуру. Ты прав, брат-командор, это заговор! Они нас специально втолкнули сюда, чтобы ударить кинжалом в спину.

— Это будет хуже, чем Каталаун, — старик заскрипел зубами от бессильного гнева, — битва нас обескровила, но не убила. В этих горах погибнут все, ибо ляхи закроют перевалы.

— Чего бессильно кулаки сучить, надо немедленно контрмеры принимать, пока Белогорье не захватили. Нужно идти немедленно обратно — сколько это займет времени?

Вопрос был адресован отцу Павлу, что добровольно возложил на себя функции начальника штаба. Старик мучительно размышлял в течение минуты, затем тихо заговорил:

— От Поборского замка нужно идти день к перевалу, затем еще два дня в горах и три дня до Белогорья. Если с обозом, а налегке пешими четыре дня, конные пройдут за три — в поводу вести часто придется, снег выпал, дорога скользкая.

— И два дня отсюда до Поборского, верхом, — буркнул Ульрих, сверля взглядом импровизированную карту, начерченную отцом Павлом по настоянию Никитина еще перед началом закарпатского похода.

— В Поборском у нас сотня лучников, десяток арбалетчиков и «синих» плюс «копье» Райтенберга. — Андрей скривил губы, склоняясь над картой. — В «Трех дубах» еще одно «копье» и полдесятка «синих», ну и гарнизон брата Вацлава. Смены ему нет. А в Бежицах?

— Три неполных «копья», дюжина «синих», и со мной еще семь ратных — мы налегке пошли. — Брат Ульрих поднял глаза, в которых плескалась темная водица отчаяния. — До Поборского нам неделя хода, от «Трех дубов» на два дня меньше.

— Не успеем, никак не успеем, — подвел черту под импровизированным военным советом Андрей, уставившись в карту глазами. Да, все правильно — дорога отсюда весьма напоминает подкову, причем перевал ровно посередине. И как ни крути, быстрее не пройти...

«Так ведь это выход!»

Его блуждающий взгляд уткнулся в концы «подковы» — с одной стороны Притула, с другой как раз замок пана Тадеуша, в селе у которого они и расположились. И судя по карте, ранее между ними шла дорога, раз отец Павел поставил ровно по середине пустоты Запретных земель надпись «сельцо Лори».

«Два дня хода, никак не больше, даже если с перекурами. А ведь это еще один перевал и тракт, точно — я вроде даже слышал об этом». — Андрей поднял весело сверкнувшие глаза, и рыцари это заметили. И оживились сразу, заерзали незаметно, но молчали, дожидаясь, пока командор не изложит появившийся у него замысел.

— Смотрите вот сюда, братья, — палец Андрея уверенно уткнулся в «проплешину», — здесь имеется тракт, пусть порядком запущенный, но пройти по нему можно. И плевать нам на решение о Запретных землях! Я их проходил и вдоль и поперек, никакой заразы там нет и в

помине. Много лет прошло, она там давно выветрилась!

— При чем здесь мор и решения этой говорливой шляхты? — Лицо отца Павла мгновенно скривилось, будто священник взял в рот целый лимон и начал его жевать.

— Ни один из людей, если он находится в здравом уме, — голос Ульриха звучал глухо, будто рыцаря доняла внезапная зубная боль, — не попрется через перевал, ибо ночевать придется в Лори. Это будет его последнее безумство в жизни.

— Ну и что?

Голос Андрея прозвучал нарочито безмятежно, хотя внутри у него все напряглось. Вид рыцарей не сулил легкое решение задачи, каковой она показалась ему поначалу. Напротив, трудности ожидались невероятные, раз оба рыцаря разом впали в уныние.

— Проклятые горы с их волками рядышком, и эти твари там обосновались крепко. Но другое хуже — нежить завелась такая, что ими управляет и ничто ее не берет.

— Ни молитвы не боятся, ни стали, — добавил Ульрих, искоса поглядывая на замолчавшего отца Павла. Но старик горько усмехнулся и продолжил еле слышным голосом:

— Три года через перевал никто не ходит, хотя в страхе от угров народ бежал. Но эти твари адовы намного страшнее магометан — всех подчистую жрут. Даже отряды в несколько десятков воинов... Ходили туда и словаки, с той стороны паны, да и мы восемь крестоносцев потеряли и брата Генриха — с доспехами сгрызли всех...

Отец Павел почернел лицом — память всегда безжалостна и терзает душу до боли. Потому Андрей спросил осторожно, хотя понимал, что причинит старику лишние страдания:

— Как это случилось?!

— Человек дурной становится, брат-командор, вялый, мало кто меч в руках удержит, а уж рубить им... Вот его и рвут в клочья. Лошади даже шагом идти не могут, убежать. Места гибельные там, непроходимые ночью. А днем ничего, вот только при свете до Притулы никак не дойдешь, на ночевку встать обязательно нужно.

— Худо!

Только и произнес Никитин и покрутил головою из стороны в сторону — такое ощущение, будто магистерская цепь стала не просто тяжелой, но сдавила шею крепкой удавкой, хотя ее переплетенные с украшениями золотые кольца спокойно висели на груди. Неудобство не только не проходило, но и перекинулось на виски, там словно застучали маленькие молоточки, какими часовщики работают.

— А если...

И тут словно шарахнуло — он вспомнил давний сон, крепость и ворона, волкодлака, которого позже убил уже наяву, золотой пояс, что снял, и тот нечаянный совет колдуна. Лицо Никитина исказилось, и отец Павел тут же забеспокоился:

— Тебе плохо, брат-командор?

— Нет, просто я понял, как пройти Лорийский тракт. И пройду его, время не терпит, иначе мы потеряем Белогорье. Помнишь, я рассказывал тебе про сон, а потом ты сам видел волкодлака, Любомир.

— Хм... А ведь действительно. Может, ты и пройдешь, вот только со мной всего трое — Арни, Чеслав и Прокоп. Они не могли оставить тебя. Остальные переранены. А без охраны я тебя не отпущу...

— А я тебя без нее не оставляю, — в свою очередь надавил и Никитин, но тут вмешался Ульрих:

— Со мною семеро воинов, все они в твоём распоряжении, командор, как и мой меч...

— Отставить! — Андрей заговорил жестким командным языком и встал с лавки. Старые рыцари быстро переглянулись и сами поднялись, склонив головы в ожидании приказаний. И

они тут же последовали, Никитин даже рубил воздух рукою.

— Ты, брат Любомир, немедленно отправишься в Поборский замок вместе с бароном Лукашем. Всех наших крестоносцев сразу же поведешь через перевал — не позднее семи дней я тебя жду в Белогорье. Не опоздай! Возьми и словацких воинов...

— Не в срок, брат! Еще не прошло трех месяцев, и я не могу нарушить с ними ряд. — Отец Павел отвел глаза. — Хотя на драку с ляхами многие пойдут добровольно.

— А ты и не нарушай соглашения, раз слово дадено, его нужно соблюдать!

Андрей подошел к ларю и вытащил из-под плаща увесистый мешочек. Подержал его недолго в руке, как бы взвешивая и испытывая нешуточную тяжесть. Затем метнул его прямо в лицо отцу Павлу, который ловко поймал арабский подарок и с немалым удовольствием закричал.

— Там тысяча динаров. Надеюсь, этого хватит, чтобы словаки пошли на бой с паном Сартским?

— Две сотни наберется, а то и три, — коротко ответил старый рыцарь и на этот раз еле успел перехватить рукою неожиданно брошенный Андреем второй «подарок».

— Тут тысяча солидов — замки должны быть восстановлены, и до весны пусть там стоят словаки гарнизоном. Как перевалы откроются, их сменят белогорские «серые».

— Здесь половины за глаза хватит, — отец Павел покачал мешочек в руке. — Не забывай, брат-командор, что через две недели будут выставлены три десятка «синих», и кроме того, каждый месяц будет выходить одно «копье». Ну и местных «серых» наберется не меньше сотни. Это только наши силы, без панского ополчения.

— Тогда немедленно принимайся за дело, время не терпит. — Андрей повернулся к Ульриху: — Тебе предстоит забрать всех крестоносцев из Бежицы и «Трех дубов». Пан Тадеуш имеет здесь три десятка дружинников, разбавь ими гарнизоны. Это все, но угры зимою не воюют, так что справятся, тем более продовольствие мы им привезли.

— Не ходил бы ты через Лори, брат. Риск страшный, через перевал надежнее...

— Не отговаривай, все решено. Никто, кроме нас — так говорили в одно время. Ты мне только троих своих воинов дай, с теми, что с братом Любомиром пришли, нас будет семеро. Вполне достаточно, чтобы лорийскую нежить погонять.

— Бери всех!

— Хватит троих, тех, кто меня с трясины вытаскивали — Дитриха, Ингвара и Фридриха. И не отговаривай, брат Ульрих!

— С тобой поспоришь, как же. Себе дороже выйдет, — пробурчал под нос рыцарь, и тут его лицо внезапно осветилось, будто взошло солнышко. Он потер рукою лоб и очень хитро посмотрел на Андрея:

— Возьмешь еще Зволина, он воин опытный. С ним вас будет восемь. Он и дорогу знает, до мора еще через Лори ходил.

— Зачем мне он?

— Или ты его обязательно берешь с собою, или пойдешь в поход только через мое тело! Другого не будет! Ты отвечаешь за орден, а мы за тебя, ваша светлость!

— Хорошо, раз ты настаиваешь!

Андрей посмотрел на набычившегося рыцаря и, не найдя аргументов, махнул рукою и вышел из комнаты — ему нужно было готовить отряд к немедленному выступлению, ведь зимние дни коротки...

— Зачем мы его отпустили? Он наша единственная надежда, — глухим голосом произнес отец Павел, невидяще уставившись на стол, на котором бессильно лежали его крепкие ладони.

— Ты помнишь, — Ульрих поднял голову и еле слышно произнес: — «Когда восемь

крестов пройдут...» Ты помнишь пророчество?!

— А ведь верно, — отец Павел стукнул себя ладонью по лбу. — Почему ты не сказал ему о том?

— По тем причинам, что и ты. — Губы Ульриха сложились в скорбную улыбку. — Если человек стремится подогнать его под себя или, наоборот, избежать, то ни к чему хорошему такое привести не может. Тем более когда пришел «умерший и еще не рожденный». Лучше уж не знать. Тем более сейчас, когда он шагнул по ту сторону жизни.

— Но не по ту сторону смерти...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
«А МОЖЕТ МЫ, А МОЖЕТ НАС»

Андрей пристально оглядывал с седла занесенную первым снежком брошенную много лет назад деревеньку. Когда-то богатая и зажиточная, сейчас она представляла собою жалкое зрелище: восемь дворов с проваленными крышами домов, окруженные покосившимися, а кое-где и упавшими, добрыми прежде, частоколами из заостренных бревнышек.

Страшная картина для непривычного к ужасам зрителя, но обыденная для Запретных земель, по которым однажды Никитин уже прошелся. Но тогда он сдуру отмахал по ним повдоль, а сейчас отряд крестоносцев шел поперек, что резко уменьшало дорогу до заветного Белогорья.

«Только перебедровать одну эту ночку, а к вечеру, если лошади хороший ход наберут, то и до спасительной Притулы добраться можно. И там мы посмотрим, с какой стороны соседа учить будем репу чистить! Или он нас — это кто лучше готов будет!»

— Это и есть лорийское село, брат-командор!

Негромкий голос Прокопа заставил всех вздрогнуть. Андрей машинально ухватился за рукоять меча, вынырнув из размышлений, и тут же себя резко одернул, попеняв — ни к чему заглядывать в будущее, пока в настоящем ничего не определено.

Арни, едущий справа от него, закрутил головою. Оруженосец внимательно разглядывал окрестности, долгие годы имевшие в глазах местных жителей по обе стороны гор очень скверную репутацию, если не сказать хуже. Да и остальные крестоносцы были ему под стать — хмурые донельзя и как никогда серьезные.

Даже постоянно улыбавшийся Прокоп сейчас только зыркал торчащими навывкате глазами да сжимал побелевшими пальцами рукоять своей любимой секиры.

Он же вместе со Зволином сейчас служил в их маленьком отряде проводником — именно через это проклятое Богом и людьми село прошел семь лет назад обоз с беженцами из Словакии. Несчастные добрались до Белогорья, но какие-то твари сожрали темными ночами чуть ли не всех людей — только один из пяти выжил.

Никакое оружие, как он помнил, будучи тогда совсем мальцом, из отчаянных криков его несчастных попутчиков, не могло остановить алчущую крови нежить...

— Что ж ты, Прокоп, об этом мне раньше не сказал?

— Так ты не спрашивал меня о том, ваша светлость! — Словак пожал плечами, продолжая хмуро оглядывать село, мимо которого проходил когда-то оживленный, а сейчас полностью заброшенный тракт.

Верные телохранители — Арни и Чеслав, примчавшиеся с отцом Павлом от «Трех дубов» на поиск своего командора, сейчас не отставали ни на шаг, прикрывая с боков. Жаль, что пришлось оставить беднягу Иржи, схлопотавшего стрелу в плечо от угров, когда те пошли на приступ.

Для Грумужа и Велемира походы тоже окончились, до весны в лучшем случае, и наступила унылая гарнизонная служба в качестве сигнальщиков — до тех пор, пока не срастутся в лубках переломанные конечности.

Зато фон Нотбеку крупно не повезло — свернул себе шею при падении. Так что не рой яму другому. Вернее, не спихивай со скал, а то тебя самого могут сбросить. Названому сыну служба в замке только на благо пойдет — пан Тадеуш опытный рыцарь, не только хорошо обучит юношу, но и роздыху не даст, три шкуры спустит.

Замена поредевшей личной охране нашлась достойная — брат Ульрих настоял, чтобы кроме той троицы, что выволокла Андрея из опасной трясины, в отряд был включен Зволин,

один из тех, кто познал горечь и счастье долгих лет службы и в чьей верности не сомневались.

И пусть у него сейчас в отряде было всего семь спутников, даже полного рыцарского «копья» не наберется, но зато люди были умелые, знали, с какой стороны меч брать.

Они, а Андрей в этом был уверен, не оставят своего командора одного ни перед дюжиной вампиров, ни перед сотней магнатских воинов Сартского — на их преданность можно было спокойно положиться.

Словаков отправлять с командором брат Ульрих отказался категорически, хотя пан Лукаш предложил взять полдюжины опытных воинов — лучших среди тех, кто с ним пришел.

Старый рыцарь только вскользь бросил, что если они все эти годы боялись лорийской нечисти, то вряд ли изживут такой страх, а потому брать их опасно, в нужный момент могут сдать нервы.

Однако Андрею показалось, что не только эта причина являлась основной — возможно, рыцарь опасался предательства или свою роль сыграл какой-то другой мотив, уж больно странно он смотрел на крестоносцев, когда те садились на коней, и настоятельно просил, даже требовал, чтобы они ехали туда только ввосьмером — ни одним воином больше или меньше.

Весьма странная просьба, на которую Никитин не мог не обратить внимания. Вот только от честного ответа брат Ульрих ловко уклонился, выскользнул как мокрый обмылок в горячей парной.

Зато отец Павел провожал их словно на смертный бой, путешествие с билетом в один конец. Нет, старик ни на что не намекал, но исповедал и благословил всех, в том числе и Андрея, будто знал что-то нехорошее, но промолчал в тряпочку, дабы их не испугать...

Крестоносцы ехали шагом, никуда не торопясь, своих лошадей не понукали — нужно было выбирать место для ночлега, не переться же в темноте по незнакомой и страшной местности.

Вот завтра придется идти во всю конскую прыть: до Притулы от зловещего лорийского леса всего сорок верст, на шесть часов езды, где шагом, а где и рысью послать коней можно. А то и в галоп перейти, если сильно прижмет.

Сейчас некуда спешить, твари их и так караулят, только ночи ждут. По пути отряд крестоносцев уже проехал мимо двух селений, сейчас миновали третье, самое большое, но за ним, по уверению Прокопа, стоял хутор на одно хозяйство, крепкий, с частоколом — там словаки из обоза, где он ехал, и отбились от нежити, что в селе всех беженцев сожрала подчистую.

— Тихо-то как здесь... — негромко произнес Прокоп и тут же прикрыл ладонью рот, испугавшись, что накличет беду. И словно напроорочил — над лесом взмыл десяток ворон, огласив окрестности громким карканьем.

— Поживу чувуют!

— Не к добру...

— Цьц! Разговорчики в строю! — Андрей рявкнул командирским басом, и крестоносцы замолчали.

Такие разговоры нужно пресекать на корню, дабы воинский дух, пусть и высокий, не стал разлагаться, ибо неизвестная опасность всегда страшит более явной. А тут и местечко не совсем уютное, и воронье раскаркалось, что совсем худо, ибо птица эта хитрая и подлая, недаром песен много сложено про то, как она очи павших бойцов выклевывать особенно любит.

— Вон Проклятые горы высятся, брат-командор, — негромко произнес Зволин. — Оттуда волки стаями приходят.

Андрей посмотрел на отходящий в сторону невысокий хребет из пяти сопков, поросших густым сосновым лесом — вещь удивительная, ибо хвойные деревья в таком количестве встречались ему в здешних краях редко. До горушек было не менее десятка верст — в самое

пекло залезли!

— Они наших в Лори и растерзали, волки эти проклятые, всех подчистую сожрали, твари! — Прокоп поежился. — Ничто на них не действовало, ни сталь, ни серебро...

— Я такую тварь, что пропастиной воняет, верст сорок к востоку отсюда повстречал, через костер на меня прыгнула! — Андрей усмехнулся. — Выходит, и огня они не боятся?!

— Ага! — чересчур безмятежно отозвался Прокоп. — Наши пытались головы кидать — бесполезно. Не страшатся пламени!

— Брат-командор! Волк один был?

— Какой волк? Тот, что на меня в Запретных землях напал? Один, мать его, но я с ним справился.

— И каким ты оружием его одолел, брат-командор?

— Камень вместо гирьки на кистень приспособил, а как в башку ему попал, то дубину с расщепом из булыжника в ход пустил. — Андрей с трудом подавил в себе желание поцветистее приврать, что твой рыбак, рассказывающий о пойманной некогда рыбе, понимая серьезность положения. — Он у меня только раз рыкнул да лапами задергал!

— Поодиночке они слабые, значит! — с нескрываемым удовлетворением произнес Зволин и, лихо нагнувшись, словно заправский казак в седле, поднял с земли плоский камень с острыми краями, посмотрел на него со всех сторон и довольно хмыкнул: — До заката еще часа три, братья, я думаю, нам всем следует незамедлительно перенять опыт его светлости!

Крестоносцы оживились и энергично принялись за сбор нужных камней, кому что понравилось и под руку пришлось. Андрей лишь щурился, глядя на их действия — пусть хоть немного отвлекутся — ожидание выматывает больше самого боя.

Требуемое оружие он уже давно имел — золотой пояс волкодлака был надет еще при выходе и согревал надежду на победу, да и не верил Андрей в железом не берущиеся шкуры — у страха глаза велики, вот и ходят ужастики про разных монстров. Бояться меньше нужно да слухам разным верить, тогда бы давно от нечисти горной и лесной избавились...

— А вот и усадьба, где мы прошлый раз беду пересидели! — с тщательно скрываемыми нотками радости произнес Прокоп, и Андрей увидел, как оживились все орденцы.

И было отчего...

Одинокое стоявший двор, явно обеспеченного и зажиточного в прошлом крестьянина, больше всего напоминал Андрею из прочитанных им когда-то ранее книг усадьбу русского боярина, приготовившегося к отражению набега крымских татар.

Именно с таким добротным сооружением встретился сам Андрей в тот первый раз, в Запретных землях еще. Только на этот раз дом был побольше размером да вместо окон имел узкие бойницы, на половине из которых еще уцелели ставни. Частокол был поставлен из заостренных толстых бревен, которые без видимого ущерба простояли все эти годы.

— Здесь можно отбиться! — после недолгого созерцания вынес свой вердикт Андрей и принялся живо распоряжаться, понимая, что времени остается позарез, а нужно не только укрепиться, но и сварить ужин. Иначе ночью придется плохо...

— Зволин, проверь частокол и ворота, где надо будет, укрепи. Да хорошо! Возьмешь Ингвара в помощь. Арни, на тебе лошади — помести их в самую крепкую конюшню, и чтоб окон в ней не было да потолок надежный. А ворота снаружи телегами привалим, не то что волки — люди замучаются оттаскивать. Бери Прокопа в подручные!

Андрей осмотрел усадьбу еще раз, скрипя зубами от бессильной ярости: все это добро брошено из-за каких-то мерзких тварей — целых три селения и два хутора, где раньше чуть ли не полтысячи живых душ проживало, с земли кормилось да еще подати немалые платило.

И где они теперь?!

В чужих краях горе мыкают, хорошо еще тем, кто в кабальные холопы попал, там хоть кусок хлеба перепадает, а остальные ведь с голода мрут! И что интересно, вот на этот тракт решение о Запретных землях не вводили, мора тут не случилось. Но они таковыми стали — люди сами отсюда сбежали, те, кто успел это сделать, конечно.

Ведь как ни крути, даже сейчас можно спокойно три сотни смердов здесь поселить — дома и строения подновят, леса кругом много, а местные мужики с топором в руках рождены. И заросшие пашни подымут за год, и тракт снова заживет. А выпасы для скота просто отличные — трава густая, даже первый снежок не в состоянии ее скрыть.

— Чеслав, на тебе ужин! Дитрих и Фридрих! Приготовить дом к обороне — лишние бойницы закрыть, оставить четыре, по одной на сторону света. Заготовьте больше факелов, думаю, они нам ночью пригодятся, если луна не выползет из-за туч. Да костры сложите полукругом перед домом — нужно будет, зажжем!

Андрей уверенно распоряжался, а мысли в голове текли насквозь житейские — каждый день в Белогорье да Притулу то беглый холоп являлся, пожелавший вступить под знамена ордена, то бобыль, желающий на своем клочке земли трудиться.

Таких привечали в Бяло Гуру особенно хорошо — девок да вдов намного больше, чем потенциальных мужей, а потому лишние рабочие руки примака в хозяйстве никому не мешали.

Раз в неделю то одна, то сразу две семьи прибывали — со скарбом, скотиной да стариками, из сел, что под панское ярмо попали, беглецы. Встречали их тоже радушно, хотя селить было уже негде — отводили лес под хутор, и пусть дальше сами выживают. Эту зиму на их содержание хлеб отец Павел даст, а дальше как хотите!

Хотя без пашни прокормиться — довольно проблематичное занятие, а лес зверьем и дичиной давно оскудел, это не сибирская тайга, где с голода не умрешь, если руки откуда надо растут.

— Раскаркались, твари!

Андрей сплюнул, негромко выругавшись сквозь зубы. В груди ныло предчувствие чего-то нехорошего, неизбежного: у опытного вояки так бывает перед доброй дракой всегда, как у плохого понос. Но деваться было некуда, сам сюда пришел, да еще с собою людей привел, а потому нужно думать, как победить, а не о том, как погибнуть.

Да и не только за себя, в конечном счете, им тут всем сражаться предстоит: за будущее ордена, за веру в него людей, ведь тут целые селения да хутора пустуют, большие поля сорняками позарастили — если заселить народом и года три подати не брать, то мощную опору приобрести можно, да и словакам помогать легче станет.

— Вы слышите, слышите?

Крестоносцы, до того вольготно расположившиеся на лавках, переваривая вкусно приготовленный и обильный ужин из пшенной каши с убоиной, живо встреपнулись и разом схватились за оружие.

— Воют... — совсем упавшим голосом произнес Прокоп и машинально втянул голову в плечи. Андрей зло усмехнулся — вбитый в детстве страх легко не избудешь, даже спустя годы.

В последний раз, когда люди решились выбить отсюда нечисть, по приказу местного магната в осаду на хуторке засели баронские ратники, не успевшие встретиться с переселенцами, побоявшимися темноты и оставшимися в Лори.

Но волки сюда не полезли, зато вырезали тех, кто остался в деревне. В ту ночь все собравшиеся в этом доме с липким ужасом слушали дикие крики терзаемых людей да клацали зубами от ужаса, постоянно молясь и надеясь, что их минует чаша сия.

Так уж устроен человек, что зачастую желает, чтобы несчастье обратилось на ближнего своего, но самого не затронуло. И зачастую ведет себя так даже тогда, когда есть возможность встретить зло купно, сообща и со стальным мечом в руке.

Но ведь тогда придется рискнуть и даже умереть, а людская натура, та часть, которая замешана на собственной шкуре, на сохранении ее родимой, завсегда свое возьмет.

Не у всех такое произойдет, но у многих точно, число которых всегда больше. И в его времени кто погибал в Чечне, спасая других, а кто капиталы сколачивал и ехидно ухмылялся, крутя пальцем у виска...

— Воют!

Теперь и сам Андрей ясно слышал тягучий волчий вой, пронзительный и страшный, от которого выворачивало душу наизнанку.

Причем с каждой минутой этот дьявольский концерт креп, становился громче и громче, словно набирал силенки на их страхе. Или просто волки подходили к частоколу все ближе и ближе?

— По местам, братья! — негромко скомандовал Андрей, прильнув к заранее открытой бойнице.

Таких было всего четыре, по числу сторон света, и у каждой два бойца, один из которых был матерым ветераном. Сам он взял себе напарником Прокопа — ибо командир должен быть воспитателем бойца.

Нет, с Арни, конечно, намного надежнее, но тогда бы у одной бойницы стояли два новобранца.

— Бить из арбалетов, если начнут через частокол перепрыгивать! Болты беречь, стрелять только в упор!

Приказ был излишний, он прекрасно понимал, что пулять в белый свет как в копеечку никто не станет, но следовало напомнить, ибо в колчанах всего по три десятка болтов.

Было еще несколько связок, по полсотни штук в каждой, но НЗ, тратить его без острой нужды не хотелось.

Волки все выли и выли, и с каждой минутой громче — нервы напряглись как струна. Андрей, как и все крестоносцы, внимательно вглядывался в бойницу.

Полная луна прекрасно освещала заваленные телегами ворота, которые теперь только тараном вышибать нужно, да заостренные зубчики высокого частокола. Именно на них он взирал самым внимательным образом, направив железное жало болта заряженного арбалета.

Судя по тому, что рассказывали об этих тварях ему, да и на основании личного опыта, прыгучести «проклятым волкам» было не занимать, любой олимпийский рекорд бы запросто побили, что по прыжкам в длину, что в высоту, а то и с шестом, если наибольшим страхам поверить.

Так что на частокол надежды мало — перескочат, да и ставни — защита плохая от их когтей и клыков, кои добротные кольчуги как туалетную бумагу рвут в клочья.

Неприятный холодок пополз по животу — хотя на Андрее была надета трижды проверенная солукская кольчуга, за которую по весу заплатили золотом, да еще усиленная персидскими булатными пластинами, риск все же оставался большой.

А ну как не выдержит такая великолепная броня, недоступная даже многим влиятельным властителям в этом мире, — ведь на нее можно десяток рыцарских «копий» вооружить, если не больше.

— Вот оно, началось! — Тихий шепот Прокопа чуть дрожал. Андрей искоса взглянул на парня и успокоился.

Страх у того не было, только одно лихорадочное напряжение в ожидании смертельной схватки. Мозолистая рука сжимала короткое копье крепко, оно даже не дрожало. На него только и рассчитывали — колоть лезущих в бойницу тварей.

— Прошлый раз в Лори тоже замолчали, — прошептал словак, — а потом разом взвыли и кинулись. И до людей сразу добрались, крики отовсюду пошли...

Голос Прокопа сорвался, захрустели зубы. И тут Андрей уловил знакомое шипение, похожее на змеиное, только громче.

«Точно, гадюка! Только ей-то тут чего делать? Да ладно, тоже ведь тварь божия, пусть схоронится до утра от нежити!»

Мысли пронеслись мимоходом, только на смену холоду в груди пониже ключицы, с левой стороны, стало разливаться тепло, хорошее такое тепло, придавшее ему уверенности.

Внезапно тишина была нарушена пронзительным волчьим воем, и он заметил, как через забор метнулась темной молнией первая тварь, быстро прыгнула, чуть прикоснувшись лапами к остриям.

Затем появилась вторая, но недостаточно стремительно — Андрей тут не оплошал и нажал на спусковой крючок Тетива громко щелкнула, и через секунду пронзительный волчий визг стал ему наградой.

— А ведь... ты... по-пал, ва-ша се... севе... тло... лость!

— Твою мать!!!

Андрей только удивленно моргал глазами, с изумлением взирая на словака: такое впечатление, что тот выпил литр водки залпом, вот только ее запахом от парня не несло.

Но верный Прокоп был именно пьян или, как завзятый наркоман, принял убойную дозу: веки еле поднимались, лицо покраснело, руки не смогли удержать копье, и оно с грохотом упало на пол.

— Что с тобою, кретин?!!

— Ни-че-го...

Словак в три приема вытолкнул из себя ответ и спокойно привалился к стене, пытаясь снова взять в руки копье. Кое-как ему это удалось, и он сунул наконечник в бойницу.

— Щас я их... на жа-ло оде-ну...

Андрей потер глаза вспотевшей ладонью, не веря им — он просто не понимал, что произошло.

— Что ты копаешься?!

Тут стало совсем не до размышлений — в бойнице появилась знакомая прежде собачья

морда с кисточками на ушах и длинными загнутыми клыками, словно у саблезубого тигра. Приторная вонь тут же ударила в ноздри, побудив Андрея к действию.

— Не бе-рет...

Словак ткнул копьём прямо в грудь волка. Вот только таким тычком он смог бы муху приколоть, и то сонную, но никак не больше — резкости в ударе совсем не было.

Волк отмахнулся лапой, и Прокоп опять ткнул копьём. С тем же результатом — силы в руках у парня не имелось. Никакой! Словно в одночасье все его мускулы в желе, в безвольный студень превратились.

— Куда, немочь бледная!!

Андрей опомнился, оттолкнул словака и выхватил меч. Волк в ответ на человеческий крик ощерил страшные клыки и зарычал, протискиваясь всем телом в узкую бойницу.

— Получи, тварь!

Меч серебристой молнией воткнулся в грудь хищника. Андрей вложил всю силу в удар, ожидая каменной тверди, но клинок неожиданно легко вошел в плоть, рассекая шкуру, из-под которой тут же ударила тугая струя крови.

Дикий пронзительный вой смертельно раненного зверя стал ему долгожданной наградой.

— Берет их сталь, еще как берет!

Радость переполняла Андрея, он собственными глазами сейчас убедился, что человеческая рука может спокойно разить «проклятых волков», а все рассказы выживших очевидцев про неуязвимость данных тварей не более чем домыслы.

— Твою мать! Да что с тобою творится, Прокоп?!

Андрей глянул на словака, но тот, вместо того чтобы помочь, барахтался на полу, пытаясь встать на ноги.

— Да что с тобою, немочь бледная?!

Тут стало не до схватки, и Андрей, выгадывая время, вытолкнул тушу бившегося в проеме волка наружу, закрыл ставень и задвинул толстый засов. И тут же надежная деревянная заслонка толщиной в добрую пядь задрожала от страшного удара.

— Ни хрена себе!

Ставень выдержал, вот только длинный изогнутый коготь атаковавшего волка пробил его насквозь.

— Это я вовремя успел!

Андрей огляделся кругом, лихорадочно соображая. Прокоп снова ползал по полу, как сонная муха, одновременно пытаясь встать на ноги и взять в руки копьё. Обе эти задачи оказались для парня нерешаемыми, но словак с упорством проделывал попытки раз за разом.

— Щас... по-мо... гу...

Андрей протянул ему руку, чтобы подняться, но Прокоп, не удержав равновесия, рухнул на пол, схватившись за золотой пояс, чуть не свалив его самого с ног.

Пряжка с треском хрустнула, волшебный трофей, лопнув, остался в руках Прокопа. Андрей наклонился было за ним, усмехнувшись барахтаньям Прокопа:

— Лежи уж, немочь!

Но пронзительный стон, словно раненый, но сильный духом человек не смог держать боль, а затем крик заставили его обернуться. Стон повторился снова, затем пыхтение с неясными звуками, и Андрей, забыв о поясе, кинулся в большую горницу, оборону которой держали другие три пары крестоносцев.

— По-мо... ги... брат... ко-ман...

Три крестоносца — Арни, Зволин и Чеслав — тыкали копьями в оскаленную морду волка, который наполовину пролез в бойницу. С громадных клыков твари капали кровь и пена, но она

упорно лезла вовнутрь, отмахиваясь лапой от слабых уколов.

— Не бе-рет... же-ле-зо!

Дитрих прохрипел, умоляюще глядя на командора, и ударил занесенной над головой палицей с крепко насаженным булыжником. Вернее, попытался ударить, но, как показалось Андрею, только погладил волка по башке. Тот словно ничего не ощутил и одним взмахом лапы выбил из рук крестоносца импровизированное оружие.

— И ка...мень... Не бе-рет!

И такой отчаянный призыв был в глазах прежде опытного оруженосца, матерого вояки, в одночасье превратившегося в еле движущую рохлю, что Андрей кинулся на помощь, двумя взмахами меча располозовав хищника на глазах изумленных воинов. Затем одним движением рванул створку ставня, надежно закрывая бойницу, и задвинул засов.

— Как ты его... брат...

Андрей огляделся — он успел вовремя. Две бойницы были закрыты, но один из ставней дрожал под мощными ударами волка — его пытался подпереть колом шатающийся на ногах Фридрих.

С Ингваром все было кончено, тут люди ни капельки не врали. Страшные когти «проклятого волка» буквально разорвали на несчастном воине усиленную железными бляшками кольчугу. Именно его последние стоны в жизни и услышал он минуту назад.

— Твою мать! Да что тут происходит?!

Андрей ошарашенно посмотрел на крестоносцев, что от одного его тычка, не очень сильного, попадали всей группой на пол и теперь там, вошкаясь и сопя, пытались встать на ноги.

Он никак не мог поверить собственным глазам — все, кроме него одного, в одночасье превратились в беспомощных младенцев, не способных отбиться и от домашнего кота, если бы тот принял их за мышей и решил поохотиться.

Но командор слышал за стеной не шипение милой домашней кошки, а озверелое рычание голодных тварей, алчущих их крови и способных с одного удара пробить даже надежную броню.

И помимо воли, сжатой в кулаке, отчаянный, почти звериный вопль вырвался из его груди:

— Да что это такое?!!

Андрей метался по темной горнице, освещенной светом двух факелов, разъяренным зверем. Закрытые ставни содрогались под мощными ударами волчьих лап, толстое дерево предательски трещало.

— Еще пара минут, и они нас схарчат...

Голос Андрея дрогнул, он не видел выхода из положения. На помощь обессилевших крестоносцев надеяться было бесполезно, только один Арни из них смог подняться на ноги, остальные ползали по полу обессилевшими мухами.

Одно для него стало ясным — неведомая магия, наподобие той, что применил на горной дороге волкодлак, почти лишила их сил, но оставила в сознании.

Вот почему все разговоры ходили о неуязвимости тварей — хилыми ручонками, даже острейшим мечом толстую шкуру не прорежешь. Да и тетиву арбалета не натянешь, а если и выстрелишь, то промажешь. Вот тебе и легенда готовая в народном сознании!

— Но я-то на ногах?! Почему меня не берет эта странная хвороба?! Как жжет-то! Ой-мля!

Андрей коснулся рукою левой ключицы и, зашипев от боли, отдернул ладонь. Это было невероятно, но один эмалированный медальон на цепи раскалился.

Единственный среди всех, оставшихся холодными, какими им и надлежит быть, он пылал пламенным жаром, что обжигал кожу раскаленным железом.

— Ой-мля!

Машинально схватившись руками за пояс, он тут вспомнил, что наследство волкодлака осталось лежать рядом с Прокопом, и судя по тому, что парень так и не появился из той комнаты, никакого толку от вороньей ворожбы нет.

Теперь в голосе Андрея слышалось больше изумления, чем боли. Это открытие его ошарашило — выходит, цепь магистра спасла его от навалившегося на остальных бессилия?!

Умозаключение можно было проверить только экспериментом, как делаются все научные открытия, вот только снимать с груди цепь Андрей не пожелал бы даже под угрозой расстрела и, шипя сквозь зубы, стойчески терпел боль.

— Что делать?!

Извечный русский вопрос вырвался произвольно — еще бы, положение хуже не придумаешь.

Ставни трещали под могучим напором хищников, несущих с собой смерть. На помощь надежды не имелось изначально, а собственными силами отбиться проблематично.

Осталось только уповать на поддержку и помощь Всевышнего, ибо других спасительных вариантов в ближайшей перспективе пока не просматривалось.

— Это песец подкрался и хвостом своим махнул!

Андрей наклонился и поднял с пола брошенный кем-то из крестоносцев меч. Теперь у него в руках сверкало два клинка, и он ощерился жутким оскалом, готовясь подороже продать собственную жизнь.

И вовремя — центральный ставень не выдержал могучего напора снаружи и вылетел из пазов, расколотый страшным ударом на части. В открывшейся бойнице появилась оскаленная волчья морда.

— Держи!

Мечи располосовали воздух и обрушились прямо в горящие красноватым блеском глаза. Чудовище завизжало от боли, и Андрей, не теряя ни секунды, ударил снова, да так, что кисти тряхнуло.

— Минус три! — подвел итог он, но тут же в освободившуюся бойницу полез новый волк.

Андрей снова обрушил мечи, распластав грудь и отрубив лапу. Этого хватило — с оглушительным визгом, в котором кроме жуткой боли послышалось, как ему показалось, дикое удивление, зверь исчез.

— Да сколько вас тут?!

Очередная морда появилась в бойнице, разинув пасть с длинными клыками. Андрей уже привычно выбросил мечи — неуязвимость волка оказалась дутой, как мыльный пузырь.

Хищник даже взвизгнуть не успел, рассеченный на две части. Но живучий — лапы сами по себе подергивались, оставляя на полу глубокие и жуткие царапины.

— Куда вы лезете, твари?! Не видишь — занято!

Клинки в его руках в очередной раз сверкнули смертельной молнией и рассекли новому зверю голову.

За спиной раздался громкий стук, и Андрей обернулся, холодея в душе — схватки на два фронта он панически боялся, понимая, что не выдержит противостояния с сильным и многочисленным противником. Одно дело рубить тварей, лезущих в узкую бойницу поочередно, и совсем иной расклад, если...

— Ай-я!!!

Бедняга Фридрих разделил судьбу несчастного Ингвара — пролезший в бойницу волк буквально разорвал парня. Дымящийся клубок кишок выпал из распоротого живота — крестоносец в предсмертных корчах жутко кричал, но все же пытался из последних сил ударить своего погубителя копьем, но оно выпало из ослабевших рук...

— А-а!

Андрей бросился в атаку, рубанув мечами воздух. Тварь, ощеряясь на него окровавленными клыками, грозно зарычала, метнувшись тенью по горнице. Но странное дело, не нападала, только ловко увернулась от ударов, которые на нее обрушил разъяренный командор.

— Вдвоем... брат...

Андрей на секунду обернулся — оставленную бойницу теперь защищали Зволин с Арни. Оруженосцы держали руками всего одно копье, их сдвоенной силы хватило задержать лезущего в бойницу очередного волка. Зато другой зверюга, почему-то так и не пытаясь напасть на Никитина, явно вознамерился атаковать оборонявшихся крестоносцев со спины.

— Держись, ребята!

Андрей в очередной раз впустую полоснул мечами воздух и прикрыл оруженосцам спину.

— Мы... тут...

Дитрих кое-как держался на ногах, встав рядом со своим командором — копье дрожало в его ослабевших руках. И хищник напал, но не на них, а на Чеслава — тот пытался отползти к стене, к уроненному мечу.

То ли жажда крови мучила волка, то ли решил напасть на более слабую защиту — но его рывок к беспомощной жертве Андрей успел заметить и сам кинулся вперед.

— Ой-я!

Чеслав взвыл от лютой боли, терзаемый навалившейся сверху тварью, и в эту секунду Андрей рубанул по серой спине, вложив в яростный удар все свои силы.

Кисть рвануло, но меч неожиданно легко преодолел сопротивление плоти, и целый фонтан крови обрушился прямо в лицо, полностью залив глаза красной пеленой.

— Твою мать!

Он быстро вытерся рукавом — злоба нервными толчками выплескивалась наружу. С Чеславом было кончено, он даже не успел заорать, полностью осознав, что произошло. Распоротое горло, закатившиеся стеклянные глаза — хорошо, что хоть не мучился так, как два

других крестоносца, которые спасли его в трясине. Они тогда выручили, а он их сейчас не смог!

— Ну, твари, держитесь!

Он подскочил к оставленной погибшим Чеславом бойнице и встретил очередного кошачьего волка двумя отточенными ударами. Тот, получив по голове порцию острой стали, оглушительно завизжал и моментально отпрянул. Андрей попытался перевести дух, но взамен тут же появилась новая оскаленная морда хищника...

— Все... брат!

— Нет... тварей!

Андрей тряхнул головой, руки будто налились свинцом, а мечи стали неподъемной тяжестью в пару центнеров.

Боевое наваждение, будто отливная волна, разом схлынуло, и он без сил прислонился к стене, оглядывая горницу, освещенную уже одним коптящим факелом. Второй был сброшен на пол и погас в луже крови.

— Это ж сколько я тут зверюг накромсал?!

Туши волков, изрубленные в пласты, лежали под бойницей большой грудой — от них одуряюще пахло какой-то поганью, от которой душу выворачивало наизнанку.

Четверо оставшихся в живых крестоносцев, измазанные кровью с головы до ног, продолжали держать оборону своей бойницы, держа два копья совместными усилиями. Их всех ощутимо пошатывало, казалось, что еще немного, и воины попадают на пол без сил.

— Мы... по-бе-ди... ли...

Арни отпустил копье из рук, повернув перепачканное лицо к командору. На нем жили только глаза, полные неукротимой ярости и торжества — воин есть воин и таким будет до конца.

— Победили! Мать их за ногу!

Теперь и Андрей признал очевидное — штурма больше не было, лишь со двора доносился слабый скулеж подыхающих тварей.

Он сразу подумал, что, может, стоит отворить дверь дома, выйти наружу и добить подраненных зверюг, а то, не дай бог, оправятся и примутся за дело по-новому.

— Что там такое?

Его внимание снова привлекло змеиное шипение, теперь уже громкое и отчетливое, от которого волна холода начала было заполонять живот.

— Отдай мне с-с-с-силу... Ус-с-сни...

Однако от груди пошла волна жара, и Андрей всей кожей почувствовал, как медальон на цепи снова начал разогреваться. Он даже положил на него ладонь, но тут же ее отдернул, получив ожог.

— Ва...

Андрей в раздражении топнул ногой — нашел время Арни для политесов, это его «ваша светлость» по поводу и без повода начинала раздражать, сказал же он ему, чтобы обращался на «ты» «брат-командор» или «брат Анджей» и не иначе! Но оруженосец снова еле слышно прохрипел:

— Ва... си...

— Что ва-си?!

— Ва... си... лиск...

Многозначительным ответом на его вопрос стал дружный стук от падения четырех тел — оборонявшие бойницу крестоносцы, словно подкошенные, рухнули на залитый кровью пол одновременно, неестественно замерев, но так и не выпустив из рук оружие. Факел, шлепнувшись об пол, погас, и горницу поглотила тьма.

Андрей ринулся к ним, искоса глянул в окно и замер. Тут его окончательно пробрало, но теперь уже от приступа идиотского хохота: давешняя его знакомая, та, которая наполовину женщина, наполовину змея, выползала из-за угла, огромная и устрашающая.

— Фон Верт! Иди и сразис-с-сь с-с-со мною!

Андрей, высунувшись в окно чуть ли не по пояс, прокричал с неудержимым весельем в голосе:

— Ты чего сюда приползла, красавица? Я вообще-то думал, что это у меня глюки были, никак не ожидал, что такое чудо-юдо на самом деле существует!

— Трус-с-с! Жалкий трус-с-с!

Она раскачивалась из стороны в сторону, словно кобра под дудочку укротителя. Огромное тело, переливаясь блестящей чешуей в сиянии луны, извивалось и собиралось в кольца.

Словно почувствовав заранее ее стремительный бросок, Андрей вскочил, держа в руках надежный деревянный ставень, и закрыл им бойницу, подпирая плечом.

Снаружи раздался грохот, и бревенчатую стену дома сотряс сильнейший удар, словно тараном со всей дури замолотили в закрытые ворота. Вот только творение рук человеческих оказалось на диво крепким.

Змея отпрянула назад, набирая ускорение для очередного броска, а он, упершись со всей силы плечом, приготовился, но нового удара не последовало.

Андрей, выдохнув, вставил задвижку, удерживающую ставню, и бросился закрывать второе окно, зияющее на фоне темных стен звездами ночного неба.

— Эй! Ты там жива? Я же сказал тебе — убирайся по-хорошему, не зли меня, а то шкуру сниму!

— Трус-с-с! Жалкий трус-с-с-с!

Приглушенное шипение раздалось где-то сверху: она пыталась через печную трубу пролезть в дом.

— Ну, ты и дура! Баба! — Охваченный приступом неудержимого веселья, Андрей кричал что есть силы. — Ты же опять застрянешь, шкура барабанная! Кто тебя вытаскивать будет? Или тебе в прошлый раз понравилось? погоди, парни проснутся, авось и оценят тебя!

Разъяренная змея металась по крыше, со всей силы бросалась на закрытые окна:

— Мерза-с-с-с-авец! Подлец-с-с-с!

Андрей, прислонившись спиной к стене, утирал дрожащей рукой пот со лба:

— Нет, ну дура, а? В соседней комнатке окно открыто, а она в упор долбится...

Мысль об оставшемся открытом окне ошпарила его. Вскочив, он метнулся туда, но шипение послышалось совсем рядом, и тут же проем бойницы заполонила ее голова с всклокоченными волосами, заслонившими лунную дорожку.

Горящие багровым пламенем яростные глаза, казалось, готовы были испепелить Андрея:

— Я ис-с-с-скала тебя! Ворон мне с-с-с-сказал, что ты будеш-ш-ш-шь з-с-с-сдес-с-сь, и я приш-ш-ш-шла!

Она метнулась вперед, но Андрей успел отскочить, кувыркнувшись и роняя на своем пути лавки.

Она запуталась — в маленьком пространстве комнатки ее огромному телу маневр был ограничен, однако извернувшись, одно кольцо она ухитрилась накинуть на плечи Андрею, свалив его на пол.

— Я т-т-тебя не приглашал на свидание! — Отчаянно сопротивляясь, Андрей пытался сбросить с себя смертоносное кольцо змеиных объятий. — Сколько же ты т-т-тут торчала, дорогуша?

Вывернувшись, он по инерции отлетел в угол комнатки, а она в другой, зацепив по пути

пару лавок. С оглушительным грохотом на нее сверху, придавив, рухнул то ли навесной шкаф, то ли еще что-то, повешенное прежними хозяевами на стену, в темноте было не видно, но оказавшееся как нельзя кстати.

— Я прождала тебя дос-с-статочно...

Она яростно отбрасывала в стороны обломки мебели, с треском и грохотом стараясь выбраться. Андрей, переведя дух, в темноте пытался на ощупь найти хоть какое-нибудь оружие.

— Так ведь до тебя здесь была другая тварь, что усыпляла людей, — он лихорадочно шарил на полу, — пока волки их драли...

— Нас-с-с-с мало ос-с-с-сталось в ваш-ш-ш-шем мире, здес-с-с-сь охотилс-с-с-ся один из моих с-с-с-сородичей, а твари лес-с-с-ные ему подчиня-лис-с-с-сь! — Она наконец освободилась и замерла, разглядывая темноту перед собой.

— И что с ним случилось? — Сердце гулко бухнуло — острое лезвие оброненного кем-то из крестоносцев кинжала ткнулось в руку.

— Я убила его! — Она кинулась на звук голоса. — Зов мес-с-с-сти с-с-с-сильнее зова крови...

Сгруппировавшись, Андрей кинулся ей навстречу, принимая огромное тело на кинжал. Удар был так ой силы, что он вместе с ней отлетел к стене, ударившись затылком.

Сквозь кровавый туман, застилающий глаза, он почувствовал, как одно из звеньев командорской цепи рвется и его надежда на спасение, звеня, скользит по шее.

— Нет, — еле прошептал он, — такой женщины у меня еще не было... Зря все-таки не познакомились...

Словно в замедленной съемке, он увидел, что адский огонь в ее стекленеющих глазах начал угасать, а губы, изогнутые предсмертной судорогой, прошептали:

— Ус-с-с-сни...

— Все-таки магометанские города чище!

Густав фон Шендеман с отвращением перешагнул через очереднуюдохлую крысу, которых на улочках окраин Кракова прибавилось за последнюю неделю, и обеспокоенные жители стали поговаривать о надвигающейся эпидемии чумы.

— Чем не Божья кара? Грязь на улицах, грязь в домах порождает грязь в душах! Поганые склавены, смрадные душонки! Куда смотрит городской голова? Голозадые ляхи! Спаси хоть отбавляй, а порядка никакого! Как они могут жить в этом...

Стук открываемого окна донесся сверху, и Шендеман по привычке остановился, и было отчего: сверху, из окна второго этажа какая-то нерадивая хозяйка, поленившаяся спуститься к сточной канаве, проходящей по обоим краям узенькой грязной улочки, с шумом выплеснула ведро.

Встречному, менее удачливому или просто зазевавшемуся прохожему, повезло меньше: вонючая протухшая вода вперемешку с рыбьей требухой и какими-то ошметками окатила несчастного с ног до головы.

— Вольный город Краков! — Его губы скривились от омерзения. — Каждый волен делать что хочет! Исчадие заразы и скверны — вот что такое эти вольные города! Попробовали бы наши, вассальные, горожане развести подобное на улицах Гёрлицинбурга!

Мысли о главном городе Братства, Гёрлиценбурге, где был построен новый гроссмейстерский замок, еще больше разъярили его: грязная склавенская деревушка Згорелец всего за несколько десятилетий превратилась в прекрасный город с чистыми прибранными улицами и белеными каменными домами.

Вся желчь, изливаемая тевтоном на славянскую неряшливость и безалаберность, была чисто прикладной. Остановившись вчера вечером инкогнито на небольшом постоялом дворе, ведь шпионы, и византийские, и папские, и султанские, и, как знать, орденские, не дремлют, Шендеман всю ночь не сомкнул глаз, сражаясь с безжалостным врагом.

Таким врагом, которому и его грозный меч, и родовой герб были абсолютно безразличны: с ненасытными, алчными и неутомимыми, как берберский жеребец, жирными и толстыми славянскими клопами, что размерами на небольших тараканов походили.

Невыспавшийся, терзаемый кишечными коликами от гороховой похлебки с бараниной и дурного вина, Шендеман, избегая центра города, где можно было столкнуться с городской стражей или знакомыми, месил грязь узких улочек окраины Кракова: мощеной была только главная площадь и центральные улицы.

Небо, вернее, ту его небольшую полоску, что виднелась в узком просвете между домами, затянуло тучами, и стал накрапывать мелкий дождик вперемешку с липкими грязными снежинками.

Зябко кутаясь в промокший плащ, Шендеман с удовлетворением увидел знакомую крышу лавки Юсуфа и прибавил шаг.

— Пресветлый пан, подайте Христа ради!

Дребезжащий голос заставил рыцаря остановиться. Грязный нищий с огромным ожогом на половину лица тянул его за полу плаща. Еще один, хромая и опираясь на корявую клюку, заковылял к нему. Невдалеке, около огромной кучи мусора, копошились еще несколько, один длинной палкой отгонял тощих облезлых собак.

— Пшел прочь!

Шендеман отмахнулся, но нищий не унимался:

— Подайте, не оставьте своей милостью! Подайте, и воздастся вам...

— Убирайся, грязный оборванец!

Он попытался оттолкнуть нищего, но с другой стороны его потянул за плащ еще один, сзади дергал третий. На шум в некоторые окна появились любопытствующие.

— Вам бы не мешало убратся поскорее, пресветлый пан, — женский голос донесся сверху, — скоро стемнеет, и снаружи станет небезопасно! Кругом столько бродяг, Пресвятая Дева!

Цепкие руки тянулись со всех сторон, но, нащупав под складками плаща доспехи, рыцарский меч и пояс, дружно отпрянули в стороны.

— Не гневайтесь, благородный господин!

Хромой, очевидно, главарь шайки, низко кланяясь, резво отступил назад, остальные, ожидая команды, переминались с ноги на ногу, не решаясь напасть.

Показавшийся в начале улочки прохожий, завидев оборванцев, окруживших Шендемана, спешно развернулся и припустил бегом в обратном направлении.

— Черт! Не хватало, чтобы городскую стражу позвал! — Шендеман выругался. Пускать в ход меч командор не хотел: грязной кровью обагрить — что опозорить благородную сталь. Но не на кулаках же драться!

— Вот. — Он, отвязав кошелек, выудил несколько мелких монет и швырнул их в сторону. — Убирайтесь!

Словно псы за костью, они кинулись выбирать из грязного месива под ногами блестящие кругляши, отталкивая друг друга...

— Я рад тебя видеть, почтенный командор! — Юсуф склонился в поклоне, в котором не было ни тени угодливости. Так кланяются знающие свою цену воины, но никак не торговцы.

— И я рад, сотник гулямов! — растянув губы, чуть улыбнулся тевтонский рыцарь, из-под распахнутого плаща которого виднелся золотой пояс и накидка с большим черным крестом.

— Каким благословенным ветром тебя занесло в мой скромный дом, Густав фон Шендеман?

Рыцарь незаметно поморщился — араб не предложил традиционного угощения, не стал спрашивать о трудности пути, а это говорило о многом, и в первую очередь о том, что их прежние договоренности под угрозой. А потому командор «Братства Святой Марии» вынужден был сдерживать свой тяжелый нрав и не ответить резче, чем следовало, памятуя о возложенной на него миссии.

— Надеюсь, что вы достигли в Карпатах требуемого, почтенный Юсуф-эфенди?

— Почти!

Араб ловко поклонился, сидя на подушке. А вот рыцарю в тяжелом доспехе проделать такую любезность в ответ было проблематично, и потому он просто кивнул.

— Если не считать того, что ваш верный оруженосец Курт фон Нотбек чуть не убил командора Верта...

— «Чуть» не считается! — поморщился тевтон. — Ведь не убил же...

— Но мы выплатили две тысячи полновесных динаров!

— Они пошли на нужды церкви и нашего ордена! — отрезал рыцарь, и араб, сохраняя лицо невозмутимым, внутренне улыбнулся: как он и ожидал, у немца не имелось денег, а это говорило о многом.

— Не выполнив своих обязательств, почтенный Густаф фон Шендеман! А потому и мы можем поступать так, как нам заблагорассудится...

Удар оказался страшной силы: тевтон даже посерел лицом, но тут же спрятался за широкой улыбкой, медленно засунув правую руку под свой черный плащ.

Юсуф как бы невзначай стал играть рукоятью ханджара, с ответной, не менее фальшивой, улыбкой глядя на немца. Но тот выудил туго набитый мешочек и положил его на ковер перед арабом.

— Здесь семьдесят марок. Золотом! — веско произнес немец, словно выплюнул, пристально глядя в лицо своего визави: у того не дрогнул ни один мускул, лишь в немом удивлении выгнулась бровь.

— Покушение на командора Верта фон Нотбек совершил по своему почину — двадцать лет назад его отец погиб в схватке с этим крестоносцем. Мы тут ни при чем, а потому динары второго оруженосца заслуженны — Ганс Ратцигер же погиб под клыками волкодлака, защищая того, кто находится под вашим покровительством! И от прежних договоренностей, — рыцарь выдавливал слова сквозь силу, — мы не отказываемся, потому нет нужды ставить нам в упрек это прискорбное обстоятельство!

— Я рад, что все разъяснилось, — широко заулыбался араб, — а потому не стоит привносить в нашу дружбу каплю яда. Недоразумение исчерпано, и мы снова войдем в благоухающий сад нашей дружбы!

Как по мановению волшебной палочки, бархатный полог на двери зашевелился и молчаливый слуга, низко склонившись, внес столик, поставив его поверх мешочка с деньгами.

Вскоре на столике появился маленький серебряный поднос со сладостями и высоким кувшином. Шендеман отвел глаза в сторону, по лицу пробежала едва заметная гримаса недовольства. Юсуф, словно ожидая этого, склонил голову, спрятав в бороде довольную улыбку.

Этот же молчаливый слуга внес поднос побольше и поставил его, низко поклонившись, перед рыцарем. В нос Шендеману ударил аромат копченого мяса: на золотых блюдах прекрасной чеканки кроме овощей и зелени были разложены тончайшие куски вяленой и копченой оленины, перченный окорок, нежнейшая нарезка прозрачной ветчины, пасторма из утиной грудки и несколько видов сыра, от темно-желтого, острого, со слезой, до домашнего, белого, мягкого и едва соленого.

— Извинениями не наполнишь желудок, уважаемый друг! — Араб жестом предложил угощение. — Нет-нет! — он покачал головой. — Отказа я не приму: аппетит приходит с первым куском!

Двумя пальцами, аккуратно, Юсуф брал халву и отправлял в рот, искоса поглядывая, как немец жадно ест, запивая вином.

Когда расторопный и молчаливый слуга сменил очередное блюдо перед рыцарем, забрав пустое, араб улыбнулся, стряхивая с бороды невидимые крошки:

— О, Аллах! Я счастлив, что у меня такой прекрасный гость, ведь нет большего счастья для хозяина, чем гость с отменным аппетитом!

Шендеман тяжело откинулся на подушки:

— Я благодарен вам, эфенди! Признаться, я ограничен во времени на период своего визита в Краков, поиски хорошего постоянного двора отняли бы у меня много времени!

Араб склонил голову в знак признательности за благодарность, а мысленно уже сделал зарубку:

«Что же ты не остановился на постоялом дворе своего Братства или у своих верных соглядатаев? Двойную игру ведешь, тевтонский пес, боишься, чтобы тебя не увидели в городе...»

— А как ваша торговля, уважаемый? — Немец, казалось, не заметил проскользнувшей искорки в глазах араба.

— О! Благодарю за вашу учтивость! Торговля идет прекрасно! Вот, новое средство завезли от клопов! Горожане охотно раскупают, говорят, что полынь плохо действует! — Он широко

улыбнулся. — Но вам это будет неинтересно! Клопы, я так понимаю, вам вряд ли докучают, почтеннейший?

— Не докучают! — судорожно сглотнув, согласился рыцарь, нервно передернувшись лицом, словно в тике. — Раз в Кракове так много клопов, вас ждет огромный доход, эфенди!

— Вы себе не представляете, насколько много! — Юсуф воздел руки.

— Боюсь, что служба эмиру вам скоро станет приносить меньше прибыли! — Шендеман довольно засмеялся своей шутке. — Надеюсь, я вас не обидел, сотник?

— Мудрейший Абу Убейд рассказывал про халифа, который предложил одному человеку выбрать одно из двух платьев. Тот пошутил: «Беру оба и еще финики!» Халиф рассердился, сказал: «Смеешь шутить при мне?! Шутка — это оскорбление, используемое глупцами!» — и ничего ему не дал!

— Ты хочешь сказать, — немец затвердел лицом, желваки перекатились на скулах, — что я глупец?

— Нет, почтеннейший, — араб прищурился, — я имел в виду, что тот, кто ищет друга без недостатков, очень часто остается один! Ваши шутки для меня важнее, чем их отсутствие: и шуток, и вас...

Немец наклонился и исподлобья взглянул на Юсуфа:

— Ты же знаешь, что я тебе нужен не меньше, чем ты мне! Без меня ты не получишь Верта! Без меня ты не получишь соглашения с Братством!

— Порой соломинка ломает хребет верблюду, а одного слова достаточно для начала войны! — Юсуф примирительно развел руки. — Давайте не будем состязаться в острологии, а то я — эмир, и ты — эмир, но кто же погонит наших ослов?

— Ты прав! — Немец устало прикрыл глаза. — Мы говорили с тобой в прошлый раз о том, что война между нашими народами нас не касается! Главное, что сейчас волнует Братство, — возможность решать свои дела, и желательно делать это в относительной тишине и спокойствии! Поход на восток требует много сил и времени!

— Желаете ловить рыбку в мутной воде? — Араб понимающе улыбнулся. — Только вот рыбка может оказаться и сама охотником!

— Ты, как всегда, прав, сотник гулямов! Верт, — немец буквально выплюнул имя своего врага, — и орден, словно рыбья кость, стоят в горле Братства! Мы не можем допустить, чтобы он осуществил задуманное!

— Гораздо хуже то, доблестный фон Шендеман, что его планы теперь для нас загадка не меньшая, чем он сам!

— К чему ты клонишь?

— Он с легкостью обходит все ловушки, словно видит их наперед! — Лицо араба выказывало неподдельную озабоченность. — Я не удивлюсь, что ваш папа ему благоволит больше, чем гроссмейстеру Братства...

— Тебе ли решать, кому больше благоволит папа?! — Шендеман вскочил, опрокинув низенький столик с подносом. — Эти мерзавцы и так слишком долго пользовались благосклонностью его святейшества! С самого начала Братство, получив указание направить свои труды на восток, лишилось и могущества, и богатств!

— Вы правы, почтеннейший! — Юсуф сокрушенно покачал головой. — Когда крестоносцы так поспешно устремили свой взгляд на юг, на Константинополь, Братство не могло упустить такой шанс, как Каталаун!

Он хлопнул в ладоши, через пару секунд хлопнул еще раз, недоуменно глядя на тевтона.

— Прошу извинить меня!

Юсуф с легкостью поднялся с подушек и скрылся за бархатным пологом. Оттуда донеслась

арабская речь, звук удара и звон падающей посуды. Шендеман, украдкой оглядевшись, приподнял столик и взял мешочек с деньгами.

Через мгновение появился Юсуф:

— Уснул, мерзавец!

— Я понимаю вас, эфенди! — Рыцарь уже стоял у выхода. — Хороший слуга дороже золота!

— Пустое, почтеннейший, кто гневается по пустякам, тот останется ни с чем!

Не садясь на подушки, он вежливо поклонился, давая понять тем самым, что их разговор окончен.

— Я же говорил вам, эфенди, что очень ограничен во времени! — Шендеман поклонился в свою очередь. — Надеюсь, ожидание нашей следующей встречи не затянется надолго?

Юсуф, проводив тяжелым взглядом уходящего рыцаря, удовлетворенно пошарил под столиком:

— Глупец ты, благородный фон Шендеман! Осел остается ослом, даже если он везет казну султана! Ты хочешь нас обмануть своим крестовым походом? Вы пойдете, но совсем не туда, куда рассчитывает ваш папа! И не туда, куда вы сами надеетесь...

— Ой, да неужели в самом деле? — открывать глаза не хотелось. — Какая дрянь только не приснится — волки, змеи, в смысле, баба-змея...

Спина ощутила твердый камень под собой. Но не холодный, а странно теплый — теперь глаза открывать уже точно не хотелось. Андрей страдальчески протянул:

— Опя-я-ять? Снова вещий сон? Ну сколько можно?

— Столько, сколько нужно, сын мой!

Андрей соскочил, как ошпаренный, но больно ударился головой о низкий потолок. Открыв глаза, он увидел, что это каменный выступ, а сам он находится в пещере. Огонь трепетавшего факела освещал небольшой участок искрящегося темного камня и того, кто сидел напротив Андрея.

— Благословите, отче!

Он в трепетном смятении опустился на колени, склонив голову, однако благословения не последовало.

— Отче?

Высокий, видно было даже по сидящей фигуре, старец с длинной седой бородой в плаще крестоносца и блестящем искусно сделанном доспехе смотрел, казалось, сквозь него.

— Может, ты сам благословишь меня, — он взглянул в глаза Андрею, отчего тому захотелось стать маленьким-маленьким, а еще лучше сразу провалиться под землю, — брат-командор?

Старик говорил без малейшей тени иронии. Андрей помялся немного и поднялся с колен.

— Вы же знаете... — он запнулся, — что я не командор...

— Знаю! — удовлетворенно кивнул головой старик. — Ты выше, чем командор, ты — Пророчество!

От такого заявления Андрей, за малым, чуть не поперхнулся. Не зная, что ответить, он не нашел ничего другого, как спросить:

— Отче, что это за Пророчество? Отец Павел...

— А, — старик заулыбался, — брат Любомир... Я помню его еще мальчишкой, которого я встретил в харчевне «Веселый окорок». Он так хотел стать рыцарем, что тайком сбежал вслед за нами. Когда я за шиворот притащил его назад к хозяину, тот сказал, что этот оболтус уже пятый раз сбегает с рыцарями, как его ни пороли, толку нет, ни на кухне, ни в хлеву — нарежет прутиков и машет ими, сражается с котлами в очаге и овцами в хлеву. Жалко, что я не успел много сделать...

— Он за эти годы сильно изменился... — Мысли в голове Андрея разбегались в разные стороны: «Так это что, выходит, первый Великий Магистр? Отец Павел мне мельком рассказывал, что когда он вступил в орден, как раз Великого Магистра убили — изменил и предал один из ближайших братьев-рыцарей...»

— Я знаю! — старик покачал головой. — Слушайся его, брат-рыцарь, он теперь дух ордена!

— Мне так вас о многом нужно расспросить, Великий Магистр...

— О чем, например? О том, почему я тебя называю братом, хотя ты такой же рыцарь, как из... — Он задумался.

— Как из дерьма пуля? — тяжело вздохнув, подыскал подходящее сравнение Андрей.

— Я не знаю, что такое пуля, но по твоему тону понимаю, что ты и сам лучше меня знаешь, что я хотел сказать! — Великий Магистр пошевелился, и кольчуга, звякнув, вселила в Андрея

уверенность, что это ему не кажется. — Не забывай, тебя за хомут никто не тянул, звание командора ты принял добровольно, поэтому если превратился в наковальню — терпи, если стал молотом — бей!

— Да, — Андрей заерзал на неудобном твердом камне, — хорошо, когда определено, кто ты! А тут — и не молот, и не наковальня, а аккурат посредине, и долбят меня со всех сторон кому не лень!

— А чего ж ты не вернулся обратно, в свой мир? Ведь тебе давались шансы?

— А что я там забыл? — огрызнулся Андрей. — Кто я там? Что у меня там есть? Болезни? Жена? Пьянка?

— А здесь? — Магистр вторил ему. — Доступные женщины! Богатства! Власть! Сила!

— Ага! — Андрей скривился. — Видал я в одном месте и доступных женщин, и богатства вместе с этой властью! Кручусь здесь, как вошь на гребешке, в ожидании стрелы в спину или кинжала в бок!

— Тогда почему ты не вернулся? — Старик испытывающе глядел на него. — Там плохо, но здесь еще хуже!

— А потому! — отрезал сварливо Андрей, отвернулся и замолчал.

Крестоносец тоже надолго замолчал и прикрыл глаза. Андрей украдкой, искоса поглядывал на него: казалось, что старик превратился в статую, недвижимую и величественную.

— Великий Магистр...

— Брат Врослав...

— Брат Врослав. — Андрей, помявшись, продолжил: — Действительно ли я тот, о ком это Пророчество, о котором, кстати, мне так ничего и не известно! Сколько я ни заговаривал с братом Любомиром, он молчит, как в рот воды набрал! Хотя я не верю в это! Ну, какой из меня избранный? За это время я столько согрешил, при этом беспрестанно благословляя склоненные передо мною головы налево и направо!

— А-а-а! — Старик поджал губы. — Совесть мучает? Это хорошо! — Он удовлетворенно кивнул. — Только живая душа может страдать! А насчет избранного ты погорячился, брат Анджей, ты предполагаешь, а Господь располагает! Кого, кроме тебя самого, интересуют твои грехи и страдания? Главное, брат-командор, что ты вновь собрал в кулак орден, ты для них символ возрождения и надежда, а для врагов, которых, как ты уже понял, у нас множество, ты...

— Заноза в жо... кхм, в мягком месте! — хмуро закончил Андрей. — Это я и так понял, брат Врослав! Но Пророчество?

— Далось тебе это Пророчество! Считай, что ты оказался в нужном месте в нужное время! — Старик нахмурился. — Скажи брату Любомиру, что я ему велел рассказать тебе все!

— А если он мне не поверит?

— Поверит! Не сомневайся! Ладно! — Он хлопнул себя по коленке. — Я пришел, чтобы показать тебе кое-что! Пойдем!

Каменные коридоры, словно прорытые огромным сумасшедшим кротом или червем, тянулись бесконечно, Андрею даже показалось, что они ходят по кругу, постоянно сворачивая то в одну, то в другую сторону.

— Брат Врослав! — Андрей окликнул рыцаря, который словно механическая кукла шагал и шагал впереди, отмеряя длинными ногами нескончаемые километры подземелий. — Долго еще?

— А? — Старик встrepенулcя. — Я все размышляю о том, достоин ли ты того, что тебе предначертано!

— Кх-кх! — Андрей закашлялся не столько от каменной пыли, скрежетавшей в горле, сколько от ответа Великого Магистра. — И как?

— Я думаю, достоин! Я открою тебе, где находится то, что ты ищешь! — Рыцарь внезапно

остановился. — Вот! — Он указал на каменную стену. — Здесь скрыт Дом Света!

— Как это? — Андрей тупо смотрел на темный, поблескивающий камень, такой же, как и все остальные стены пещеры. — Какой Дом Света? Объясни, что это значит!

— Только дураку дается жареная рыба, умный стремится получить удочку! Мое дело указать тебе, твое дело понять! Очень многие отдали свои жизни только за то, чтобы хоть узнать, что это место существует в действительности!

— И что? — Андрей, подойдя вплотную и посветив перед собой, с сомнением еще раз оглядел низкие своды коридора. — Так все просто? Ни драконов, ни зловещих мертвецов, ни колдовских заклятий, охраняющих этот, — он пожевал, словно пробуя на вкус, — Дом Света?

— Ты что, жаждешь подвигов? — Старик рассмеялся дребезжащим смехом. — Все-таки я не ошибся в тебе!

— Нет уж, нет уж! — Андрей испуганно замотал головой. — Я ничего не жажду! Это они все, и люди, и нелюди — вурдалаки, и оборотни вместе с остальной нечистью — жаждут меня! Раз тут все так просто, то я согласен!

Факел, треснув, разлетелся снопом искр. Оставшийся огарок, больше похожий на лучину, грозился погаснуть в любой момент.

— Брат Врослав! Почему ты раньше не приходил ко мне во сне? Я думаю, ты бы плохого не посоветовал...

Крепкая затрещина неожиданно прилетела сзади, да так, что Андрей аж присел.

— Годами ты велик, брат-командор, а умом мал! Ты еще в том возрасте, что к тебе во сне должны только женщины приходить! Когда станешь таким стариком, как я, тогда и поговорим...

Факел погас, оставив Андрея в полной темноте.

— Брат Врослав! Ты где?

Ответа не последовало. Андрей, отбросив ненужный огарок, сделал маленький шаг вперед и уперся ладонью в стену.

Яркий, плазменный свет ударил в глаза, словно копейным жалом, и он почувствовал, что все его тело устремилось к нему. Вот только полет был прерван в самом начале — его рванули назад...

— Ваша светлость! Ваша светлость!

— Что с тобою, брат-командор?!

Андрей с трудом раскрыл веки и тут же их крепко зажмурил — солнечный свет безжалостно резанул глаза.

— Так это был сон...

— Что тебе приснилось, брат-командор?

Хриплый голос Арни было нельзя спутать ни с чем, и тут Андрея пробрало — брата Врослава нужно было расспросить о многом, а он, как последний дурак, упустил эту возможность: Великий Магистр лишь посмеялся над ним с дурацкой головоломкой про Дом Света!

— Это лишь сон! — устало прошептал Андрей, но тут же рывком проснулся, в одно мгновение стряхнув с себя остатки сонливости. «Ну, брат Любомир, берегись: душу из тебя выну!» — Где я, Арни?!

— В Притуле, брат-командор! Сейчас полдень, мы только приехали, занесли тебя в дом, и ты проснулся.

— Но как ты уцелел? Я же сам видел, как вы все, словно мертвые, упали, когда эта гадина выползла!

— Как упали, так и встали! — Арни хохотнул, поддерживая Андрея крепкими ладонями. — Я тоже сначала подумал: все, хана, это — василиск! А оказалось — нежить изначальная! Говорили старики, что жили раньше на свете белом змеелюди, про такие вещи я слышал раньше, но первый раз видел! Дай Бог, чтоб в последний! — Он истово перекрестился. — И сил она у тебя много отняла, ты ее чарам не поддался, как мы, грешные...

Оруженосец остановился, снова перекрестился и принялся дальше облачать командора, продолжая говорить с придыханием, не в силах сдержать в голосе восхищенные нотки:

— Василиск настоящий взглядом одним человека убивает, ваша светлость! Он ведь не нежить поганая, а тварь зловредная, и кровь с него течет из ран. Как из тех волков проклятых, коих вы всех порубили. Видел я рыцарей, что одного, ну двух таких зверюг убили, но чтобы сразу три десятка?! Такого никогда прежде не было, даже в бреду представить невозможно. А ты их своим мечом в пласты нарубил...

— Ничего сложного! — Андрей теперь окончательно пришел в себя и решил расставить все по своим местам. — Они сами в бойницы лезли, подставляясь под удар. И насчет неуязвимости этих тварей врал — с одного удара рассечь можно. А ужас прежде они наводили потому, что эта гадина ими управляла, к селению чародейством сгоняя, да людей обессиливала. Ты же в доме как ребенок малый был, беспомощный, Арни, свое копье еле в руках держал! А я как обычно двигался, сила имела, ее магия на меня совсем не подействовала!

— Ах, вон оно как?! — с несказанным удивлением медленно протянул Арни, округлив глаза. Он смотрел на Андрея таким взглядом, что того оторопь взяла — такой смеси почтения, преклонения и запредельного восхищения самозванный командор никогда у своего оруженосца не видел.

— А мы все считали, что устали зело, а потому биться как следует уже не могли! Токмо святые люди злomu волшебству и дьявольскому наущению противостоят способны...

— Нет и нет! Какой я тебе святой?! Ты что, нимб на мне увидел?! Просто есть одно средство! — Андрей заговорил решительно — такое мнение окружающих его чрезвычайно волновало, и загасить всеобщее обожествление требовалось в зародыше, иначе потом жизни не будет.

— Какое имеется средство? Оно тебе помогло?! — Арни даже наклонился, жадно внимая каждому слову, боясь пропустить даже вздох своего командора.

— Цепь магистра, брат!

Андрей посмотрел на свою правую ладонь, в центре которой отпечаталось почти круглое

пятно ожога. Потом скосил глаза — и на плече была такая же красная характерная отметина.

— Видишь, как медальон меня обжег? Боль сильная была, какой уж тут сон или слабость?! А как голову гадине отсек, так разом сил лишился и упал. Кстати, где цепь-то? Она вроде порвалась!

— Нашли мы ее, брат-командор! — Арни округлил глаза. — Ничего, что я к ней прикасался? Не осквернил ли святыню?

— Нет! — Андрей похлопал оруженосца по плечу. — Наоборот, она тебя благодатью наделила! Только, — Арни открыл было рот, но осекся под взглядом командора, — об этом никому, а то еще другие прибегут за благодатью! А на всех ее не хватит! Кстати, долго я спал?

— Вчера целый д-день, — оруженосец заикался от благоговения, — б-брат-командор, всю ночь и утро. Крепко же тебя битва вымотала — мы все к полудню оклемались. Глянули, сколько ты волков набил, на бабу-змеюгу да обомлели. Парней наших схоронили честь по чести, молитвы прочли да сюда потихоньку тронулись. Воронье больше не летало!

Арни четко докладывал, как солдатик-новобранец страшному «дедушке», осталось еще руки по швам вытянуть да стойку строевую принять.

— А головы волчьи да гадины этой зловредной на колья насадили вокруг усадьбы, пусть всякий проезжий полюбуется, тракт-то мы от этих тварей хорошо почистили.

— Мир их праху, они были честными воинами, настоящими крестоносцами! — уже без тени иронии прошептал Андрей. — Мы позже литургию проведем, Арни! Сейчас о другом нам нужно подумать. Это хорошо, даже очень, Арни, что землю хорошую мы от волков поганых освободили. Мы туда наших безземельных крестьян переселим, пашни и покосы, уголья там добрые, в прибытке будем!

— Так уже селяне здешние вопрошают, в один голос молят ту землю им отдать, а они ордену нашему отслужить обещают! Больно тут с пашнями худо, зерна совсем не сеют!

— Да, как раз о службе! — Андрей вспомнил о том, что их привело в Притулу. — Что-то мы с тобою заболтались и о деле забыли! Как пан Сартский? Собирает ли он свое воинство? Или уже на подходе?

— Только собирать начал, вестников по шляхте направил да дружину свою в Старицу отвел. А пан Завойский селян своих ополчает, в замке кладовые оружейные открыл. «Синие» наши окрестности постоянно объезжают, всю округу — мышь не проскочит!

— Вот насчет мышей не надо, — Андрей усмехнулся, — а то у нас в отряде такие «крысы» завелись, что до сих пор извести не можем. А это худо, брат, потому что враг у нас своих лазутчиков имеет, а мы у него нет. Но одно хорошо — время у нас есть, а значит, не только брат Любомир с войском и словаками, но и брат Ульрих со своими крестоносцами к схватке успеют. Обязательно успеют...

Андрей ненадолго задумался, прикидывая различные варианты — ситуация складывалась благоприятно, о такой никто из них даже помыслить не мог три дня тому назад.

Магнат совершил огромную ошибку, что не ринулся вместе с хирдманами на Белогорье или хотя бы вслед за ними, и упустил время, которое позволило крестоносцам собрать свои войска в мощный кулак. Теперь силы равные, а с приходом словаков орден станет гораздо мощнее, так что можно попробовать ранее отнятые села вернуть.

— Отправь «синих» по тракту, пусть с ними едет Дитрих — и дорогу покажет, и брата Ульриха сопроводит. Ему волки, надеюсь, ран не нанесли? А то ползал по полу...

— Обессилел, как я! — усмехнулся Арни. — Сейчас распоряжусь, и он отправится. Троих «синих» в сопровождение хватит?

— За глаза! — Андрей удовлетворенно кивнул. — И пусть десяток местных «серых» туда сходят, собственными глазами на волчьи головы полюбуются да дома своим родичам

присмотрят. После битвы с панами в первую очередь наделим тех, кто отвагу в сражении выкажет...

— Отбою от желающих не будет! — Арни в возбуждении потер руки. — Если об этом речь пошла, то драться беспощадно станут!

— И нужно в Белогорье вестников отправить...

— Уже!

— Что уже?

— Отправил Зволина с двумя «синими». А то брат Болеслав там извелся, вестей дожидаясь!

— Ты прямо как командор, Арни. Все предусмотрись! — Андрей уважительно похлопал смутившегося оруженосца по плечу. — Быть тебе в капитуле, в самый раз!

— Это шутка вашей светлости? Так я не рыцарь. — В голосе Арни промелькнула легкая тень зависти. Или сожаления, что более всего тот мог выразить — кто ж не мечтает о золотых шпорах!

— Запомни одно — в каждой шутке есть доля шутки! — Андрей усмехнулся, сильно обнадеживать своего оруженосца не хотелось, и так сказал много, может сообразить, что к чему, а потому спросил с деланным смешком в голосе, как бы сводя разговор к розыгрышу: — И что сегодня мне делать прикажет твоя милость?

— Селяне челом бьют, хотят вашу светлость почтить и всех крестоносцев уважить за побитие лорийских тварей. Пир у них намечался, урожай собрали, а тут ваша светлость с такой победой изволили пожаловать! Так что праздник большой в Притуле наступил!

— Кстати, еще одна просьба! — Арни напрягся. — Отправь кого-нибудь шкуру змеиную снять, с волкодлака-то я не успел...

— Уже сделано, брат-командор! — Оруженосец повеселел. — Только кожевенники местные сказали, что без отца Павла к ней и не притронутся!

— Комментарии, как говорится, излишни! — Андрей откинулся на подушки. — Так чего ты там говорил про местный праздник?

Несмотря на спустившуюся темноту, пиршество было в самом разгаре. Половина населения уже полностью упилась, а другая половина либо не пила вследствие младенчества, юности или дряхлости, либо пока еще не успела дойти до нужной кондиции.

Щедра белогорская земля осенью!

Столы буквально ломились от мяса во всех его имеющихся видах и способов приготовления — жареная, запеченная со всяческими кашами, варенная с овощами, тут и телятина, и баранина, и свинина чередовалась с самой разнообразной домашней птицей — фаршированными гусями, копчеными утками и индюками, жареными курами.

И разнообразная дичина присутствовала — олени, косули, кабаны, тетерева, фазаны и прочий лесной пернатый и бегаящий люд, и в лесах, и сейчас на столах имелся в полном изобилии.

Неплохо было здесь и с самой разнообразной рыбой — в горных речках ловили форель, а в большом озере было много карпов, сазанов, щуки.

От плодов щедрой земли ломились столы, протянувшиеся длинной линией вдоль главной и единственной деревенской улицы.

Были на столах все овощи, что произрастали в поле и на грядках — капуста, репа, огурцы, свекла, морковь в различных блюдах, от ботвиньи и тушеной капусты со свиной до обжаренной на конопляном масле репы.

Сравнивать со скудостью, что увидел Андрей по ту сторону гор, было больно: там за малым жестокий голод чуть не случился.

А тут даже в бедной по местным меркам Притуле бросающееся в глаза изобилие. Да и

жаловаться на аппетит селяне отнюдь не желали, и щедро приготовленная пища во всех ее видах — жареная, отварная, соленая, копченая — исчезала в крестьянских желудках.

Всякие сладкие заедки и закуски притягивали взгляд, но в основном женщин и детей — пряники, коврижки, пироги и пирожки, варенье немыслимых сортов, моченые и свежие ягоды, множество разнообразных фруктов — виноград, дыньки, абрикосы, груши и другие сочные дары здешней очень плодородной земли.

Горячительные напитки лились рекой, в основном из «народного творчества» — всевозможные настойки и наливки, только что сваренное, чуть отстоявшееся пенистое пиво, мутное, как илистая река.

Все это забористое добро отправлялось в бездонные ковши, чарки и кружки из кувшинов, глиняных бутылей, емких кожаных фляг и дубовых бочонков.

Напитки здесь, конечно, лились не очень крепкие — просто несравнимые с убойной русской водкой. Но ведь давно известно в мире, что любое качество зачастую возможно очень запросто перешибить принятым вовнутрь огромным количеством!

Местные крестьяне и стали сей процесс демонстрировать, потихоньку превращаясь в нечто непотребное.

Чумазные смерды уже копались на столах грязными руками, чавкали как свиньи, щуря глаза и выискивая на блюдах вкусный кусочек — так что до десерта дело сегодня вечером вряд ли когда дойдет...

Андрей ушел с праздника в самом его разгаре, когда чинное мероприятие превращается в оргию. Наслушался восхвалений сверх крыши, поклонов, да и хватит, участвовать командору ордена в грубых крестьянских разгулах совершенно неуместно.

Сие есть не только нарушение субординации, но и весьма опасное занятие. Слово за слово, и за меч придется хвататься, правильным манерам уча, а тогда пир легко может в тризну превратиться.

А зачем ему самому, спрашивается, бесхитростным людям настроение портить?! Они и так для него постарались, просто нравы здесь грубые и незатейливые, но зато глаза у всех порой такие честные...

— Арни, это что такое?!

Возмущение Андрея было искренним — это надо же, устроить в комнате командора, добровольно-принудительно принявшего на себя нелегкие обязанности celibата, такое!

Ведь самое первое, что бросилось в глаза Андрею, который вознамерился лечь в кровать, голодный и злой, ибо он почти ничего не съел на устроенном пиршестве, была крохотная женская фигурка, по-хозяйски устроившаяся прямо на середине широкой постели.

— Дак это... — Оруженосец захлопал глазами, искренне не понимая, за какой грех его удостоили этой выволочки. — Постель вам греть нужно, брат-командор, ибо сил вы много потеряли... И это... Положено так! Всем командорам ордена такое всегда делали. Это же честь какая для девок...

— Ты чего несешь?

Андрей с удивлением наморщил лоб, глядя на трезвого как стеклышко верного оруженосца.

Крестоносцы на празднике не пили совершенно — орденский устав здесь строг — «синие» несли дозоры, два десятка «серых» охрану тракта и караулы в сторожках.

Двое оставшихся с ним «красных», Арни и Прокоп, занимались своими непосредственными обязанностями круглые сутки — бдительно несли стражу возле него, и даже прикажи он им выпить, то имели полное право послать самого командора куда подальше, дабы тот не нарушал установления и не мешал им справлять службу.

Он произнес по слогам, медленно выделяя каждую букву интонацией, чтобы более доходчиво для телохранителя было, произнес самым весомым тоном:

— Арни, у меня *целибат*!

— Эх-ма...

Оруженосец кхекнул, словно подавившись костью, и посмотрел на него донельзя удивленным взором, в котором, однако, как игривые белки по деревьям, прыгали веселые искорки.

— Так меч на что, брат-командор? А постель греть тебе обязаны — между самыми красивыми девками спор лютый вышел, да такой, что за малым волосья друг не повыдергивали! Честь то великая!

— Хорошо! — обреченно согласился Андрей, понимая, что проведет беспокойную ночь, полную терзаний: мало приятного в том, чтобы чувствовать горячее и доступное женское тело, скрипя зубами терпеть, ежесекундно борясь с искушением.

— Свободен!

Арни, пожав плечами, вышел, что-то удивленно бормоча себе под нос. С той стороны глухо бухнула его спина, прислоненная к входной двери.

С кряхтением раздевшись, Андрей с тягостностью вселенской скорби и печали неохотно забрался на кровать, свернувшись клубком на самом ее краю, и с головой укрылся одеялом.

— А я ужин собрала вам, ваша светлость, ведь вы почти не ели ничего!

С постели раздался еле слышный смутно знакомый девичий голос, в котором пробивались едва сдерживаемые рыдания.

— Правда? — засопел, высунувшись из-под одеяла, Андрей. — Ну-ка, ну-ка, вылезай, раба Божия! Преслава, ты, что ли? Переехали с хутора, значит?

— Я, господин! — Девушка зардела, словно маковый цвет, с трудом выбираясь из-под огромной перины. — Кушать изволите?

— Ага! — честно признался Андрей и по-хозяйски рывкнул: — Ты что лежишь? Накрывай,

корми своего господина, не видишь, что я голодный, аки зверь алчущий?

— А почто ж вы не пировали со всеми...

Преслава замерла на полуслове, уставившись немигающим взглядом на посеревшего лицом Андрея.

— Мы своих в бою потеряли совсем недавно, нам ли сейчас пиршествовать? — Он тяжело вздохнул: ему было искренне жаль трех погибших крестоносцев, двое из которых вытащили его из трясины, а Чеслав, беглый кабальный холоп, был с ним чуть ли не с самых первых дней. — Они, кстати, за ваши будущие земли головы свои сложили!

— Прости, господин, я не подумала!

Она притихла — в пламени свечи блестели бриллиантами выступившие слезы в глазах да маленький кулачок, который она прикусила зубами.

— Не переживай! — Он взял ее за остренький подбородочек и заглянул ей в глаза. — Не твое бабье дело о павших воинах думать, это моя забота! Твое дело — живых воинов на новые подвиги вдохновлять!

— Ой, как же это я!

Она проворно соскочила, откинула перину, застелила свой край кровати рушником и стала выставлять невесть откуда взявшиеся блюда.

В его ноздри ударил одуряющий запах, и Андрей, помимо воли жестоко терзаемый пробудившимся желудком, на задку стал елозить поближе к дастархану, хотя вряд ли Преслава слышала такое слово.

Поборов необъятную, словно снежный сугроб, перину, он добрался до заветной «скатерти-самобранки» и замер, с вожделением разглядывая открывшееся перед его глазами зрелище.

Зажаренная до золотистого блеска курица, обложенная маленькими комочками запеченных в сухарях перепелов, занимала центральное место, и все — никаких других разносолов больше не было, только каравай душистого хлеба да объемистая, литра на три кожаная фляга, в которой вряд ли было налито местное пойло, гордо именуемое пивом.

Для последнего слишком велика честь, да и в дубовых бочонках здесь оно в ходу, а не в бурдюках. Так что не нужно было быть легендарным сыщиком Шерлоком Холмсом, что бы не заметить этого. Так что предстояло ему пить нечто благородное...

— Вино, надеюсь, потребляешь? — с затаенной надеждой поинтересовался Андрей у девчонки: пить в одиночку он не желал категорически, не желая возвращаться к пагубной привычке своего прошлого в *том* мире, кое-как изжитой.

— Тихо как! — невпопад пискнула Преслава.

— Значит, употребляешь! Если нет еще, то научим! — Андрей налил ей вина из кожаной фляги в один из серебряных кубков.

Та взяла емкость в руки и чуть, самую малость, пригубила.

— А не хочешь, — с ходу обиделся Андрей, — заставим! Давай по полной, не ломайся! Потом хорошо закусывай, все, что на столе. Чего душа жаждет, тем и закусывай. Сама курицу приготовила али кто помог?

— Сама! — тихо произнесла девушка и всхлипнула. — Любимицу свою потрошила с утра и в печь, дабы вы смогли полакомиться...

Андрей, уже оторвавший было здоровенную лапу, так и застыл с ней в руке — жир тек по пальцам.

Преслава опустила личико, и он разглядел под густой челкой висящую на кончике носа дрожащую слезинку.

После такого уж точно ни один кусок в горло не полезет! Андрей, сглотнув, с сожалением положил мясо обратно. Однако плечи Преславы предательски задрожали, и она, осторожно,

словно боясь его реакции, тихонечко заголосила:

— Самое лу-у-у-чшее для тебя не пожалела, а ты брезгуешь? Я старалась, ждала, а ты... а ты... А ты даже не узнал меня сначала-а-а-ала...

Андрей, боясь, что показательный «плач Ярославны» перерастет в банальную истерику, мысленно сплюнул и принялся рвать горячее мясо зубами, демонстрируя хороший аппетит, и, давась горячим и с трудом проглотив кусок, строго произнес:

— А ты что не ешь, селянка?! Почему не пьешь? А может, худое измыслила, господина ядом извести решила? Сознаться!

Преслава громко икнула, со страхом выпучила глазки на Андрея и проблеяла:

— Как же так? Нет, господин, я бы не посмела! Даже представить... Как же так...

— Да ладно! — Андрей приободряюще похлопал ее по плечу. — Ешь давай, а то я один с этим добром, — он ткнул в курочку почти обглоданной ножкой, — не справлюсь! Ну ты чего, напугал тебя, что ли?

— Нет, я просто побоялась, что ты изменился, стал другим! — В ее глазах проскочили хитрые искорки. — Вы... Ты столько видел, разные женщины ублажали тебя... А я... Я простая деревенщина... Ты на меня и не взглянешь, поди... Тогда ты был просто воин, а сейчас, вон, — она протянула тоскливо, — его светлость, господин командор!

Голосок ее снова предательски задрожал, но лукавый взгляд не ускользнул от Андрея.

— Будешь выпендриваться — выгоню и на всю Притулу ославлю, что у тебя ноги кривые...

Он не успел договорить, как девчонка дернула плечом и ловко оторвала вторую лапу. Демонстративно, одним махом осушив кубок вина, она вгрызлась в мясо, еле передвигая челюстями и заталкивая ручонками вываливающиеся куски.

— Тише, тише, а то подавишься! — Андрей от неожиданности поперхнулся вином и утирал бороду полотенцем. — Молодец, уважаю! Штрафную ты выпила, а теперь давай по второй жажнем! — Он снова разлил вино. — Между первой и второй перерывчик небольшой! Ты меня уважаешь?!

Не дослушав чисто русский вопрос, Преслава полностью осушила свой кубок. Осоловевшими глазками, видать, поклевала сегодня немножко, а поди и весь день не ела, она взглянула на Андрея и громко икнула.

— Стоп, красавица, — он отставил ее кубок, — а то хуже обиженной женщины только пьяная обиженная женщина!

Лежащая рядом голая девушка вздрогнула и машинально коснулась его ноги тугим и горячим телом. Но их словно разделяла невидимая стена, и, ложась спать, у Андрея и помысла не имелось, чтобы домогаться ее нагого и юного тела.

Невидимый тумблер тихо щелкнул в мозгу, плавающим в пьяной дымке, ассоциируя Преславу с далекой уже теперь Варенькой из прежней жизни, и зарождавшиеся эротические фантазии неизменно разбивались об эту стену — она тебе в дочери годится!

Впрочем, и Преслава, памятуя обет, про который он однажды ей брякнул не подумавши, не решалась предложить себя. Она была полностью покорена и отдалась бы ему безропотно, с нескрываемой радостью (а зачем тогда приходить греть постель), вот только сам командор не хотел воспользоваться своей властью в таком положении.

Мысли командора оказались материальными — тело девушки, как ему показалось, стало намного горячее. И шаловливая ручка якобы во сне нежно прикоснулась к его груди и стала ее потихоньку гладить, чуть касаясь пальцами. Затем Преслава слегка повернулась на бок и тесно прижалась грудью к его руке.

Андрей покрылся горячим потом, что тот цыган, пойманный озверелыми крестьянами на краже лошади. Его за малым чуть не затрясло, словно в молодые годы, когда еще не целованным

ходил... Он впервые ощутил ее грудь — маленький тугой комочек.

И еще он понял одно, что сейчас может спокойно овладеть этой девушкой — она скромно предложила свое тело в качестве благодарности и в дань уважения.

«А вот и нет вам, товарищ командор! Кому уподобиться хочешь?! Ты же русский офицер! А еще — рыцарь!»

Вожделение мгновенно схлынуло, рассеяв пьяный похотливый угар. Андрей не захотел уподобляться сволочи, что с охотой воспользовалась бы моментом, и чуть отодвинулся в сторону.

Преслава это движение правильно поняла, явственно вздохнула с нескрываемым сожалением, и вскоре они уснули...

— Шведам после Полтавы и то лучше было!

Проснулся Андрей совершенно разбитый, а потому сразу же высказал свое честное отношение к этому миру и к своему состоянию.

Голова трещала, как стая сорок, и гудела как колокол. Сил подняться не было, и он смог только тихо прохрипеть:

— Арни! Есть там что?

Дверь мгновенно отворилась, и тут же у постели появился оруженосец с все понимающим и сочувствующим лицом. И уважительным тоже — Арни сразу понял, что хотел сказать ему командор, и, шустро схватив флягу, щедро набулькал в кубок терпкого пахучего вина.

Одной дозы не хватило, опыт пришлось повторить, дабы унять лютую жажду. И лишь после этого Андрей увидел, что на столе лежат два бурдюка — один пустой, а другой полный лишь наполовину.

— Это ж сколько я вчера вылакал?!

— Не так и много, брат-командор! — утешил его оруженосец, но тут же добил: — С половину ведра, это точно. Мы бы впятером упились до смерти, а ты ничего, как огурчик был...

— Зеленый и с пупырышками... Особенно сейчас... Ты на меня глянь, Арни, каково вот так страдать!

— Это потому, что вы от девчонки отказались! — со знанием дела изрек Арни. — Бабы — они ух! Хорошо кровь по телу разгоняют...

Андрей набрал было воздуху в грудь, чтобы устроить взбучку не в меру говорливому оруженосцу, вздумавшему обсуждать его «облико морале», но подумав пару секунд, шумно выдохнул:

— Арни, ты мне друг?

— Что за вопрос, ваша светлость? — Оруженосец округлил глаза. — Я ваш слуга...

— Нет, ты не понял! — Андрей, поморщившись, перебил его: — Я спрашиваю, ты мне друг, в смысле, ты мне добра желаешь?

— А как же! — Арни непонимающе смотрел на командора.

— Если ты мне друг, давай я сам буду решать, с кем мне спать, когда и как! Хорошо?

— Хорошо... — неуверенно протянул оруженосец.

— Ну, вот и ладно! Не нужно мне больше постели греть, сам согреюсь, а то так порой устану, что на эти «грелки», — он подмигнул и похлопал по кровати, — у меня и сил не остается!

— Наговариваешь на себя, ваша светлость. Выпил, на полдеревни хватит, вон каким бодрячком выглядите, в селе еще не встали, до сих пор мужики пластами лежат, а ведь намного меньше вас выпили, и девок, я мыслю, нужно было не одну, а двоих, нет, лучше троих привести...

— Арни!

— Ну как хотите! — обиженно забубнил оруженосец. — Для вас же стараюсь! Вот, — он протянул вино, — испейте еще!

От такого предложения Андрей отказаться не смог и принял третий кубок, пыхтя от усилий, затем отер выступивший пот и, почувствовав, что долгожданное облегчение начинает набирать силу, произнес со смешком, вспомнив студенческую мудрость:

— В пьянках замечен не был, но по утрам пил ну очень много холодной воды... Ладно уж, я сегодня отдыхаю, меня не беспокоить! Займись сам, проверь все!

Андрей, отдав распоряжение, устало откинулся на подушку — выпито было действительно немало, даже по прежним благополучным временам молодости, когда здоровье имелось лошадиное.

— Не беспокойся, ваша светлость, все сделаю как всегда. Да и брат Стефан со своим «копьем» вскоре здесь будет. Ты сам лучше полежи в постели, столько дней на ногах, с лица спал, исхудал весь. Там за дверью буду, со мною двое «серых». Все сделаем, стоит только позвать. Никто беспокоить не будет! — Арни говорил тихо, заботливо-любящим тоном, без малейшего признака иронии. Он вообще был иногда без чувства юмора.

Повезло с оруженосцем, настоящим помощником, ничего другого и не скажешь. Отданные им приказы доводил до конца, всегда контролировал, как другие их выполняют, и никогда ничего не забывал. Воля командора была для него святым законом...

— Жить хорошо!

Он потянулся в кровати. Спустя пять минут Андрею действительно сильно полегчало — похмелье стало отступать, как французы от Березины, а на душе запели птицы.

Андрей повернулся на своей огромной постели и уткнулся носом в лежащую рядом и тихонько посапывающую Преславу.

Утром ее не было, видно, отлучалась куда или Арни выпроводил ее как неумелую наложницу.

— Надо будет втолковать этому работнику гаремных дел политическую ситуацию! — Андрей проворчал тихонько, чтобы не разбудить Преславу. Разглядывая девушку, он понял, где пропадала утром.

Очевидно, Арни слишком буквально принял свои новые обязанности: на ней был одет уродливый серый балахон, больше похожий на монашеское одеяние, такой ни ночной рубашкой, ни платьем назвать трудно, фантазия не позволяет. А еще длинные шелковистые волосы были полностью спрятаны по несуразный чепец с безумными оборками.

Было видно — вино добило ее капитально, запах перегара витал около хорошенького личика.

«Славненькая девчушка, но совсем маленькая еще, лет 15–16 от роду... — Он разглядывал смешные веснушки на ее носу. — Хотя фигурка у нее очень ладная, такую хорошо приласкать можно...»

Преслава засопела, смешно чмокая губами. Непослушный локон выбился из-под чепца и защекотал ей щеку, она поморщила носик, собираясь чихнуть, и Андрей осторожно заправил волосы.

«Но вот любовью с такой крохой заниматься как-то не комильфо, уж нет, увольте меня, пожалуйста! Педофилия в чистом виде — я же втрое старше ее!»

От его прикосновения она проснулась и тут же застонала, пытаясь поднять свою голову с постели. Такое количество выпитого и у любого мужика вызвало бы просто жуткое похмелье — больше полведра хорошего вина за ночь совместно выкушали.

«Можно, конечно, к интенсивной лечебной терапии не прибегать, организм молодой, справится! — Она с трудом открыла глаза и вымученно улыбнулась ему. — Но до следующего дня будет она ходить здесь, как тень отца Гамлета, с зеленым лицом маленького крокодилчика — эко ее перекосило! Вечным укором для меня станет, и похмельные страдания пожизненным раскаянием сменятся!»

Андрей щедро плеснул вина в кубок и протянул его девушке, но та от него в ужасе отпрянула.

— Ты что делаешь? — Его лицо исказила самая свирепая гримаса, которую он только и смог составить, что было не трудно в его состоянии. — Ты меня оскорбить хочешь?! Зашибу!

У Преславы от ужаса расширились глаза, она, захлебываясь, выпила кубок, проливая капли вина на измятый балахон. Потом, как мышонок под веником, сжалась в комочек, испуганно глядя на своего господина. Тот, недолго думая, заставил выпить еще один кубок. Затем подождал пару минут, во весь рот заулыбался и сам выпил вина.

— Прости, что испугал тебя, — Андрей ласково погладил ее по щеке, — но иначе бы ты пить просто бы не стала. А вино с утра боль в голове устраняет, хотя и пить его очень противно! Пила-то, поди, впервые?

Страх отступил с лица девушки, она торопливо закивала:

— Пробовала пару раз... Вкусно, но сейчас точно ни капли в рот не взяла бы...

Однако через пять минут щеки Преславы слегка порозовели, глазенки заблестели, а настроение резко улучшилось:

— У меня так жутко голова болела, ваша милость, что не знала, куда деваться. А теперь почти все исчезло, а то гул такой был, словно снова Волосатого Дядьку увидела. Не поверишь, но у меня потом три дня голова болела и всю трясло...

— Кого?! — Андрей опешил, а потом, захохотав, упал на подушки. — Кого ты увидела?

— Ну. — Преслава скорчила удивленную гримаску. — В лесу который живет! Лесовик! Огромный, метра три, шерстью заросший... Его все наши стороной обходят! Правда, — она пожала плечиком, — мало кто его и видел, так, разговоры одни!

«Офигеть, в какой цирк уродцев я попал: говорящие вороны, волкодлаки и просто демонические волки, змеелюди... А вот теперь еще, похоже, настоящий снежный человек в этих лесах шарахается, наводит шухер на местных верноподданных! Эх, когда же руки до него дойдут?»

Преслава, надув губки, отвернулась и обиженно молчала.

— Эй, ты чего? — Андрей потряс ее за плечо. — Поворачивайся, поговорим еще...

— Не буду я говорить! — зло прошептала она. — Я честно сказала, а ты мне не поверит!

— Как не поверил? — Андрей силой повернул ее. — Давай рассказывай дальше, что же это за тварь, да еще по моим полям шастает и никаких пошлин не платит! Давай, красавица моя, я слушаю!

Девушка открыла было ротик, но Андрей перебил ее:

— Слушай, балахон свой дурацкий сними! А то на него смотреть невозможно, сразу тошнит!

— Совсем снять?

Она лукаво улыбнулась, скрывшись под складками одеяния. Выгнувшись, она с неуклюжей, еще угловатой подростковой грацией попыталась выбраться, но запуталась и так и осталась с поднятыми руками и балахоном, зацепившимся за сползший чепец.

— Ну же! — Она смешно брыкалась, пытаясь выбраться из тряпичного плена. — Ну же, помощи!

Любуясь остренькими грудками, прыгающими в такт ее движениям, Андрей невольно сравнивал ее с роскошным телом Милицы:

«Или станет такой, как моя Анна — обабится, прямо так и вижу эти обрезанные валенки... Или скурвится, как Мила! С такой смазливой мордочкой и фигуркой, как только войдет во вкус и в тело, быстро пойдет по рукам, девочка-то, видно сразу, смышленная...»

Преслава кое-как, но справилась сама, однако дуться не стала, без стеснения нагишом прилегла рядом с ним на кровати, с дурацкой пылкостью, свойственной юному возрасту, вообразив невесть что в своей маленькой головке, и теперь напряженно ожидая это самое, первое в ее жизни.

— Ты тут слюни не распускай! В общем, этим, — он сделал страшные глаза, — заниматься

мы с тобою не будем! — Андрей поднял ладонь, останавливая ее возражения. — Закутайся в одеяло и не возражай! Обет такой давным-давно мною дан! Ты лучше про своего Волосатика рассказывай, люблю страшилки послушать!

Андрей просунул свою руку под ее голову, погладил ладонью по пышным волосам, а она перевернулась на спину и защебетала.

Опуская красочные подробности и пересказы пересказанных баек, веселенькая получилась картинка. Только теперь он понял, почему западные земли ордена между гор, наравне с Запретными землями, совершенно пусты, а смерды там не селятся: очередная нежить, по его персональному дерьмометру, где-то на уровне «Ну скока можно?!», жрала крестьян, предварительно загипнотизировав их.

Пробовали обходить крестным ходом и кропить святой водой поля и все деревенские дома, выставляли стражу, отправляли дозоры в лес — не помогало, периодически находили тела с перегрызенными горлами и донельзя счастливым выражением лица.

— Понимаешь, твоя светлость... Простите, господин! — Андрея умиляло это ее постоянное сбивание на «ты» и то, с каким серьезным видом она потом поправлялась на «господин» или «ваша светлость». — Я с девочками, соседками, собирала на опушке грибы, совсем близко от дома. И у меня резко заболела голова, как сегодня утром. Девчонки побежали, а мне захотелось спать! А проснулась я через три дня у себя дома, девчонки людей привели, слава богу, мы недалеко ушли, и он меня не тронул! Вот!

Андрей поцокал языком:

— Какая ты смелая, Преслава! Вот бы мне таких в отряд набрать...

Она привстала и оттолкнула его руку из-под своей головы:

— У нас хозяйство было большое, семь коров, три лошади, сотня овец. Пашни тятенька с братьями дюжину чатей поднимали, даже пасеку поставили. И все бросили... А вы, ваша светлость, смеетесь! Как не стыдно, вы наш господин и обязаны нас защищать! А вы...

От такой выволочки Андрей готов был провалиться на месте, он сграбастал брыкающуюся Преславу, ласково, почти по-отцовски, нежно и бережно обнял, и после непродолжительных уговоров рассказ продолжился...

В Притуле беженцы прозябают у родичей уже три года. Жизнь тяжкая, земли нет, вся семья девчушки батрачит от рассвета до заката, но прибýtка как не было, так и не предвидится.

Андрей ее слушал долго и удивлялся. О «снежном человеке» тут знали все, и притуляне, и белогорцы. Все — кроме, как обычно, его самого...

— Убей ты эту тварь, ваша светлость! Ведь только ты один сможешь это сделать! Сам посуди — ты волкодлака убил, лорийской нежити голову одним ударом отсек, проклятых волков изрубил чуть ли не полсотни. Кто ж, кроме тебя, одолеть его сможет?! А мы тебе всем родом вовек благодарны станем, служить верно будем, ни в чем не откажем!

Андрей сглотнул: почти политический наказ от избирателя к народному депутату!

Однако сейчас, глядя на обнаженную Преславу, он понял, что мерил ее по рамкам своего времени, где великовозрастные дитяти сидят на шеях престарелых родителей.

А здесь девчонки в пятнадцать лет уже замуж выходят и детей рожают. Преслава выросла и давно не девчонка, а красивая и привлекательная молодая женщина, знающая себе цену.

«Так, намек понятен! Избирательный наказ отменяется! Вот оно что — девица хочет родичам прежнее богатство вернуть, да и те готовы что угодно сделать, чтобы от нищеты избавиться. И как ей объяснить — война же в дверь стучится, со дня на день начаться может. И не до разборок сейчас с этой тварью, которая, судя по всему, намного опасней лорийской бабищи с ее оголодавшими волками!»

Мысли текли в одном русле, но недаром говорят, что язык мой — враг мой. И не только —

свою роль сыграли и его глаза, и его собственные руки, обнимающие юное, горячее и желанное тело, что воля размякла подобно воску, снутому в пламя свечи.

— Я поеду туда, Преслава, как только появится время! Обещаю! И убью эту тварь, не будет больше он шастать по нашим лугам и полям, что не может враг топтать. Сволота тамбовская! Со змеюги я шкуру поимел, а этого Волосатика обрею, но вначале поимею, и ты мне носков из его шерсти навяжешь, обещаешь?

— Обещаю! — Преслава вскочила на кровать и с визгом запрыгала по подушкам. — Обещаю! Обещаю!

«Твою мать, ну угораздило меня в очередной раз вляпаться: детский сад, горшечная группа!»

— Ваша милость, купцы к вам пожаловали!

Арни вырос на пороге, положив ладонь на рукоять меча. Андрей оживился, и неспроста: торговцы ушлый народец, везде бывают, о многом знают, а информация о странно притихшем Сартском требовалась позарез, потому он живо поднялся с лавки и вышел на крыльцо.

В просторный двор усадьбы, отведенной селянами для ордена, въехала повозка, за ней еще одна и еще, сопровождаемые полудюжиной хорошо вооруженных верховых.

Они живо спешили, поклонились чуть ли не до земли, с подчеркнутой почтительностью, и дородный человек в зеленом кафтане быстро направился к командору.

Оруженосец сразу выдвинулся вперед и стал левее Андрея, готовый в любую секунду заслонить его грудью. Арни рассудил здраво — на командоре не надеты доспехи, а купец очень может быть наемным убийцей, и предосторожности здесь не лишнее занятие. И такая предупредительность была продемонстрирована не только им одним.

Справа от Андрея зашел однорукий управляющий Липко — старый крестоносец, прибывший из Замостья, цепко скрепил пальцы единственной руки на рукояти меча.

Но это было излишне, потому что во дворе сразу появились мечники из «копья» Зарембы и взяли всех прибывших торговцев под ненавязчивое наблюдение.

Да и «серые», продолжая заниматься во дворе отработкой фехтовальных приемов, навязчиво косились в сторону возниц, готовые в любое мгновение пустить в ход луки или мечи.

Купец и глазом не моргнул, прекрасно видя эти меры предосторожности. Он очень низко поклонился и протянул Андрею большой сверток красной материи, расшитой желтой нитью:

— Примите сей дар от бедного купца, ваша светлость! Весть о том, что орден как феникс воскрес из пепла, уже облетела все земли и наполнила многие сердца великой радостью!

У купца был мягкий бархатистый голос, немного обволакивающий собеседника. Такому торговцу не составит больших трудностей убедить любого скупого покупателя в крайней необходимости сделать покупку, пусть даже совершенно ему ненужную, как нагреватель воздуха для бедуина из Сахары или холодильник с пломбиром для эскимоса.

Нарочитое миролюбие демонстрировали и его приказчики с охранниками, светясь улыбками и держа руки подальше от носимого на поясах оружия. Многие даже распахнули плащи, показывая, что под ними не надето доспехов или кольчуг.

— В Белогорье обозом шли, но как вчера узнали мы, что тракт Лорийский вы от волков с Проклятых гор освободили, всю тамошнюю нежить изведя, то преисполнились сердца радостью и преклонились перед подвигом великим вашей святости...

— Круто берешь, купец!

Андрей усмехнулся — понятно, почему купчик столь велеречив: тот, кто первым товар словакам за горы отвезет, самые сливки с торгового начинания снимет. Вот и заторопился служитель Меркурия, и сладко стелет, не жалея языка. Да чего его жалеть-то, по большому счету, — чай, без костей!

— Я не святой, ты ошибся, а воин, командор крестоносцев!

— И единственный Хранитель, — купец, низко кланяясь, продолжил безо всякой иронии, — а значит, и магистр Богом хранимого ордена Святого Креста!

В почтительных словах купца охранники Андрея словно услышали какой-то намек и мгновенно сделали полшажка вперед, но он решительным жестом пресек эту неуместную, на его взгляд, инициативу и совершенно безучастно бросил, сохраняя на лице маску невозмутимого и равнодушного хладнокровия:

— Твои товары посмотрит мой управляющий, что будет нужным, он купит, это право ордена. Остальное можешь продать либо здесь, либо в Белогорье или везти по тракту на ту сторону гор. Но пошлину заплатишь в казну! И смотри у меня, чтоб без баловства!

Андрей изображал резкого, не любящего длительные славословия вояку, а потому сделал вид, что хочет повернуться спиной. Повинуясь его жесту, Липко тут же забрал купеческий подарок.

— То, что тебе купить надо, вот с ним и обговоришь, почтенный гость! — Андрей остановился, словно передумал отворачиваться. — Но я вижу, что кроме подарка ты что-то хочешь мне сказать важное? О торговых делах, как я понимаю?

Он решил несколько облегчить приехавшему купцу выполнение задачи. Слишком подозрительным был столь скорый визит, да и на простого купца сейчас визитер походил мало, особенно после последних сказанных им слов о единственном «хранителе».

Тот посмотрел на командора умными серыми глазами и очень признательно и решительно заговорил:

— Я вхожу в «Гостинный двор» Кракова, зовут меня Турма. Одна к вам просьба, ваша светлость, — поговорить с вами, только наедине. У меня нет с собой никакого оружия, — последняя фраза была сказана, похоже, оруженосцу Арни, который мгновенно сжал рукоять меча.

— Хорошо, пойдемте в горницу, почтенный Турма, там и побеседуем о делах торговых!

Андрей повернулся спиной и вошел в дом, прекрасно зная, что Арни самым тщательным образом общается с торговцем, несмотря на все его заверения и клятвы, и размышлял о столь странном визитере, занимавшем весьма высокое положение.

«Гостинный двор» являлся очень серьезной организацией, в Польше их имелось всего три. Только вступительный взнос в эту гильдию составлял тысячу злотых, такие деньги простым торговцам и не снились.

«Гости» были заимодавцами многих баронов и рыцарей и опирались на горожан, которые упорно отстаивали свои права от постоянных посягательств панства.

Причем, а Андрей знал это точно, такая цеховая организация появилась в реальной истории лет на триста позже — вот еще одно последствие раннего завоевания доброй половины Европы мусульманами.

Такой человек сам торговать не придет!

В лучшем случае пошлет помощника младшего приказчика или подручного купчика из самых захудалых — типа того же торговца оружием Заволи. Значит, он приехал по очень важному делу, для тайных переговоров, и никак иначе, если вспомнить, что Краков — центр чешской власти, а Плонск является дармовой кормушкой для местных магнатов, с успехом выполнявших функции рэкеты, а потому всегда тянулся к чешской короне.

— Прости меня за невольную ложь, ваша светлость. Меня зовут Роштан, так зовусь я в Плонске, где имею свои дела и двор с амбарами.

— Так-так. — Андрей жестко усмехнулся, глядя в глаза купца. И тот понял его правильно, тут же объяснив:

— Все это для отвода глаз. Предателей всегда много, но никто не должен прознать, что я был здесь. Если узнают, что у вас был чех, то это одно, а вот если поляк и установят мое настоящее имя, то тогда мне придется бежать в Чехию!

Купец пожал плечами, участь его в таком случае действительно была бы незавидной, а у влиятельных панов хорошая память, длинные руки и лютая мстительность, как у язычников.

— Уважаемые «гости» передают ордену и вам как его командору свои самые лучшие пожелания. Но вы правы, ваша светлость, я действительно приехал по важному делу!

Андрея пробрало, хотя он не показывал вида. Ладно бы чехи, те давние покровители ордена и великие недоброжелатели ляхов и давно посматривают, как бы ловчее оттяпать от Польни лакомые кусочки, тот же Краков уже полвека находится под их владычеством, но чтобы поляк да еще в таком статусе приехал в Белогорье на переговоры?!

О чем же он будет вести речь с теми, кто уже полтора десятка лет с ненавистью относится к ясновельможному панству?! Неужто Плонск под Чехию собрался?! Да их тогда ляхи порвут в клочья и не поморщатся!

— Позвольте вам сначала сказать — страну нашу раздирает бесконечная грызня магнатов. Но и у соседей не все ладно. Король очень слаб, не то что его всесильный отец, и бездетен. Всеми делами управляет властный кастелян от его имени. Случись что с ним, то всю страну охватит междоусобица. И чешским городам достанется больше всего от этой войны. То же самое может быть и в наших городах. Понятно, что я не имею в виду тех местечек, которые по воле магнатов называются городами!

— Я думаю, в твоих словах есть зерно истины, но только зерно, никак не больше! — Андрей усмехнулся, но купец словно прибодрился от его слов и заговорил с напором:

— Мы являемся лакомым куском для панов, которые запросто ограбят нас, пользуясь тем, что Плонск беззащитен — стены были скрыты десять лет назад по требованию буйных панов, и первым среди них Сартский. И не просто ограбят — город будет выпотрошен, а горожан похолопят. — «Гость» сделал короткую паузу, потом заговорил снова: — Другие известия становятся все страшнее и ужасней с каждым месяцем — степняки овладели почти половиной чешских земель, не пройдет и пяти лет, как их конница полностью захватит Словакию, несмотря на всю помощь, которую орден ей оказал. Это временно, простите меня, ваша светлость, за откровенность. Мы можем отсидеться за горными перевалами, но без торговли наш город захиреет, а жители разбредутся в разные стороны и станут лакомой добычей для алчных магнатов!

Если Плонск станет чешским, то их купцы займут главенствующее место, оставив нам жалкие крохи. Но если ляхские паны продолжат нас обирать, то мы тоже вскоре начнем собирать объедки. У нас нет выхода: оказавшись между молотом и наковальней, яичной скорлупе никак не уцелеть. Если только...

Купец замаялся, взгляд его метнулся в сторону. Андрей усмехнулся, лихорадочно соображая, чем может окончиться этот разговор, начавшийся со столь длинной прелюдии, но пока молчал, заставляя собеседника выложить на стол все свои карты.

— Если только орден Святого Креста не примет наш город Плонск под свое высокое покровительство на тех же самых условиях, что были дарованы словацким землям папской буллой! — решительно закончил «гость» и посмотрел на Андрея, который несколько растерялся от столь неожиданного и шокирующего заявления.

Он ожидал чего угодно, от предложений мелких услуг до серьезного денежного вспомоществования крестоносцам, но такое просто в голову не укладывалось: по сути, за орденом признали право третьей силы на владение Плонском, вслед за чехами и ляхскими панями.

Очень серьезное заявление, последствия от принятия которого могут принести как невероятную пользу, так и неимоверный вред. Над ним следует очень серьезно подумать, трижды, и лишь потом, нет, не принимать, но хотя бы обсудить!

— Для приращения богатств и процветания нужно сплочение земель! Но панству, за редким исключением, этого не нужно — они ведь тогда потеряют свои привилегии. Однако есть сила, которая способна накрепко связать наши земли — это орден Святого Креста!

Взглянув на удивленное лицо Андрея, купец просяще сложил на груди руки, и командор

решил дать ему возможность полностью высказаться: раз начал, то пусть уж выкладывает свои размышления до доньшка, чтоб все стало ясно и прозрачно.

— Так вот, — задумчиво продолжил «гость», — сейчас вы несколько ослабели, но уже почти оправились от Каталаунского несчастья. У вас хватит сил и людей, чтоб отбросить соседей магнатов, в этом все уверились, особенно после победоносного похода крестоносцев за Карпаты.

«Твои слова да Всевышнему в уши». — Андрей мысленно усмехнулся, продолжая сохранять на лице каменное выражение, а купец продолжал говорить тем же мягким бархатистым голосом:

— Пусть меня простит ваша светлость, но Белогорье ловушка для ордена. В здешних землях не прокормишь действительно большое войско, способное как приструнить панство, так и обеспечить Словакию и нанести там поражение уграм. Орден должен стать более могущественным, и вы должны, простите меня за столь неуместное для вас слово, немедленно занять Запретные земли и взять их под свою руку!

«— Борзой ты, братец! Будешь еще меня учить, что мы должны делать. И без тебя прописные истины понятны».

— Там же был мор!

Андрей решил прощупать потаенные мысли купечества, которое сделало точно такой же вывод, как и он, потому решил в подставленную ловушку не лезть.

— Сейчас нет никакого мора, он давно там кончился. Восточная часть пустует, полностью обезлюдевшая, но там велико давление панства. А вот в западной части уже проживают почти две тысячи беженцев, словаков и чехов, которые охотно признают орден своим сюзереном. Тем более на таких условиях, которые предлагаете. Пока вы не осознаете, насколько орден стал популярен у всего податного люда!

Купец бросил короткий взгляд на Андрея, но сразу же отвел глаза в сторону.

— Слух об орденской десятине уже начал будоражить умы смердов, и сейчас начинается их массовый исход в орденские земли. Но Белогорье всех не вместит. А вот Запретные земли совсем другое дело — вы легко можете занять хоть все Заречье с Подгорьем, они всего в двух днях пути отсюда, по старому Дорийскому тракту! Вы можете занять Заречье без труда, — купец продолжал свою речь, — там много брошенных деревень, несколько пустых замков. Займите их двумя сотнями воинов и можете потом спокойно оспорить все эти земли как у пана Сартского, так и Кусовского. Другие паны вмешиваться не будут, а теми силами, что у вас в разных землях находятся, вы спокойно и долго сможете там удержаться. Сейчас вы допускаете, на наш взгляд, большую ошибку, стягивая орденцев в Словакию, они нужны вам здесь. Панство не потерпит усиления крестоносцев!

«Ты еще взялся меня учить?!»

Андрей мрачно посмотрел на чересчур умного купца, а в душе ухмылялся — хоть разведка у купцов поставлена просто великолепно, настоящий план ему удалось скрыть от внимательных глаз — соглядатаи приняли задуманную отвлекающую операцию за главную.

«Но каковы эти купцы, пронюхали быстрее, чем мы начали делать первые шаги. Наверняка в окружении есть их агентура, да и в других землях ее тоже немало. Но здесь, в Притуле, похоже, пока она отсутствует... Нет, имеется, ибо слишком быстро купец узнал, где я, и теперь точно будет, уж больно постно „гость“ по сторонам смотрел!»

— Все вольные смерды, беженцы, рядовичи, холопы хлынут в Заречье, когда узнают, что ваши флаги развеваются на башнях замков, — продолжал настойчиво убеждать Андрея в его же собственных планах собеседник, — вам нужно только посадить их на землю и обеспечить на первое время зерном и инвентарем...

— Мне понятен ход мысли «гостей», — прервал речистого торговца Андрей. — Но только немедленно ответьте мне на два вопроса — в чем здесь ваша выгода, конкретная! И где мы возьмем на занятие Заречья и прочих частей Запретных земель людей и деньги?!

— Скажите, ваша светлость, если наш город признает вас своим сюзереном, конечно, это несколько абстрактная мысль, но все же интересно, каковы могли бы быть ваши условия?! — ловко ушел от поставленных вопросов собеседник и выжидающе посмотрел на Андрея.

«Ведет себя так же, как белогорские старосты, все вокруг да около ходит: и хочется, и колется, и мама не велит. Еще меня провоцирует, мерзавец этакий!»

Командор давно уже понял все хитросплетения купца, но ответил честно, как думал:

— Плата десятины ордену и служба в его войске! Взамен орден даст гарантию защиты и помощи. Все по ряду, никаких повинностей или самочинных поборов. Управление свое

изберете, порядки свои, какие захотите, но все по обычаю, справедливости и закону!

— Тогда я тоже буду говорить вам всю правду!

Теперь Роштан не юлил, а смотрел прямо в глаза.

— Мы дадим ордену средства. С сентября год только начался, но мы выплатим полную десятину ибо ваши слова, господин магистр, и есть клятва! Первый взнос привез с собою — на двести полновесных марок чистого серебра. Простите за мою прямооту и не сочтите за обиду, но у города сейчас очень мало денег. Раньше из пяти слитков серебра паны забирали за добычу на их землях один слиток, а сейчас берут уже один из трех, и им мало. То же самое делает польский князь за чеканку своих монет. Да еще разорительные поборы, что идут сплошь и рядом! Мы теряем три четверти серебра! — с горькой улыбкой сказал «гость».

— Но если орден возьмет нас под свое высокое покровительство, то мы обязуемся принимать его деньги и вести в них все торговые расчеты. И серебро из рудников пойдет в уплату за чеканку одним слитком из пяти. Десятина будет выплачиваться слитками, исходя из веса орденской монеты и ее пробы. Для нас это будет хотя и тяжело, но сейчас выбора нет!

Андрей усмехнулся и мысленно за него тут же продолжил: «Утаивать вы очень боитесь, самовольная чеканка еще хуже, за нее даже люта́я смерть покажется хорошей наградой».

Он понимал, что Роштан приbedнялся, но на то он и торговец. Но предложение немедленно чеканить орденские деньги, на что юридического запрета вроде не имелось, сулило головокружительные перспективы. Ведь в таком случае соседи, чехи и поляки, уже не обогащались на этой операции, снимая себе жирный процент.

«Хорошее предложение, как раз из разряда бесплатного сыра для одного незатейливого устройства. Нет, братец кролик, так дело не пойдет, хоть ты и поманил меня и даже весомую взятку привез».

— Вы предлагаете ордену перспективу войны за богатства Плонска не только с панами, но и с польским князем и чешским королем в придачу?! Вы реально оцениваете перспективу исхода от такого противостояния, Роштан?! И вы надеетесь, что я соглашусь на ваше предложение?!

— Войны не будет, ваша светлость! — Купец засверкал глазами. — Плонск давнее яблоко раздора между владыками, а потому ни один из них не потерпит, если город отойдет врагу. Однако они не станут препятствовать ни пану Сартскому, ни ордену Святого Креста установить свое господство. Наоборот, благожелательное к вам отношение чехов известно, а польскому князю тоже нужна сила, способная унять своевольное панство!

— Гладко стелешь, вот только спать жестко будет! — отрезал Андрей. — Чехи все равно не откажутся от Плонска, а мы его не удержим...

— А если польский князь поможет? — вкрадчивым голосом осведомился Роштан, и Андрей осекся: а ведь такой вариант он раньше не рассматривал, а зря. По большому счету сыну Мешко лучше иметь орден в союзе, чем подручным венценосного «брата» Болеслава. Да и в перспективе тоже неплохие шансы вырисовываются, одна Словакия чего стоит.

— За Плонск орден могут лишить, да и лишат, в качестве компенсации богемских и моравских замков, но стоят ли они того, чтобы держаться одних лишь чехов? Их поддержка вас всегда была очень скромной, зато требования за нее больше ослабляли, чем питали. А доходы...

Купец усмехнулся, губы собрались в строгую и непреклонную складку. И он принялся говорить горячо, резким и уже не бархатным голосом, выделяя каждое слово:

— Доходы ордена с чешских земель составляют полторы сотни золотых, ну, может, все двести!

«Эко тебя понесло! Едва сотню собирали все эти годы — крестьян немного, и все они нищие. Я только от Селима вдвое больше получил, чем орден за все эти годы с Каталауна!»

— Хорошо! Если орден утратит свои чешские владения или сам оттуда уйдет, не в силах их удерживать, то Плонск ежегодно будет выплачивать эту сумму в вашу казну... Подождите, не хмурьтесь, эта сумма не включает издержки, а потому на круг придется четыре сотни золотых. Это сверх положенной десятины с города в три тысячи золотых монет.

«Он меня как богатую невесту уговаривает, с подходами, и немедленно набавляет цену. Может, рискнуть?»

— А ведь пан Сартский имеет свое мнение на решение этого вопроса. Не так ли, почтенный Роштан?

— Война с ним будет тяжелой, это самый могущественный магнат. Он уже начал собирать войско, ждет только нанятых арбалетчиков да ополченцев, для которого нужно время, недели две, не больше.

— И как велика его ратная сила?

Вопрос был задан Андреем самым безмятежным тоном, но ответ он ждал с известным напряжением, и он тут же последовал, точный и убийственный, расставляющий все точки.

— Пан Сартский выставит два десятка «копий», сотню своих дружинников, да еще две приведут паны. Ну и пехоты достаточно — полторы сотни копейщиков, столько же арбалетчиков, ну и полтысячи ополченцев, больше он вряд ли соберет. Еще будет две сотни наемников, о которых я вам говорил раньше. Но у вас, я думаю, найдется что этому войску противопоставить. Мы все на это надеемся!

«Надеяться вы можете, вот только драться предстоит нам, а не вам. И силы неравные! Хорошо, что с деньгами положение улучшилось, вот только время, время! Нанять никого мы не сможем, придется драться самим. А эти в сторонке останутся, купцы, что с них взять! Хоть грошей и привезли, и ладно, с паршивой собаки хоть шерсти клок!»

— Простите меня, ваша светлость, что прервал мысли, — осторожно сказал купец, — но я должен идти, может, здесь есть шпионы магната, а я опасаясь доноса соглядатая — не может бедный торговец так долго с самим командором ордена разговаривать!

— Хорошо, — кивнул в ответ Андрей, продолжая размышлять.

Раз добрая драка с ляхами неизбежна, то лучше задрать ставки, ибо проигрыш и так закончится гибелью, зато в случае выигрыша куш станет намного больше.

Такой, как Плонск с его десятиной серебром!

— Орден берет твой город под свое покровительство! Да будет так, во славу Господа!

Андрей решительно произнес традиционную фразу, а купец опустил перед ним на колени, склонив голову для пастырского благословения, что сразу и получил, как и руку для вассальной клятвы в виде почтительного поцелуя. Произнеся все необходимые слова при данном случае, купец живенько поднялся на ноги с довольным донельзя видом, таким, что у Андрея поневоле закралась тревожная мысль, что его в очередной раз крепко нагрели и провели как лоха.

— Мой слуга сейчас отдаст все серебро вашему доверенному оруженосцу, а также еще и некоторые, но очень полезные для ордена товары. Да поможет вам Господь выстоять!

— Во славу Бога и ордена! Аминь! — закончил разговор ритуальной фразой командор, но провожать гостя не стал, не по чину, да и секретность переговоров соблюдать надо.

В отворенную дверь сразу заглянул Арни, перегородив купцу дорогу, но увидев, что все тут в порядке, пошел провожать торгового гостя.

Через несколько минут он вернулся и, пыхтя, занес тяжелый мешок, где через дыру проглядывала красная ткань. Затем закинул второй, поменьше размером, но тоже тяжелый, раз физически крепкий Арни его не поднимал, а тащил за собою волоком.

— Вот красная ткань, которую тебе подарил торговец, брат-командор. Только посмотреть

ее надо, а вдруг подпорчена? Там других кулей много, тяжеленные, наши парни сейчас в амбар кое-как таскают. Да еще оружейникам наш однорукий проволоку забрал и много всего прочего, а торговец сказал, что ты с ним полностью за весь товар не глядя расплатился. А вдруг обманул бы? Хотя нет, не рискнет купец нам плохой товар продать, а то далеко не уедет! — засмеялся оруженосец во весь голос.

— Ты и тиун слышали, что он из «Гостиного двора». Забыть немедля, и им все четко сразу скажи: проболтаются — на первом суку повешу, как подлейших предателей ордена! — угрюмо произнес командор, и верный оруженосец пулей выскочил из комнаты.

Андрей развязал петлю узла на горловине мешка и рассмеялся — ну хитрец, все юлил, а в успехе переговоров был, шельмец этакий, заранее уверен — а ведь неплохой подарок ордену привез, хотя вот его, быть может, в Плонске уже вперед щедро оплатили.

В мешке оказались алые лошадиные накидки и маски с налобниками для трех боевых коней — только орденские кресты сверху пришивай и сразу в бой.

Голову на отсечение дать можно, что в других принесенных мешках то же самое, а тяжеленные потому, что еще кольчужные попоны и нагрудники там тоже наверняка имеются.

«Отличный товар, у нас только дюжина коней защиту имеет, а у других, хотя на некоторых и рыцарю сидеть не зазорно, даже налобников и конских личин нет, не говоря о кольчужных попонах!»

Но сейчас Андрея интересовало другое — в ткани лежали завернутыми шесть больших и тяжелых брусков серебра, которые он немедленно переложил в крепкий ларь с орденской казной. «Гостей» нужно хорошо благодарить — весьма своевременная финансовая помощь.

Через несколько минут Арни вернулся, радостно поглядывая на своего командора и при этом чуть ли не пританцовывая от внезапно обвалившегося счастья, заговорил уже от двери:

— Там полный доспех, попоны и личины для дюжины боевых коней, только трех попон не хватает. О, да они у всех здесь лежат! Позволь, я унесу их, женщины на них орденские кресты сегодня пришьют. Теперь все оруженосцы на прямую сшибку идти смогут с любым рыцарем, и неизвестно, кто еще победит — у всех наших за плечами по десять лет войны со степью, и копыта свои они не на турнирах в честь прекрасных паненок ломали...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
«А НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ»

— Анджей! — Преслава, сладко потянувшись, выгнулась. — Я еще хочу!

Андрей уткнулся носом в подушку и закрылся периной с головой:

«Такими темпами я скоро усохну до детского размера! Угроздило же меня такую любвеобильную гетеру найти!»

Словно в подтверждение его мыслей по плечу шаловливо поскреблись тоненькие женские пальчики:

— Анджей! Еще до рассвета есть время! Ну же...

— Нет, Преслава! — Андрей решительно, отбросив одеяло, встал. — Меня ждут дела!

— А как же я? — Ее губки предательски задрожали, а глаза наполнились влагой. — Ты меня уже не любишь? У тебя есть другая, красивее меня?

Она привстала, опершись рукой о кровать, и потянула его за рукав рубахи. Андрей, резко отдернув руку, отмахнулся:

— Перестань, ты говоришь глупости! Никого кроме тебя у меня нет: ты это прекрасно знаешь! Я же говорю — дела ждут! Кроме тебя у меня еще битва на носу! Все!

Он, демонстративно отвернувшись, натянул штаны и направился к двери. Преслава вскочила, оббежала огромную, за эту педелью порядком опостылевшую Андрею кровать и встала перед ним.

— Ах так? — Она уперла руки в бока, глаза ее сверкали. — Ты прогоняешь меня? Ты хочешь, чтобы я вернулась к родителям опозоренной? Что обо мне скажут — попользовался, мол, командор и выгнал? Отец с братьями только и ждет, чтобы благословить нас! Матушка уже и платье подвенечное села шить мне!

От такого заявления Андрей застыл соляным столбом: чего-чего, но такого он не ожидал. Жениться?!

— А ты как хотел? — Преслава прищурилась. — Если бы ты меня, как девку постельную, попользовал один раз и отослал, я бы слова не сказала: панское право! И благодарна была бы, если бы монеткой малой одарил... А тут: живем как муж и жена седмицу... — она, замолчав, стала загибать пальчики, шепча, затем торжествующе погрозила ему кулачком, — даже больше! И до сих пор невенчаные?

— Но я же командор... Нельзя же мне... — только и проблеял Андрей, отступая назад.

— Чего нельзя? Жениться нельзя? — Преслава разъяренной фурией наступала. — А девку ссильничать можно было? А ты меня спрашивал? Может, я не хотела? Может, я отказать тебе боялась?

Глядя на лиловые засосы на ее шее, смешно прыгающие грудки в разорванном по пупка вырезе рубахи и пухлые губки, вытворявшие еще пару часов назад нечто невероятное, Андрей хихикнул, еще больше распаляя Преславу.

— А еще меня богомерзким вещам научил, искусь! Раз ты — командор ордена, так и соблюдай закон Божий! Или по людским обычаям поступай, раз по-человечески жить захотел!

Запнувшись, Андрей уперся спиной в дверь. Рядом, сжимая кулачки, торжествовала Преслава:

— Решай сам, Анджей! Только домой теперь мне возврата нет: или под венец, или в омут с головой!

Со скоростью смываемой в унитазе воды Андрей вылетел из комнаты, захлопнув щеколду на толстой дубовой двери. С обратной стороны замолотили кулачки:

— Анджей! Вернись! Я все прощу...

Оглядевшись, Андрей увидел Прокопа, вжавшегося в угол.

— Ты, это... — Кое-как переведя дух и собравшись с мыслями, Андрей попросил оруженосца: — Скажи ей, что я до вечера не вернусь! А еще лучше до утра!

— Не-е-ет! — Прокоп округлил глаза. — Ты, брат-командор, сам с ней разбирайся! Я вчера уже попался на глаза госпоже...

— Кому?!

— Госпоже! Она сказала мне, что скоро будет здесь хозяйкой, и велела ее слушаться! Сказала, что это твой приказ! А Анри — так вообще баню ей топить отправила! Брат-командор, — он насупился, опустил глаза и поникшим голосом продолжил: — Ты того, заканчивай свою любовь, а то уже народ шушукается, мол, ты от веры отвратился!

— А еще чего говорят? — Андрей не мог со стыда смотреть ему в глаза.

— Ну, всякое! — Парень пожал плечами. — Братья говорят, что раз командору можно, то и они себе жонок среди местных возьмут, — вдов да бобылок много, чего им бояться, жизнь обустраивать надо, хозяйством обзаводиться! Вот победим Сартского и заживем!

Андрей засопел:

«Ни фига себе, моральное разложение войска! Если они тут себе бабье заведут, хозяйство, то какой, к чертям, христианский орден: обоз с маркитантками и то меньший камень мне на шею!»

— И местные тоже недовольны: какого, говорят, толку от таких защитников, что не об обороне думают, а о том, как бы девку на сеновал затащить? — Прокоп, видимо, решил добить Андрея окончательно: — Говорят, что ты, брат-командор, только супротив бабы и силен!

Обессиленный, Андрей сполз по стене, обреченно обхватив голову руками:

— И ты тоже так думаешь?

Прокоп помялся:

— Дык... Я-то чего?

— Не темни!

— Если бы я с тобой, брат-командор, нежить не рубал бы да не видел тебя в бою... — Он, помедлив, выдавил из себя: — Не знал бы, что и думать!

— Спасибо! — Он схватился за протянутую Прокопом руку, поднимаясь. — По крайней мере, хоть честно...

Идя по двору, Андрей, как ему казалось, чувствовал на себе десятки взглядов. Ужасно хотелось обернуться, но он понимал, как глупо будет выглядеть.

Притульцы, мимо которых он проходил, тут же прекращали разговоры и склонялись перед ним, но Андрею казалось, что они говорили о нем, а в поклоне прятали ухмылки.

Слова богу, хоть никого из орденцев не встретил: караульные молча отсалютовали ему, а остальные без дела не шлялись — все были заняты своими делами. Все, кроме него!

Дорога от усадьбы до местной церквушки, которую он раньше проделывал за пару минут, сейчас ему казалась бесконечным путем на Голгофу Истинным спасением явился идущий навстречу отец Павел. Андрей, боясь перейти на вихляющий галоп, прибавил шаг:

— Отче! Благословите!

Однако отец Павел, как обычно, не возложил руки на его склоненную голову: вцепившись, словно стальными клещами, в его плечо, с прыткостью, не свойственной степенному старцу, он потащил его за собой.

— Ты чего творишь? — зашипел старик, едва дверь часовни закрылась за ними. — Жгун-корня объелся, что ли?

— Какого жгун-корня? — Андрей вытаращил на отца Павла непонимающие глаза.

— Ты из себя девку-недотрогу не строй! — бушевало престарелое торнадо. — «Какого

жгун-корня?»! Такого, который на тех лугах растет, куда хозяева жеребцов водят, которые мимо кобыл промахиваются! Или твоя зазноба тебе каждый вечер петушинные гребешки в конопляном масле жарит али девясиловым вином поит?

— Каким-каким вином?

— Девясиловым! — Отец Павел немного успокоился. — Чудо-трава девятисильная, на ней красное вино настаивают жонки своим мужьям, в постели немощным...

— А ты откуда, отче, это все знаешь? — с нескрываемым ехидством осведомился Андрей.

— Ну... — отец Павел смутился и сел рядом с ним на лавку, — это...

— Да ладно, брат Любомир! — Андрей похлопал его по плечу. — Самому тошно! Слушай! Чего делать-то теперь? Вразуми!

— Я сейчас этим канделябром, — старый рыцарь схватился за позеленевший бронзовый трехсвечник, — тебя и вразумлю! Как дал бы!

Он, набрав воздуха в грудь, встретился с глазами Андрея, выражавшими такую вселенскую скорбь, что не выдержал и рассмеялся...

— Ну и чего будем делать? — Отец Павел, утирая слезинки, задал тот же вопрос, какой мгновением раньше собирался задать ему Андрей. — Я сегодня уже четверых исповедовал поутру! Думаю, чего это братья сами за мной хвостом ходят? Обычно только после службы, а тут только вчера приехал — и началось! А они словно сговорились — отче, соблазны и сомнения, говорят, гнетут... Я не мог дожидаться, чтобы увидеть тебя! Вот, решил сам с утра вас тепленькими еще застать, чтобы своими, так сказать, глазами лицезреть глубину твоего падения!

— Я даже и не знаю, что ответить! Ну не жениться же мне? — с затаенной надеждой протянул горе-соблазнитель.

— Конечно! — Старик недоуменно пожал плечами. — Какая женитьба? Ты, сын мой, до такой степени дурак, прости господи, что сам не представляешь! Твоя... — Он пожевал, подбирая слова. — Как ты это любишь выражаться? Развела тебя как лоха! Добрая ты душа, сын мой, ох добрая, вот она и вьет из тебя веревки! Но меня не это заботит, сын мой!

Андрей мгновенно посерьезнел.

— Мы-то думали, что всех «крыс» вывели, а нет, какой-то шельмец мутит воду, и причем серьезно мутит! Сам посуди: за неделю так обработать всех и вся в селе целом! А если уже и в Белогорье?! Я так думаю, нужно искать не просто врага, а врага хитрого и изворотливого! Мыслию я, что тут руку приложил не Сартский, искать глубже надо!

— Куда ж еще глубже! — Андрей бравурно усмехнулся. — Преслава ходит гордая, блеснит, как пятак начищенный, вот бабы и болтают что ни попадя, а братья... да братья просто засиделись без дела! Будет бой, будет, так сказать, и пища...

— Ну, будь по-твоему! — Отец Павел, прищурившись, посмотрел задумчиво поверх головы Андрея. — Будь по-твоему! Но с твоей зазнобой нужно что-то решать!

— Да я и сам не знаю, как от нее отделаться! Может, того, — Андрей с надеждой взглянул на отца Павла, — в монастырь?

— В какой монастырь? Ты в своем уме? Кто позволит девицу без согласия родителей в монастырь упечь? А если она заговорит, ты представляешь, что с тобой, со всеми нами будет? Конечно, до нее нет никому дела, но говорить-то будут о тебе! Упаси господь до нунция дойдет или, что еще хуже, до папы! Хорош командор ордена Святого Креста, Братство не преминет использовать такой удобный случай! А византийцы? Кто знает, что у них на уме, тем более сейчас! — Старик соскочил с лавки и заходил из стороны в сторону. — Нет, венца не избежать!

Андрей внутренне сжался, словно в ожидании приговора. Отец Павел вышагивал по небольшой часовенке, поднимая пыль развевающимся плащом с большим крестом.

— Значит, так! — Он говорил четко, словно рубил, размахивая ладонью в такт словам. — Ты срочно уезжаешь куда-нибудь, чтобы не мозолить тут всем глаза...

— Как это — уезжаю? — возмутился Андрей. — А битва? А подготовка? А Сартский?

— А битва! — отец Павел передразнил его противным голосом. — Что-то, лежа в постельке с молодухой, за всю эту седмицу ты не удосужился вспомнить о подготовке! Так что слушай и не вмешивайся!

Андрей пристыженно замолчал. Еще бы, угрызения совести, но главное, ощущение того, что его именно развели как лоха в очередной раз, что он опять сомлел в женских объятиях, как и с Милицей, до невозможности оскорбляли его мужское достоинство.

Самым обидным было то, что Преслава по местному обычаю не просто не имела права так нагло качать свои права, но и вообще должна была от радости, что на нее благородный господин обратил внимание, сопеть в тряпочку и пускать от счастья пузыри.

Так как Притула была вассальной ордену деревней, то все феодальные права распространялись на него как на командора ордена.

Да и вообще, какие феодальные права? Согласно традициям, она в принципе не имела никаких прав ни как женщина, ни как стоящая ниже по социальной лестнице.

В общем, товарищ командор, разделяй и властвуй!

— Так вот, — отец Павел выдернул Андрея из уничижительных самобичеваний, — ты должен не просто уехать на какую-нибудь охоту, а отправиться за подвигом! У тебя есть на примете какой-нибудь подвиг, сын мой?

— Да как-то... — Андрей пожал плечами, — только если...

— Если что? — Старик оживился. — Ну?..

Андрею в голову пришел давнишний разговор с Преславой о том «снежном человеке»:

— Да есть тут один уродец, «Волосатый дядька»...

Отец Павел как-то странно посмотрел на Андрея, немного подумал и махнул рукой:

— Ладно! Пойдет! Только ехать ты должен один и, — он предупредительно поднял ладонь, — даже не спорь!

— А с остальным что делать будем? Будешь... — Андрей поправился. — Я-то уеду! Может, и сгину там, горемычный...

Отец Павел воздел очи горе:

— Я тут твою репутацию спасаю! Ты заварил кашу, а мне расхлебывать! Подготовкой людей займется брат Ульрих, я кой-чем пособлю! Вообще, что-то мне не очень нравится то, что Сартский притих! Может, измышляет что?

Веселость тут же выветрилась, словно Андрей снова ощутил колющий взгляд Сартского:

— Вот и у меня пан Конрад из головы не идет! Мы-то торопились, боялись, что он нанесет упреждающий удар, как раз пока Белогорье некому защищать! А сейчас... Может, он войска стягивает?

— Некого ему стягивать! — сварливо пробубнил старик. — И так собрал всех, кого можно! Вон, даже пан Всерадский из Кривицы, что в трех седмицах перехода, добраться успел! В Старице говорят, что Конрад Сартский болен, даже соборовать его вроде собирались! Но я этому не верю: этого кабана и стрела с первого раза не возьмет, а тут захворал! Нет, тут что-то другое! Ладно, — он, опираясь на руку Андрея, поднялся, — вернешься — будем думать!

— А Преслава-то как? Мне-то чего делать? — взмолился Андрей.

— Я же сказал, вернешься — будем думать! Есть у меня одна мыслишка.

— Отец Бонифаций!

Мягкий и тихий голос служки вывел папского нунция из размышлений над письмом, которое тот собирался отправить в Лиенц.

Папа живо интересовался проходящими в Польше событиями и особенно появлением командора Святого Креста, который вынырнул, другого слова тут и не подберешь, из пучины забвения долгих пятнадцати лет.

— Да, сын мой?

Нунций внимательно посмотрел на монаха, прекрасно зная, что по пустякам тот беспокоить не будет. Здесь отец Бонифаций полностью полагался на своего наперсника, ибо тот за годы верной службы не раз показывал, что ему можно доверить любое дело.

Одна лишь поездка в Белогорье много стоила, ибо уговорить чудом воскресшего «хранителя» ордена на поход по ту сторону Карпат было невероятно трудной задачей. Но и тут брат Франциск отлично постарался, с блеском справившись со столь щекотливым поручением.

— Прибыл Иоганн Нойман...

Монашек замер, не договорив и выжидающе уставив на нунция кроткий взор, и склонил голову.

— Зови, — коротко отозвался отец Бонифаций, едва сдерживая напряжение, ибо с тревогой ожидал все эти дни известия о закарпатском походе крестоносцев.

Служка тут же почтительно склонился и почти бесшумно вышел, настолько тихими были всегда его шаги.

Нунций чуть дрожащими пальцами свернул пергамент недописанного письма и упрятал его в шкатулку, с сожалением подумав, что теперь придется использовать новый лист, безумно дорогой.

Цены на выделанные телячьи шкуры значительно выросли, денег постоянно не хватало даже на самые неотложные нужды, церковная казна в Кракове давно пустовала. Но тут не пристало экономить, учитывая каждый грош, ибо не писать же на плохенькой бумаге письмо его святейшеству.

Дверь в кабинет открылась, громко и уверенно топая сапогами, вошел Нойман, в испачканной и потрепанной одежде и в омерзительно грязных сапогах.

Почтительно преклонив колено, купец, по совместительству доверенный папский шпион, дождался пастырского благословения и тяжело поднялся на ноги.

— Рад тебя видеть, сын мой! Вижу, ты устал?

— Дорога была трудной, святой отец, вымотала полностью. Снег выпал рано, сплошная грязь. Еле через перевалы прошли обратной дорогой, даже думал, что застрянем в горах на зимовку.

— Зима ныне ранняя наступила, снежная будет, — с кроткой улыбкой произнес нунций.

У него отлегло от сердца, новости самые благоприятные, ибо он хорошо знал манеру Ноймана сообщать все хорошие известия не сразу, а лишь после тягучей и долгой попытки разговором. Знал, а потому и принял ее, решив проучить своего самого удачливого шпиона.

— Очень быстро и настолько внезапно, святой отец, что даже я не смог уберечь свои хорошие сапоги из кордобской кожи, они прохудились. Одни убытки мне от этих походов...

— Усердие в служении матери-церкви всегда трудно, а потому стоит заранее смириться со всеми трудностями на этом изнурительном поприще. Тогда и только тогда познаешь всю сладость...

— Святой отец, простите меня покорно, но ваш замысел увенчался успехом, таким, что в него и поверить трудно!

По тому, каким слащавым тоном заговорил Нойман и как он прикусил при этом собственную губу от бессильного недовольства, нунций понял, что достиг своей цели.

Теперь купец никогда не будет не то что тянуть кота за хвост, набивая себе цену, но и перестанет столь нагло вымогать деньги за якобы понесенные убытки.

Впрочем, на такие манеры отец Бонифаций не то чтобы обижался, нет, он их понимал — торговое семя всегда ищет возможности хоть ненамного, но пополнить свои кубышки.

— Крестоносцы взяли под свое покровительство все словацкие замки и поселения, что остались по ту сторону гор. И даже более — в боях и стычках истребили полторы сотни угров и сильно потрепали гулямов, когда те вознамерились взять приступом замок «Три дуба»...

— Гулямы?! Откуда там они взялись?! Ты уверен, что это была именно гвардия халифа?!

— Еще бы, их не узнает только слепой, а таковыми не могут стать сотни людей, от христианских рыцарей до простых поселян! Пять сотен гулямов обложили все значимые дороги и перевалы, и половина из них попытались взять замок. Были еще и угры, но не очень много, едва с тысячу, но рыскали повсюду, явно ожидая прибытия крестоносного воинства!

Отец Бонифаций поднял на Ноймана донельзя удивленный взгляд, рука чуть задрожала, и купец мысленно усмехнулся — эти слова были его маленькой мстью за столь холодный прием.

— Они ждали отряд фон Верта?!

— В этом я полностью уверен, святой отец! — Нойман для убедительности даже хлопнул себя рукой по груди.

— Что с командором? Да не тyani ты, прости господи!

— Это великий воин, святой отец!

Теперь купец был полностью удовлетворен — он всячески стремился вызвать нетерпеливое недовольство нунция и теперь знал, что тот ему заплатит сторицей — так всегда было, и заговорил четко и медленно, тщательно выговаривая слова, которые падали глухо, словно тяжелые камни в спокойную гладь пруда:

— Даже когда всех лучников отравили, фон Верт не испугался и отправился прямо в замок всего с десятком воинов. Крестоносцы изрубили втрое больше угров, а сам командор убил свирепого волкодлака, что привел те горы в запустение.

— Отравили?! Но как такое могло случиться?! Кто это сотворил?! Да не молчи ты, окаянный!

Голос у нунция сорвался на хрип, отец Бонифаций сильно побагровел лицом, что не на шутку испугало купца — в таком состоянии может и удар случиться.

Но обошлось, и спустя некоторое время до возбужденного разума священника дошла и вторая часть сообщения.

— Он убил волкодлака?!

— И спалил на костре, святой отец! Крестоносцам повезло — только двое из них погибли от яда, остальные оклемались. А кто сделал это, пока неизвестно, — Нойман пожал плечами, — но учитывая, что за весь поход на командора было несколько покушений, к счастью, безуспешных, в недоброжелателях недостатка не имелось.

— А гулямы что, «Три дуба» осадили?!

— Два раза пробовали штурмовать, но понесли большие потери. А как словаки собрали ополчение, да еще в Бежицком замке появился сильный отряд крестоносцев из Богемии и Моравии, то сразу же отошли в степь, боясь потерпеть поражение!

— Откуда в Бежице крестоносцы?!

Отец Бонифаций изумленно хлопал глазами — привезенные новости его шокировали, хотя

и были хорошими. А ведь он ожидал худшего развития событий, когда отправил фон Верту свое послание!

— Этого я не знаю. Единственное, что слышал, так то, что ими командовал брат Ульрих.

— Но как?.. Зачем?! Почему он нарушил мой приказ и оставил врученные под его охрану замки?!

Голос нунция опять сорвался на хрип — отец Бонифаций схватился ладонью за вздымающуюся от прерывистого со свистом дыхания грудь, стараясь этим хоть как-то унять бешеное биение сердца, которое грозило выскочить из груди.

— Этого я не знаю, святой отец. Я вернулся через перевал раньше отряда брата Павла, что в ордене священник. Он мне ничего не ответил на вопросы, но среди крестоносцев я слышал именно то, что вам сообщил. Да и словаки многое подтвердили, и наши люди...

— Хорошо, Иоганн, ты привез удивительные вести!

Нунций отдышался и понемногу пришел в себя, затем открыл ларец — Нойман краем глаза тут же заглянул в него, отметив свернутый пергамент и два туго набитых мешочка.

Вид последних моментально вызвал у торговца радостное предвкушение, которое тут же усилилось, ибо болезненная рука нунция взяла один из них и положила его с тихим, но знакомым до боли звяканьем.

— Возьми... За труды свои и убытки, сын мой. Ты привез удивительные вести! Иди, мне нужно подумать...

Настроение у Ноймана было приподнятым — он никак не ожидал, что разговор с нунцием окажется настолько для него прибыльным.

Рука непроизвольно ощупала привязанный к поясу тяжелый мешочек, туго набитый серебром. Хорошо, что на плечи был накинут плащ и этого ласкающего сердца движения никто не заметил. Да и не было людей перед костелом, кроме нищего, что просил милостыню, сидя на ступеньках.

— Две марки! — удовлетворенно хмыкнул купец, моментально оценив вес награды благодаря огромному опыту — полтора десятка злотых весьма серьезная сумма, вдвое больше тех привычных гонораров, что он получал ранее из рук отцов церкви.

— Подайте, ваша милость, Христа ради!

Грязная рука нищего уцепилась за край плаща, и Нойман машинально схватился за рукоять кинжала. Затем взглянул на просящего и брезгливо скривился. Еще бы — замусоленная грязная грива, красная от ожога морда и омерзительная вонь давно не стиранной одежды.

— Господь подаст!

Купец равнодушно посмотрел на попрошайку и задернул на себе плащ, продолжая ощупывать мешочек, ибо в Кракове воровство процветало нешуточное — с пояса могли срезать так, что не заметишь, и довольно мурлыкая себе под нос, как объевшийся дармовой сметаны кот, уверенной походкой продолжил дальше свой путь.

— Братья! — Отец Павел воздел руки над коленопреклоненными перед папертью маленькой сельской церквушки крестоносцами. — Скажите мне, кто более всего подвержен искушениям? Может быть, пьяница или те, кого постоянно проклинают, или, может быть, люди нечестивые, замаранные во всякой грязи? Может быть, скупец, который желает обогатиться любым путем? Нет! Этими людьми враг человеческий брезгует — их он старается лишь как можно дольше удержать при их жизни, дабы они своим примером могли еще больше душ повергнуть в преисподнюю...

Андрей, как и положено командору, находился в первом ряду. Он спиной чувствовал обжигающие взгляды крестоносцев и селян. Несмотря на внешнюю невозмутимость, его потряхивало от смешанного чувства стыда, злости и раскаяния, а глаза предательски щипало.

— Кто же подвергается в таком случае самым большим искушениям? Да как раз те, кто старательней прочих трудится над спасением своей души, те, кто отрекается от забав и земных радостей, те, кто словом, огнем и мечом несет крест на самом острие своей души! Это на них набрасываются целые армии духов преисподней!

Сельчане с искренним благоговением внимали поучительным словам отца Павла. Церквушка в Притуле знавала лучшие времена: в пограничном с нежитью районе священники долго не задерживались, последний сгинул летом во время крестного хода, с помощью которого он надеялся изгнать лорийскую нечисть из округи.

Новый священник до сих пор еще не прибыл и вряд ли прибудет — особо желающие, судя по всему, в очереди не стояли, поэтому отец Павел со смирением возложил на себя его обязанности: и крестины, и венчания, и отпевания, и исповеди.

— Враг в первые времена христианства искушал христиан различными мучениями телесными через мучителей языческих, а в настоящее время искушает их неподобными помыслами неверия и безнадёжия и искушениями духовными, что страшнее, ибо душевные муки несоизмеримо сильнее телесных!

Андрей, опасаясь заработать пожизненное косоглазие, постоянно зыркал по сторонам: все крестоносцы истово крестились, лица были суровыми и праведными.

— Наш брат-командор...

При этих словах Андрей вздрогнул. Перед глазами встала живописная картина побивания камнями прелюбодеев под презрительное улюлюканье толпы. Он зябко повел плечами.

— ...не напрасно одолеваем искушениями больше нас с вами, братия, ибо на него возложено в разы больше, чем на нас, ему позволено больше, чем нам, но с него и спросится больше! Своей общей молитвой мы должны поддержать его, ибо ему сейчас гораздо труднее! Тогда как против каждого из вас выступает один мелкий бес, то он искушаем полчищем бесов!

По задним рядам пошел благоговейный шепот:

— Помолимся за брата Анджея!

— Здравия ему!

— Прости, Господи, мне мысли мои!

— Нас-то много, а он — один!

— Истинно говорю вам, бабоньки, его светлость страдает, аки искушаемый святой Антоний!

Отец Павел поднял за плечи Андрея и развернул его к крестоносцам и притихшим притульцам:

— Господь ведет брата-командора нашего на новые испытания! Поборов свое искушение,

наполнился он небывалой тверди душевной и изъявил желание в одиночку только силой молитвы очистить Темное урочище от нечисти и привезти шкуру чудища...

Повисла оглушительная тишина, перешептывания стихли, и десятки глаз, округлившись, устремились на Андрея. Он, придав лицу самое отрешенное выражение, сделал шаг вперед, и крестоносцы, поднимаясь с колен, перед ним расступились.

Местные же около него, наоборот, бухнулись ниц, бабы тихонько завывали. Со всех сторон к нему потянулись руки за благословением, из дальних рядов стали поднимать вверх детишек.

«Может, я погорячился с этим „Волосатым дядькой“?..»

Дорога в Темное урочище, вернее, уже небольшая, густо заросшая орешником, широкая тропинка петляла и извивалась.

Свернув с Лорийского тракта аккурат от хуторка, где они приняли бой с волками, Андрей устремился в глубь чащи, поминутно ругая себя последними словами и за Преславу, и за кобелячью натуру, и за всякие глупые поступки, приведшие сейчас его одного за подвигом, вернее, за очередным приключением на пятую точку.

Смеркалось, и уже самое время было задуматься о ночлеге. Пряник, а так теперь вместо Паскуды он окрестил своего гнедого жеребца, сторожко прядал ушами и тихонько всхрапывал, мол, если тебе нужно дальше, то можешь идти сам, хозяин, а я за торбу овса на коллективное самоубийство не подписывался.

Нет, Пряник уже не упрямился, стадия их единоборства и выяснения отношений по принципу «кто из нас двоих скотина» закончилась полной и безоговорочной капитуляцией жеребца, причем Андрей победил не методом кнута, а именно пряником, в прямом смысле слова, глазированным медовым пряником!

Конь просто до такой степени мученически вздыхал и косил на глупого человека своими мудрыми понимающими блестящими глазами, что Андрею стало еще тошнее.

— Ну, Пряня, топай! — Он бодрился. — Арни положил нам твоих любимых пряников, повечеряем и похрустим вместе!

Но дальше топать было некуда.

— Все, приехали! Я надеюсь, это, — Андрей оглядел выше собственного роста огромный завал из вывороченных с корнем деревьев, преградивший им путь, — не Волосатика рук дело? Если они у него, конечно, есть...

Костерок догорал. Андрей, подбросив еще сушняка, отхлебнул из кожаной фляги и пожевал сладкий медовый пряник.

Вино, памятуя краткий экскурс отца Павла в местные афродизиаки, он брать не стал, он вообще зарекся его пить, доверившись забойной медовухе, поставленной лично Прокопом.

И вот сейчас Андрей потягивал сладенькую мягкую с медовым ароматом и клюквенной кислинкой медовуху. Сделав еще глоток, он откинулся на расстеленную попону.

Сам от себя не ожидая, Андрей оценил старый способ ночевки: седло под головой сладко пахло конским потом, а рыцарская попона с белым крестом из плотной красной ткани служила надежным укрытием от ночного осеннего холода.

Где-то поблизости фыркал Пряник, пожевывая жухлую травку, которую еще не успел припорошить первый снежок. Тихо, постреливая сухими смолистыми веточками, трещал костер, от желудка по телу разливалось тягучее, словно мед, тепло, глаза закрывались...

Что-то большое и теплое привалилось к спине, и Андрей инстинктивно прижался. Костерок прогорел, и если бы не Пряник, он замерз бы окончательно.

Лес вокруг блестел искрами изморози на голых ветках. Сквозь густые кроны проблескивал морозный ореол луны.

«Ну, скотинка моя заботливая, вернемся домой — скормлю тебе мешок пряников...»

Громкий треск раздался далеко впереди, и приглушенное лошадиное фыркание стало удаляться.

«Чья-то лошадь заблудилась...»

Постепенно тело приходило в себя ото сна, и вместе со звуками мозг начинал воспринимать и остальное — запахи и ощущения.

«Пряник пахнет немывтым мужиком?!»

Мгновенно проснувшись, Андрей осторожно, не поворачиваясь, протянул назад руку: пальцы мгновенно запутались в густой мягкой шерсти.

Оглушительно захрапев, чудище размером что добрая лошадь перевернулось на спину, придавив Андрея огромной лапой. С трудом выбравшись, осторожно, чтобы не разбудить диво лесное, он отправился на поиски коня.

Переживать о том, что чудо-юдо сбежит, нужды особой не имелось: две опустошенные кожаные фляги с медовухой и раскатистый хмельной храп говорили сами за себя. Однако с профилактическими целями он связал ремнем и поводьями его по рукам и ногам.

— Х-х-хр!

Испуганный конь был предусмотрительно привязан на отдалении, и Андрею оставалось, запалив поярче костер, чтобы не замерзнуть окончательно, лишь дожидаться, когда бедолага проспится.

Убивать его в таком состоянии Андрей посчитал не по-мужски, тем более что к нежити он не имел никакого отношения, упыри и вурдалаки предпочли бы медовухе его кровь.

— О-о-х!

Волосатая голова зашевелилась. Тяжелые веки поднялись, и (как это было ему знакомо!) на Андрея взглянули покрасневшие, похмельные, мученические глаза.

— Эй, ты, чучело, ты кто?

Андрей на всякий случай обнажил до половины меч. С тягучим звенящим скрежетом клинок вышел из ножен, но от этого звука страдалец аж втянул огромную голову в плечи.

— Я тебя убивать не буду! Не бойсь! — Андрей потряс кожаные фляги. — Ты, дурень, зачем все выхлебал? И на утро полечиться не оставил...

— А-а-ах! Я тебя и не боюсь! — Он заговорил низким глухим голосом. — Если бы хотел, уже убил бы! Давненько я медовуху не пивал... Люблю я ее шибко! Просто голова боли-и-и-ит...

— Сам виноват, вылакал почти шесть литров, вот и майся теперь! Похмелять мне тебя нечем! — Андрей, словно извиняясь, развел руками. — Звать-то тебя как?

— Нету имени у меня! Я — лешак!

— А я — Андреас фон Верт...

Услышав имя, Лешак зажмурился, скукожился, обхватив, насколько это возможно, голову руками, и замычал от непередаваемого ужаса.

— Ты чего? — Андрей осторожно подошел, присел рядом и потряс его за плечо. — Ни фиги себе, мое имя так тебя испугало? Ну и пугливая нынче нежить пошла!

— Сам ты умрун! — Леший обиженно протянул, настороженные глаза сверкнули из-под волосатых ладоней. — Нежить некромантская меня и прогнала из Гнилой Пади, где я жил! Я — нечисть! — Он сжал огромные, размером с человеческую голову, кулачищи. — Запомни, человек, нечисть!

— Слышь, ты, нечисть, — Андрей решился, — если я тебя освобожу, мы сможем поговорить нормально?

— Угу! — проворчал Леший. — Только сначала я сверну тебе шею!

— Интересненько! — Андрей хмыкнул. — Я тебя пощадил, а ты мне хочешь шею

свернуть?

— Если бы не ты, жил бы я сейчас и добра наживал! Я, между прочим, жениться собирался...

Андрей отвесил челюсть, а Леший продолжал:

— Я Лешахихе из Поганкиной Мари предложение сделал, дом построил... Но тут ко мне пожаловал колдун Войтыла. С миром, уважительно поначалу относился! И медовухой, кстати, потчевал меня... А потом в моей Пади стала появляться нежить: умруны, волкодлаки... Лешахиха сказала, что здесь жить не будет, и вышла замуж за Лешака со Змеиной Горки! А потом этот проклятый ворон позвал в мое болото...

— Дальше и не рассказывай, я и так все знаю! — Андрей перебил Лешего. — Ее шкуру я уже ободрал, жалко, с волкодлака не получилось! Ты прости, конечно, я не думал, что из-за меня твоя личная жизнь пострадает! У меня еще дойдут руки и до этого ворона, и ты вернешься в свою Падь, я обещаю! Вот только с Лешахихой помочь не смогу, не обессудь! Есть, правда, невеста одна на выданье, — Андрей хихикнул про себя, представляя, как Преслава будет строить и ровнять Лешака, — но ее я и врагу не пожелаю...

— Да я теперь людей за три версты обхожу! — Лешак потирал затекшие ладони, пока Андрей аккуратно распутывал золотой колдовской пояс, на проверку и пригодившийся только в качестве пут. — Во! — Он ткнул толстым, словно волосатый батон колбасы, пальцем. — Его штучка, Войтылы, будь он неладен! Он ее волкодлаку давал, я видел с опушки! А еще я видел, как к нему один человек, знатный такой, приезжал, и говорили они о тебе!

Андрею не нужно было подробно описывать, он и так понял, о ком идет речь: Конрад Сартский! Вот, значит, кто дергал за веревочки и руководил событиями! Что ж, при личной встрече он ему и колдуна, и оборотней — все припомнит...

— Дай еще! — Лешак схрумкал очередной медовый пряник и, словно малое дитя, кланчил другой. — Медком пахнут, — объяснил он, — а я медовуху ой как люблю!

— А тут-то чего безобразничал? — Андрей протянул ему еще один. — Вот, последний! Больше не дам!

— Я, наоборот, людей от нежити защищал! От тех, которых ты порубал! А бабы, дурнищи, заголосили, когда меня увидели, убегли! Я-то хотел Змеелюда прогнать, пока он еще их в сон не вогнал! Только бы усыпил, а потом бы и кровь сосать начал! — Лешак возмущенно потряс в пустоту кулаками. — У, нежить поганая!

Андрей спрятал в усах улыбку: искренняя ненависть Лешего, если бы не грустная история расстроенной свадьбы, его забавляла. Однако менее забавным было то, что подвиг-то он нашел: вот он, сидит перед ним и пряники медовые лопает!

Но что прикажете делать с трофеем, шкуру он должен привезти!

— Ладно, человек! — Леший, кряхтя и охая, стал подниматься. — Пойду я, у меня еще дел много: лес тут давно заброшенный, работы тьма!

— погоди! — Андрей в нерешительности приподнялся. — Тут такое дело... Я же тебя победить приехал! Может, сходим вместе в деревеньку: я тебя им покажу и скажу, что ты обещал людям зла не чинить...

— Нет! — замахал на него Леший. — Я же сказал тебе, что людям я не верю! Обманите!

— Но мне нужно доказать, что я тебя победил! Шкуру я им твою обещал привезти! Понимаешь?

— Всего-то? — Лешак повеселел. — А шерсть подойдет? Я тут Войтыле свою шерсть всю весну чесал, он из нее собирался пряжу сучить. Так вот, у меня целый мешок: я, уходя, ничего ему не оставил! Моя шерсть... У-у-у! — Он присвистнул, отчего верхушки деревьев закачались, а Андрей присел. — Моя шерсть волшебная — в таких носках никогда не заблудишься, а

клубочек волшебный всегда выведет! Погоди!

Андрей даже и ответить не успел, как он, шагнув за сосенку, словно растворился в утренних сумерках. Вернулся он не скоро, утреннее солнышко уже успело подняться, прогоняя легкий туманец.

— Долго ты ходил! — Андрей встал, разминая затекшие ноги. — Я уж думал, ты обманешь!

— Только люди и умеют обманывать! — Лешак протянул ему набитый мешок, размером почти с картофельный, из той, прежней, его жизни. — Хватит столько?

— Хватит! — Андрей разглядывал свалывшуюся буро-зеленую шерсть. — А как я докажу, что она лешачья?

— Так в огне не горит и не тонет! — Леший взял комок и бросил в догорающий костер. — Смотри!

Вместо того чтобы, подобно овечьей, затлеть с противным паленым запахом, лешачья шерсть, наоборот, погасила вокруг себя маленькие язычки пламени.

— Ну, спасибо! Удружил! Но и я в долгу не останусь — вернешься ты в свою Гнилую Падь! Спасибо... — Он обернулся, чтобы еще раз поблагодарить Лешака, но его не было, он беззвучно растворился в лесу.

Андрей с трудом навьючил мешок на седло: Пряник испуганно принимался, раздувая ноздри, прядал ушами и кружил на месте.

— Со змеиной шкуры пошью себе штаны и жилетку, лешачьи носки надену... И еще на свитерок останется... Эх, жалко я волкодлака ободрать не успел, на шапчонку хватило бы...

Притульцы встречали его с караваем, хлебом-солью. Во главе процессии горделиво вышагивала Преслава в окружении счастливых престарелых родителей, старших братьев и кучи других, не менее сияющих родственников.

— Как же повезло тебе, Лешак! — обреченно вздохнул Андрей. — Ты даже себе не представляешь...

— Стремя, стремя держите!

К Андрею со всех сторон подскочили селяне, дабы только прикоснуться к их светлости. Обступив его со всех сторон, они завороченно глядели на притороченный сзади к седлу мешок.

Словно эсминец, рассекая людское море, отец Павел приближался к командору. Спешившись, Андрей отдал повод вездесущему Арни и обнялся со стариком.

— Молчи и не удивляйся! — только и успел тот шепнуть на ухо Андрею.

— Братья и сестры, командор явил нам еще раз силу Господа, сразив очередное чудище! Орден — ваш сюзерен, и мы никогда не оставим в беде своих верных вассалов! Я вижу, что вы приготовили праздник? — Отец Павел окинул дланью толпу притихших селян. — Я хочу, чтобы у вас был праздник вдвойне: командор своей милостью будет шафером на свадьбе, которая состоится сегодня вечером! Эта молодая семья получит в дар от ордена постоянный двор на Лорийском тракте и три года освобождения от податей...

Притульцы удивленно заохали, скорее от зависти, нежели от страха. Насаженные на колья головы волков и Змеи видели многие, местные уже чуть ли не платные экскурсии стали устраивать к деревеньке Лори и тамошнему хуторку.

— Эта свадьба станет началом нового пути, новой жизни, которая у вас будет под покровительством ордена, богатой и спокойной жизни...

— Слава ордену!

— Благослови, Господи, его светлость!

— Долгая лета командору!

— Эта дева, — отец Павел подошел к ничего не подозревающей Преславе и взял ее за руку, — и этот муж... — из-за спин кто-то из братьев, Андрей не разглядел его лица, выпихнул смущенного и покрасневшегося купца Заволю, — перед лицом Господа будут обвенчаны с благословения командора фон Верта!

Если бы глаза Преславы могли извергать адское пламя, то она могла бы посоревноваться в пирокинезе с самим Змеем Горынычем!

Дернувшуюся было новобрачную цепко держал с одной стороны за руку отец Павел, с другой — новоиспеченный жених, причем, глядя в его хитрющие, бегающие глазки, Андрей понял, что Заволя уврал-таки на этом деле немалый куш.

Андрей поднял в благословении руки над опускающимися на колени селянами:

— Быть по сему...

Отец Павел с интересом слушал Андрея.

— Вот такая ночка у меня в том лесу была! — закончил свой рассказ Андрей. — До утра с Лешаком проболтали...

— Так ты уверен, что тебя не было один дён? — отец Павел хитро улыбался.

— В смысле? — опешил Андрей. — А сколько меня не было?

— Пять дней! — Старик похлопал по спине поперхнувшегося медовухой командора. — А ты что, не знал, что Лешаки заводят в такую глухомань, что день часом обернется! Это он еще с добром отпустил тебя! Я знал, куда ты едешь, поэтому приказал Прокопу в одну из фляг щедро стоялой медовухи долить, такой, чтобы его сразу вырубил, а тебе сверху в сумы переметные флягу с молоденькой подложить, что бы ты не почуял подвоха!

— Спасибо тебе, отче, удружил! То-то я заподозрил, что ты меня так легко отправляешь! — Андрей покачал в изумлении головой. — Но и я не с пустыми руками вернулся! Много интересного Лешак мне рассказал про наших общих знакомых: Земля-то круглая!

— Какая ж она круглая? — Отец Павел уставился во все глаза на Андрея. — Мои глаза говорят мне, что она, скорее, плоская, как лепешка! Ты, Анджей, конечно, много знаешь, в твоём мире разные ученые мужи, прости господи, не чета нашим дремучим алхимикам, но и врать мне не нужно! Понятное дело, проверить твои слова я не смогу, но и откровенную брехню заливать мне не надо, уважь старика!

— Ну... — Андрей почесал затылок, — я и хотел сказать — круглая, как блин! Короче, этого Лешака колдун с места насиженного прогнал, когда стал там зло творить! Колдун тот и есть ворон, которого я во сне видел, оборотник он! Но самое главное — колдун работает на Сартского! Лешак и сказал, что видел, как они разговаривали.

— Понятное дело! Как тебя половчей извести: и оборотень, и Змея — все это его рук дело! И яд, я мыслю, он Сартскому изготовил, а тот людишек подослал с нами своих — и догляд, и в нужное время в спину тебе стрельнули! — Старик перебирал лешачью шерсть. — Дивная! Много я слышал о таком чуде, но ни разу не видел! Так чего он там тебе про нее брехал?

— В носках, говорил, не заблудишься, а клубочек куда надо из леса выведет! Да мало ли чего с похмела не ляпнешь? — Андрей отмахнулся. — Ты, отче, лучше скажи, чего ты тут придумал? За малым Преслава меня душить не кинулась!

— Да Заволя третьего дни, точно после твоего отъезда прибыл! Товар, правда, его плоховат: жаловался он, что устал от кочевой жизни, осесть хочет, жениться, детишек завести! Да только жену добрую еще найти надо, за деньги ее не купишь!

— Погоди-ка, погоди... — Андрей перебил священника, — ты хочешь сказать, что за постоянный двор и сосватал мою разлюбезную Преславу? Ну, отче, даром что ты не еврей! — Он согнулся от хохота в три погибели. — Лихо как: и я выкрутился, и постоянный двор, надежный, под двойным приглядом на Дорийском тракте у нас будет!

— Ты, брат-командор, перед зазнобой своей выкрутился! — Отец Павел говорил сурово, но в глазах плясали веселые огоньки. — Но не передо мною! Должок теперь на тебе висит за честь твою командорскую! Чем платить будешь?

— Отплачу я тебе приветом от Колека...

На старика было страшно смотреть: Андрею на мгновение показалось, что отца Павла хватил удар — глаза вылезли из орбит, он стал задыхаться и схватился за грудь.

— От кого? — он едва прохрипел. — Повтори, Анджей!

— От Колека из «Веселого окорока»... — растерянно произнес Андрей, разведя руками. — Я говорил с братом Врославом, — он потянулся за кувшином с водой, — отче...

Стук падающего тела раздался за спиной...

— Это так давно было, Анджей! Столько лет прошло...

Отец Павел словно постарел на целых полвека за одно это мгновение. Он почернел лицом, огромные темные круги легли под глазами, взгляд был потухшим.

— Брат Врослав так меня называл — Колек, что значит длинный! Я тогда еще был отроком, когда он с рыцарями-крестоносцами остановился в «Веселом окороке». Я втихушку из овина подсматривал за ними. Как я тогда хотел стать таким же, как и они!

— Брат Врослав рассказал мне, как ты сбежал от хозяина! — Андрей попытался пошутить. — И про прутики, которыми ты с кипящим котлом на кухне сражался...

— Хм! Я представлял, что котел — это огнедышащий дракон... — Отец Павел грустно усмехнулся и уставился в стенку невидящим взглядом. — А что изменилось? Я так и остался Длинным Любеком, который в одиночку тонким прутиком пытается победить огромного дракона...

— Ну, брат Любомир, что-то ты совсем плох стал сегодня, опять за упокой начал! Посмотри, сколько нас уже стало... — Андрей остановился на полуслове.

— То, сколько нас сейчас, — жалкое подобие той силы и мощи, которая имелаась у ордена перед Каталауном! — В голосе старика звякнул металл. — Там, на этом проклятом поле, погибли все: Великий Магистр и семь из девяти командоров, включая Верта, двое потом были отравлены и зарезаны вражеской рукой! Все! И орден перестал существовать...

— Но мы же собираем силы...

— Все, что ты делаешь, только оттягивает конец, мы барахтаемся, как слепые щенки! Куда ни кинь, кругом стена или пропасть... Ордену никогда уже не возродиться...

— Тогда зачем ты меня потащил за собой? — Андрей начинал закипать. — Зачем все это? — Он сжал в руке полу рыцарского плаща и сунул отцу Павлу в лицо.

— Я ошибся! — Тот угрюмо отвернулся. — Ничего не выйдет! Тогда мы были непобедимы!

— Непобедимых не побеждают! — отрезал Андрей. — Мне неинтересно, что было тогда! Ты можешь сколько угодно скорбеть о былом величии, оплакивать павших, но меня интересуют те, с которыми я завтра пойду в бой за твой орден... — Он поправился: — За мой орден! Слышишь, мой орден! Брат Врослав мне сказал, чтобы я слушался тебя, но я вижу перед собой жалкого старика, который бредит былым величием и славой!

Андрей в сердцах отвернулся.

— Он сказал, что я — не тот, кем был командор Верт, я — другой, мое предназначение иное...

Отец Павел с глухим стоном опустился на колени. Андрей, соскочив, бросился к нему.

— Прости меня, брат-командор! — горячечно зашептал он. По морщинистым щекам текли слезы, теряясь в седой бороде. — Я проявил малодушие, недостойное крестоносца! Я покрыл свою голову позором слабости и ропота, обесчестив себя перед лицом командора! Я готов предстать перед лицом Трибунала Чести и со смирением приму изгнание из ордена...

Андрей рухнул перед ним на колени:

— Отче! Брат Врослав сказал мне, что ты теперь душа ордена, ты его сердце! Поэтому это я должен просить у тебя прощения, что не понимал до конца всей твоей боли! — Он обнял старика и улыбнулся. — Брат Любомир, как же ты можешь быть изгнан из ордена, если ты еще не рассказал, что мне делать с Домом Света?

Отец Павел отстранил Андрея от себя и посмотрел на него округлившимися глазами:

— Дом Света у тебя?!

— Нет, отче!

Андрей помог ему подняться и усадил на лавку, а сам сел рядом, сжимая сухую старческую ладонь.

— Но Великий Магистр указал мне, где это место!

— И где же? — Глаза старика, не успевшие еще просохнуть от слез, горели лихорадочным огнем. — Он показал тебе?

— Нет! — Андрей помотал головой. — Вернее, мы шли по подземному коридору: то ли катакомбы, то ли галереи, долго шли... В общем, я думал, что он меня ведет куда-то, а он, похоже, просто бродил, размышляя о моей скромной персоне...

— Как это на него похоже! — Лицо старика озарила светлая улыбка. — Я тоже мог ходить за ним по пятам часами, пока он что-то обдумывал... Ну же, продолжай!

— А чего продолжать? — пожал плечами Андрей. — Остановились перед каменной стеной, он ткнул в нее и сказал, что в ней сокрыт Дом Света, а потом исчез! Я прикоснулся к стене, яркий свет охватил меня, и я проснулся от боли...

— Значит, Дом Света не утрачен! — Отец Павел ликующе вскочил. — Пророчество исполняется!

— Опять пророчество! — Андрей поморщился, словно от зубной боли. — Скажи мне,

наконец, что это за такое Пророчество?

— Когда придет умерший и не рожденный, восемь крестов поднимут сорок голов, — голос отца Павла звенел, словно натянутая струна, — восход соединится с закатом, тогда свет войдет в дом и меч веры остановит саблю пророка!

— О как! — Андрей засопел. — И чего это все значит? По-моему — это бред сумасшедшего!

— Почему сумасшедшего? — искренне удивился старик. — Это святой старец изрек, Феофан Угорский! Двадцать лет назад люди нашли пещеру, в которой этот святой отшельник укрылся от угров, принявших магометанскую веру. Сколько лет он там скрывался, неизвестно, на стене нашли лишь зарубки отмеченных им Воскресений Христовых, всего пятьдесят...

— Меньше года, что ли? — Андрей присвистнул. — Неплохо для престарелого выживальщика!

— Мне непонятно твое странное веселье, сын мой! — Отец Павел осуждающе покачал головой. — Святой Феофан отмечал Пасхи Господни!

— Па-а-асхи?! — протянул Андрей ошарашенно. — Это ж сколько... Но как это возможно?!

— То великое чудо Господне! — Священник перекрестился, Андрей дрожащей рукой последовал его примеру. — Так вот! На стене нашли еще начертанные тексты, но прочитать смогли лишь малую часть, остальное ушло под воду!

— А сам он?

— Нетленные мощи святого Феофана сейчас хранятся в Лиенце в Папской базилике! Я лично по приказу брата Врослава перед Каталауном отвозил их туда! Знаешь, Анджей, — отец Павел улыбнулся, — ты не представляешь, как я благодарен тебе! Я сегодня словно снова оказался в том времени! Конечно, много произошло страшного, но много было и светлого, Хочешь, я тебе расскажу о Прилукском турнире?

— Нет, брат Любомир, — Андрей энергично махнул головой, — не хочу! Давай лучше о Пророчестве потолкуем! Поверь, оно сейчас важнее рассказа о турнире!

— Да, ты прав! — Отец Павел разочарованно вздохнул. — Но текст Пророчества туманен! Никто еще пока его не растолковал, поэтому... — Он пожал плечами.

— Что поэтому? Я пришел: умерший и не рожденный! Восемь крестов подняли сорок голов: мы ввосьмером порубали этих лорийских волков! — Он загибал пальцы. — Я, конечно, их не считал, но думаю, что там как раз сорок и будет на кольях. Так, что еще осталось?

— Восход соединится с закатом! — напомнил старик.

— Ну, тут посложнее! На ум приходит только то, что восход — это восток, а закат — это запад! А где соединяются запад и восток? В Константинополе?

— Так и есть! — Отец Павел довольно кивал. — Действительно, брат-командор, ты еще не рожденный: твоя мудрость...

— Хорошо дифирамбы мне петь! — Андрей оборвал его. — Что такое Дом Света? Брат Врослав не зря же мне его указал?

— Не зря! — согласился старик. — Это ножны к твоему клинку, мечу Иоанна Златоуста! Только соединившись, они станут вместилищем силы, которая победит саблю пророка!

— Но как? Меч — это кусок железа! И сабля Пророка? Я что, должен буду с кем-то сразиться?

Андрей крутил свой меч, разглядывая, словно увидел его в первый раз. Отец Павел задумчиво следил за ним, но вдруг положил свою руку на клинок:

— Знаешь, я думаю, что Меч Веры — это ты сам, а этот, — он погладил холодную сталь, — лишь символ, который укажет остальным твое предназначение!

— Да! — Меч со звоном отправился в ножны. — Понятно, что ничего не понятно!

В дверь постучали, и тут же, не дожидаясь ответа, появилась голова Прокопа:

— Купец Заволя принять просит!

— А! Счастливый молодожен! Ну, — Андрей и отец Павел переглянулись с ухмылками, — раз просит — зови!

Заволя переводил свои бегающие пороссячи глазки с Андрея на священника:

— Отче, мне пану командору... В общем... Мне...

— Я оставлю вас, брат-командор! — Священник, выпрямившись, поднялся. — Мне тоже к церемонии подготовиться нужно. Прокоп! — Он громко позвал, и тут же в дверь просунулась голова оруженосца. — Староста еще не приходил?

— Как не приходил? — Прокоп пожал плечами. — Ждет уже, отче! И... — он замялся. — Девушка, Преслава еще брата-командора дожидается!

— Ну так чего же мы ждем, Прокоп? — он поволок оруженосца за рукав. — Пойдем! И еще, давай-ка и эту девушку с собой прихвати! Нечего просватанной девке около мужей тереться! Я побеседую с ней, научу Родину любить! — Покосившись мельком на Андрея, он ввернул одну из его странных фраз, которыми он порой удивлял его.

Когда дверь закрылась, Андрей с самым невозмутимым видом повернулся к согнувшемуся в благоговейном поклоне Заволе:

— Так чего ты хотел?

— Отец Павел... Он предложил мне... Мы говорили...

— Или говори прямо, — Андрей рыкнул, — или убирайся!

— Отец Павел сказал мне, что девушка бесноватая! Он предложил мне взять ее в жены в обмен на постоянный двор на Лорийском тракте! — набравшись духу, выпалил Заволя. — Девка-то, я мыслю, кроме как бесноватая, еще и порченная... Я хотел бы обсудить некоторые детали!

Андрей аж задохнулся от такой непосредственной наглости, но вида не показал:

— Ты, Заволя, торговый человек! Мне это нравится! Поэтому ты должен понимать, что просто так ничего не бывает...

— Ясное дело, за так и прыщ не вскочит! — довольно расплылся в улыбке новобрачный.

— Надеюсь, — Андрей недовольно поморщился, — ты не отказываешься жениться?

— Нет! Что вы, пан командор! — Заволя испуганно замахал руками. — Я только хотел обговорить некоторые моменты, которые...

— Какие ты считаешь нужным обсуждать в тот момент, когда Притула да и все орденские земли полны нуждающихся в земле и прочем содержании переселенцев? — Андрей многозначительно поднял брови. — Я думаю, что кобыла всегда покупается с жеребенком!

— Но жеребенок такой паршивый! — страдальчески протянул купец. — Можно бы и на уздечку подкинуть...

— Жеребенок паршив, — Андрей согласился, — но кобыла принесет тебе прибыль, если ты будешь холить и лелеять ее! К тому же тебе три года и доить одному эту кобылу! Любой, только свистни, ухватится за наше предложение, даром что девушка со странностями!

— Нет же! Нет! Но пан командор, — Заволя взмолился, — вдруг она ночью кинется на меня? То, что порченная, мне не важно, с бабы не убудет, но мне же спать с ней в одной постели...

— Нет! — Андрей еле удерживал на лице постную мину, силясь не расхохотаться. — Не кинется! Девка она зело сноровистая на выдумки разные, в наших ночных бдениях смиренно рассказывала, что являлись к ней по ночам суккубы и искушали! Я помог ей, наставил на путь истинный, так что она будет тебе прилежной женой, но все, что она откроет тебе, храни в тайне! Ты будь с ней поприветливее, она же овца заблудшая!

— Правду, видать, говорят о вас, пан командор, что вы — святой, — Заволя опустил на колени, склонив голову для благословения, — раз о каждой душе скорбящей так истово

печетесь!

— Так работа такая, сын мой! — возложив руки на голову Заволи, выдавил из себя Андрей. — Ты не обижай ее и, главное, не болтай лишнего, я не оставляю без защиты тех, кому пообещал это...

— Ух ты!

— Спаси и сохрани!

— Ни хренаси!

Выкрики, восторженные и испуганные, вырвались из глоток почти одновременно, уstraшенные произведенным эффектом. Зрелище действительно оказалось впечатляющим, как и обещал командор.

Массивная дубовая бочка исчезла в оглушающем рыке взрыва и ослепляющей глаза вспышке, разбросав далеко по сторонам горящие доски и разорванные обручи.

Маленький же бочонок, наполненный студенистой жидкостью, превратился в огнедышащий клубок, с немыслимой легкостью пожирающий ярким пламенем щедро облитый водой бревенчатый сруб.

— Святой отец, ты бы рясу потушил, а то сгоришь аки свеча!

Ехидный голос командора привел отца Павла в чувство — старик опомнился и стал хлопать по ткани, от которой весело струились языки пламени. Но огонь не потух, наоборот, стал ярче разгораться.

— Да не так! Сдирай рясу, эту дрянь водой не потушить! Брат Ульрих, помогай, сгорит ведь не за грош!

Обрызганная горячими каплями ряса была сдернута в одно мгновение мощными руками командора и рыцаря, причем последний попытался затоптать сапогами горящую материю.

— Ух ты! Вот тебе!

— Зря стараешься, брат, — остановил безуспешные старания фон Верт, на закопченном лице которого весело блестели глаза. — Напалм и так, и водой не затушишь, только если приток воздуха прекратить!

— Напалм?! Ты же говорил, что это «греческий огонь»? — Священник, оставшись в доспехах, которые раньше и прикрывала просторная и длинная сутана, с изумлением смотрел на догорающую ткань.

— Почти то же самое, брат, только название другое!

— А рвануло-то что, будто Содом с Гоморрой разверзлись? — Брат Ульрих восхищенно потряс головой, глядя на покосившийся сруб, пожираемый алчным пламенем.

— Нефть в бензин и соляру перегнал, — буднично ответил Андрей. — Ты селян попросил бочку той гадости из трясины набрать, вот с нее и изготовили. Помнишь ли тот огнедышащий агрегат, в котором я эту жидкость выпаривал?

— Так ты ее там подогревал, брат?

— Я ее перегонял. Пары этой жидкости хорошо взрываются, вы это видели. А если ее загустить, добавив жира, масла и селитры, то уже будет «греческий огонь»!

Андрей улыбнулся, видя, как чрезвычайно оживились от его слов два старых рыцаря, усаживаясь в седла встревоженных, испугавшихся близкого взрыва лошадей, но тут же остудил их молодой пыл, дабы не питали излишних надежд.

— Только вы не обольщайтесь, ибо всю собранную жидкость мы извели, теперь нужно время, чтобы новую в трясине набрали, да Досталека получше обучить, чтобы он сам, без моего участия, эти зажигательные смеси мог делать! Занятие это, как вы видели, трудоемкое и затратное.

Тщедушный паренек, которого он выручил из холопства в Пятницком трактире, оказался

никудышным воином, но весьма тароватым ремесленником по части разных поделок, а потому Андрей живо привлек его к созданию ГСМ и остался доволен.

— Сегодня нарочного отправлю пану Тадеушу, чтобы эту самую нефть черпали без передышки всю зиму да сюда привезли. И деньги дам, зело нужное будет оружие!

Отец Павел говорил быстро, глаза возбужденно сверкали — проникся старик новизной дела. Да и как не радоваться, если тайна главного оружия Византии оказалась раскрытой за считанные дни!

— Досталека на отшибе поселю и помощников дам проверенных. Они и охрану нести станут, и тайну оберегать, да и помогут!

Брат Ульрих настороженно посмотрел по сторонам, хотя людей в овраге, где проходило испытание, не могло быть по определению, да и само место перекрыли верховые разъезды «красных».

— Все это дело будущего! — Фон Верт, как показалось Ульриху, совсем не испытывал возбуждения, наоборот, сделался каким-то задумчивым.

Он говорил тихо, и от его слов эйфория утихла сама собой, словно пламя свечи, съевшее весь воск.

— Да и не нужен, по большому счету, «греческий огонь» в полевом сражении. Лишь на воде им корабли жечь можно, но у нас даже рыбацкого баркаса нет и не предвидится! До ближайшего моря не меньше недели пути, и то лошадей погоняя...

— Зря ты так брат-командор! — возразил священник. — Из любого оружия можно извлечь великую пользу. Ты же сам мне прежде это не раз говорил, да и демонстрировал.

— Можно, — согласился Андрей, — но всему свое время. Для напалма оно еще не скоро наступит, как и для пороха.

— А это что такое? — с необыкновенной живостью спросил Ульрих, но ответил ему священник:

— «Громовой порошок», взрыв от него еще сильнее, чем мы видели сейчас. Ведь так брат-командор?

— Да, но слишком трудно его сделать, маята сплошная, а не работа. Время аркебуз и пищалей еще не пришло, ибо арбалеты бьют и дальше, и намного точнее!

— Понятно. — Ульрих немного скис, напряженно морща лоб, вороша память, и осторожно поинтересовался: — Это еще одна греческая задумка, слова ведь незнакомые?!

— Китайская! — усмехнулся Андрей. — Страна есть такая за Индией, далеко отсюда!

— Не близко, — кивком согласился с ним Ульрих. — Крепко тебя помотало по свету за эти годы. Но знания многие приобрел, и уверен я, что пользу нашему ордену они принесут немалую!

Небольшая кавалькада из трех крестоносцев подъехала к лагерю. На заснеженном поле строились «ежом» полсотни орденцев, укрыв строй большими прямоугольными щитами и выставив во все стороны угрожающие острия алебард, увенчанных чуть ниже клевцами, лезвиями и крючьями, которыми с одного взмаха можно было либо прорубить латы, либо стащить с коня любого всадника.

— Прости меня, брат Андреас, — Ульрих вытянул руку в сторону воинов, — но это баловство. Полсотни воинов, которых ты готовишь подобно древним латинянам, большой роли не сыграют. Их слишком мало для боя! Лучше было бы вооружить их всех арбалетами, пользы намного больше станет. Только зря хлеб жрут вот уже три месяца!

— Да, брат командор, я тоже удивлен! — Отец Павел внес лепту и со своей стороны. — Я не осуждаю твои приказы и точно их выполняю всегда. Я признаю, что такой строй прорвать даже «копьем» невозможно, а когда они стоят, укрывшись щитами, то тут даже обстрел из

мощных арабских луков не несет потерь, тем паче что в ответ наши будут бить из арбалетов. Но их мало, и в бою...

— Я понял ваши сомнения, — Андрей похлопал Пряника по шее, — и развею их одним лишь словом. Плонск братья, Плонск того стоит!

— Ты хочешь его занять?!

Крестоносцы выдохнули почти разом, в изумлении переглянувшись. И отец Павел взглянул ласковым взглядом на Андрея, как на помешанного.

— Не смотрите на меня так я еще не сошел с ума! — засмеялся Андрей, глядя в ошарашенные лица. — Давайте лучше продолжим нашу беседу в доме, а то морозиться нам не след...

— Святой отец, ты уронил вот эту бляшку!

Папский нунций, проходивший мимо нищего бродяги с красным, будто обваренным лицом, был бесцеремонно остановлен грязной рукою, вцепившейся в сутану.

Но таковы здесь были нравы, простые и незатейливые, и отец Бонифаций не был исключением — иерарх церкви был доступен для черного люда, чем снискал себе в городе чрезвычайную популярность.

— Спасибо, сын мой!

В рассеянности священник взял тонкую серебряную пластинку и лишь потом сообразил, что просто не мог потерять такую, и внимательно посмотрел на нищего, который ответил ему слишком бесхитростным взглядом, настолько простодушным, что поневоле не подумаешь на причастность сего оборванца к тайнам сильных мира сего.

— Пойдем со мною, сын мой, ты честный человек, — негромко произнес нунций, перекрестив склонившуюся перед ним голову. — Я дам тебе хлеба, ибо познавший голод всегда поймет другого.

Оборванец покорно засеменил следом за священником и вскоре оказался в кабинете. Но как только за ним затворилась крепкая дубовая дверь, нищий преобразился прямо на глазах — спина его выпрямилась, приняв горделивую осанку, а плавные и уверенные движения выдавали в нем опытного воина, прошедшего через горнило схваток и битв, знающего себе цену, причем немалую.

— Как я понимаю, сын мой, эта бляшка попала в твои руки не случайно? — мягким голосом осведомился священник, вертя в пальцах пластинку, покрытую хитрым отчеканенным узором в виде переплетенных пальмовых и лавровых листьев.

— Это так, святой отец. Мое имя Варда Склир. — По губам воина пробежала улыбка, но собранная ожогом кожа превратила ее в жуткий оскал, но именно он и привлек внимание отца Бонифация.

— Рад с вами познакомиться, эпарх! — Нунций усмехнулся. — Вы себе сделали замечательное, и главное, слишком запоминающееся лицо!

— Такова ситуация, в которой я нахожусь, выполняя поручение самого базилевса, да хранит его Господь! Здесь полно врагов империи, и если меня разоблачат, то пусть запомнят только это лицо!

— Настоящее станет совсем другим, — улыбнулся священник, — исчезнет фальшивая кожа, а цвет волос изменит краска...

— Вы правы, святой отец!

Варда Склир сделал изысканный поклон, который явственно говорил о том, что ему приходилось бывать не только в битвах, но и нести службу в императорском дворце в Константинополе, ибо такого можно достичь только после долгих занятий, чем и славились придворные базилевса.

— И что вас привело ко мне, друг мой?

Голос священника был пропитан отеческими интонациями, но правая рука священника нарисовала в воздухе замысловатую фигуру.

— Дело государственной важности!

Эпарх поклонился с достоинством, и его левая рука тоже прочертила в воздухе несколько линий, увидев которые отец Бонифаций прямо-таки подтянулся, словно молодой офицер перед заслуженным полковником, увешанным боевыми наградами.

— Будет ли мне позволено узнать, в чем я могу быть полезен самому базилевсу?

— Да, святой отец!

Несмотря на свой начальственный статус, грек, прекрасно говорящий на польском, как завзятый шляхтич, почтительно поклонился.

Впрочем, он мог свободно говорить на любом из диалектов славянского языка, а также арабском, немецком и прочих, число которых доходило до дюжины, и никак иначе — на тайной службе Византийской империи находились самые лучшие люди.

— Семнадцать лет назад я сопровождал командора фон Верта в Палатине, где базилевс Иоанн вел с ним долгую беседу. И вот теперь я здесь, чтобы продолжить начатое, которое было перечеркнуто Каталаунской битвой. Империи нужен орден Святого Креста, святой отец, важно продолжить то, что подлежит свершению! К сожалению, я не могу рассказать вам о делах давно минувших дней!

— Я понимаю твои опасения, сын мой! — с самым прискорбным выражением на лице ответил отец Бонифаций, осведомленный год назад самим папой о тех событиях, но не показывать же епарху это, тем более что такой шаг был крайне опрометчивым.

— Не в той мере, не в той мере, святой отец! — По губам епарха пробежала странная улыбка. — Уже вечером меня будут искать по всему Кракову и со всем тщанием.

— Вы имеете на то основания?

— Да, отче! Я в вашем кабинете, а одно это вызвало сильные подозрения, ибо тот, кто отправил приказ крестоносцам покинуть моравские и богемские замки, прекрасно знал, что вы пошлете за горы и отряд фон Верта. И лишь чудо спасло орден от окончательного уничтожения, которое было бы намного страшнее Каталаунского! — Он словно забивал гвозди в крышку гроба. — И этот человек находился рядом с вами долгие годы, и вы ему полностью доверяете! Он уже послал за своими людьми, что попытаются схватить меня!

— Франциск! — выдохнул отец Бонифаций, и его лицо посерело, ибо грек опять странно улыбнулся.

— Это так, святой отец. Я собственными глазами видел, как он уединился для тайного разговора с фон Шендеманом.

— Командором Братства?! — По лицу отца Бонифация разлилась смертельная белизна.

— Да, Густавом фон Шендеманом, командором «Братства Святой Марии» и самым опасным врагом империи, папы и крестоносцев. А месяц назад этот человек имел долгую беседу с неким купцом Юсуфом, который тут же покинул Краков.

— Это арабский лазутчик, ведь так? — догадливо произнес отец Бонифаций и добавил после короткой паузы, безразлично пожав плечами: — Стоит ли придавать этому значение, ведь все купцы тайные соглядатаи. Да и не мало здесь магометан...

— Стоит, святой отец, ибо этот «купец» всего три года назад ранил меня в битве под Манцакертом, несчастной для греков. И он виделся и с Шендеманом, и с вашим монахом. К тому же Юсуф сотник гулямов, причем первой тысячи, лучших воинов халифа!

— Здесь шпионил сам сотник гулямов?!

Отец Бонифаций приложил ладонь к вспотевшему лбу — только сейчас он понял, какую западню подготовили крестоносцам и ему самому, ибо свое будущее нунций связывал именно с орденом Святого Креста, иной силы у римского папы просто не было. И эта слабая надежда, почти призрачная, могла быть безжалостно раздавлена!

— Хуже! Враги церкви и империи сплотились, и нас ждут тяжелые времена. А потому нужно действовать...

— Святой отец! — Дверь в кабинет внезапно отворилась, и в кабинет вошел брат Франциск, держа в руке свернутый в трубочку пергамент. — Вам послание от его святейшества

из Лиенца...

Вот только глаза смиренного монаха на секунду загорелись яростным огнем, опалившим сгорбившуюся фигуру моментально преобразившегося в нищего Варды Склира.

— Иди, сын мой, я сейчас! Только исповедую этого беднягу! — *прежним* голосом отозвался отец Бонифаций, сумевший взять себя в руки при виде предателя. Монашек поклонился и вышел из кабинета, нарочито бережно и плотно прикрыв за собою дверь.

— Отдайте это письмо командору или брату Павлу, я не хочу рисковать!

Трубка свернутого пергамента исчезла в сутане нунция. Лицо эпарха покраснелось, ноздри породистого носа задрожали — грек уже жил в преддверии схватки, поняв, что попал в западню.

— Постой, сын мой! — Нунций схватил его за рукав. — Возьми этот меч, он всяко лучше того кинжала, что ты прячешь в своем рубище.

Варда Склир схватил короткий клинок, сделал им несколько неуловимых взглядом взмахов и тихо засмеялся, осцериw белоснежные зубы в страшном оскале изуродованных губ.

— Это же фехтовальный меч, каким я занимался в Палатине! Вы имеете превосходный вкус, святой отец!

— Я тоже в молодости участвовал в поединках, — тихо произнес отец Бонифаций, прекрасно знавший на своем опыте, как смертельно опасны византийцы в схватках на мечах.

Знатные эллины, обученные с детства, могли рубиться и против десятка обычных воинов одновременно, причем у последних было очень мало шансов на победу. Даже могучая сила и отчаянная смелость немного стоили в такой схватке перед отточенным мастерством, знающим сотни хитрых приемов и уловок.

— Я открою тебе потайную дверь, пусть хоть это даст тебе немного времени, эпарх! Ты выйдешь из дома напротив, и твои враги могут не ждать твоего появления со спины!

— Спасибо, святой отец! — Грек хищно осклабилсч и тут же улыбнулся. — Но как же вы?

— Выкручусь, скажу, что не хотел, чтобы нищий выходил через главную дверь. Такое раз уже было, и тогда, когда брата Франциска услал с поручением в Прагу!

Нунций открыл дубовую панель, искусно подогнанную с другими, за ней пахнули холодом каменные своды, и сильной рукою воина схватил Варду Склира за рукав:

— Подожди! Ответь только на один вопрос. Я ошибаюсь или нет, но все эти годы командор фон Верт провел в Византии?!

— Его у нас не было! — усмехнулся эпарх. — Но одну девицу он недавно обучил разным постельным тонкостям, о которых даже на изощренном Востоке не ведают. Рисунки подобных утех я видел только в индийском трактате «Камасутра», который мне показывали под большим секретом наши книжники из императорской библиотеки. Такому делу по изображениям не научишься, нужен долгий опыт и мастерство...

— Он нарушил целибат?!

Отец Бонифаций в ужасе отшатнулся, но грек схватил его запястье в стальные тиски своих пальцев.

— Командоры обета безбрачия не дают! Он никого не исповедал и не причащал, а потому не совершил святотатства. К тому фон Верт сейчас хоть и глава ордена, но не великий магистр, который рукополагается папой. Так что индийский опыт тут не во вред. Наоборот... Над одним только ломаю голову вот уже три дня — какие же тайные дела командор вершил на Ганге? Какое поручение ему мог дать гроссмейстер?

Эпарх потер ладонью лоб, было видно, что эта мысль на самом деле его тревожила и он не находил на нее ответа, и повернувшись к нунцию, Склир властно произнес, почти приказал:

— Постарайтесь вызнатъ все через купца Заволу, святой отец. Он наш человек и по

настоянию командора стал мужем этой девки. И сам исповедуй ее! Прощай! Хайре!

Грек учтиво поклонился нунцию, который быстро перекрестил склонившуюся голову, и, крепко сжимая в ладони меч, упругим шагом вошел в каменную темноту хода...

Пламя одинокой свечи не могло полностью разогнать ночную тьму, но давало достаточно света, чтобы был виден на столе кувшин кислого вина с тремя кубками да расстеленный лист пергамента, служивший картой для троих собеседников, самых влиятельных и старейших братьев ордена Святого Креста.

Напряженное молчание воцарилось надолго, и первым его нарушить решился отец Павел:

— Чехи и поляки грызутся между собой, это так. Но такой лакомый кусок, как Плонск, они ни за что не отдадут. Нас ждет большая война, брат-командор, вести которую мы не сможем. Тем более в спину нам сразу ударит пан Сартский...

— Не ударит, — уверенно произнес Андрей. — Хотел бы, но пока не может. Он сейчас болен, а потому выступления его войск не состоялось вслед за нападением хирдманов, чего я так сильно опасался. Но и нам не стоит терять драгоценное время, тем более словаки уже выражают недовольство затянувшимся прозябанием в Белогорье. Да и почти все запасы подъели, орава у нас та еще!

— И что делать? Сожрали тут все, ты тут прав, кормить скоро будет нечем. Да еще «красных» на добрую сотню увеличилось! — Ульрих задумчиво посмотрел на собеседников с немым вопросом: «А сами что весной есть будем, если зимою все припасы скормим?!»

— Не нужно отправлять их обратно за горы, пока перевалы не замело, как вы предлагаете! — Андрей напряженно улыбнулся и сказал самое важное, то, что боялся вымолвить даже в горячечном бреде: — Надо напасть первыми и разгромить панское воинство! Они нам все равно жизни не давали и не дадут! А раз так, то упредим их и начнем войну незамедлительно.

По мере того как командор говорил, лица обоих его сотоварищей вытягивались от изумления. Первым опомнился Ульрих, дрожащими от волнения пальцами вцепившись в рукоять меча.

— Мы рискуем остаться в полном одиночестве, начав этой зимою несправедную войну...

— Потому что начнем воевать зимою или потому что несправедную?! — с гневом выдохнул командор и повернул свое пышущее яростью лицо к старому священнику.

— Паны от нас почти все села оттяпали, пользуясь моментом, а мы не можем вернуть их обратно?! Да помилуйте! Скажи нам, брат Павел, сколько раз ты обращался к самому папе, чешскому королю или польскому князю, требуя прекратить грабеж орденских владений? И что — паны все с извинениями вернули?!

Священник засопел, тоже ухватившись за меч. Да и что было говорить в ответ и заново вспоминать то чувство горького унижения и бессилия, которое его охватывало все эти прожитые годы. Ульрих тоже промолчал, лишь желваки катались под кожей на скулах.

— То-то же, братья! Мы уже потеряли моравские и богемские замки, выведя оттуда крестоносцев...

— Я не знал, что приказ подложный...

— Я не про то говорю, брат Ульрих, и не виню тебя в этом! Так что не кори себя напрасно!

Андрей неожиданно тепло улыбнулся, и рыцари разом заметили, что если раньше командор говорил о потере с горечью, то сейчас в его словах чувствовались совсем иные эмоции.

— Эти богемские и моравские замки были чемоданом без ручки — и нести тяжело, и бросить страшно. Это мешок такой огромный, без пришитых помочей, и в обхват не возьмешь, и на плечо не взвалишь! И как его нести прикажете? Это же маета одна!

Крестоносцы не ответили на шутку — потеря давних земель их угнетала. Еще бы — всегда

была опора, а тут ее лишили, а потому Андрей заговорил с задором, излучая нездоровый оптимизм, типа «не все так плохо, будет гораздо хуже».

— Наоборот, нам следует поблагодарить судьбу! Раньше орден был силен и разбросанность его замков не мешала, а помогала, ибо мы контролировали многие земли, а сила была такова, что ни один из властителей не рисковал оскалить на нас свои клыки. Но с Каталауна все разом переменялось, нас стали рвать по кускам, а мы не в силах удержать наследие, сдавали замки один за другим, лишаясь сил...

Старые рыцари опять засопели, с горечью глядя на карту, на которой были нарисованы прежние владения от Лабы до Вислы и нынешние — небольшое вытянутое пятно в горах на юге и маленькое белогорское пятнышко на севере, от которого до Вислы была добрая сотня верст.

Только командор не печалился вместе с ними, а продолжал загадочно улыбаться.

— Мы уступили территорию, но зато сейчас мы стянули все свои силы в кулак, присоединив словаков и ополчив белогорцев! Но если будем сидеть на месте, то в следующем году проедемся так, что нас голодных запросто раздавят. Нам нужно не только вернуть все орденские владения обратно, что принесут дохода на порядок больше, чем потерянное в Богемии, но и прирастить их, и главное — занять Плонск.

— Но чехи...

— Да ничего они не сделают. Они, как их заклятые друзья поляки, предпочтут, чтобы Плонск отошел к ордену, а не стал обглоданной костью, за которую сами продолжат лить кровь. Тут одна мысль сработает: пусть я ничего не получу, но и пан, что много крови выцедил, ничего не поймееет. Вот так-то! Да и не внакладе они останутся от такого размена!

— Что ты предлагаешь? — В голосе брата Ульриха впервые прорезался живительный интерес.

— Королю Вацлаву мы официально возвратим наши богемские и моравские замки и выразим признательность за оказанную помощь. Это смягчит его обиду, тем паче что компенсация достойная.

— А ляхи?!

— Хрен панам в рыло! Но только им! А вот польскому князю мы подарим те владения Сартского, что останутся без хозяина. Для нас весь этот кус слишком велик — подавимся! Так что вернем только свое, потерянное ранее, благо его очень много, а чужое отдадим князю, что решил королевский венец на своей голове примерить! Пусть он со своими панамы здесь мается, сам помощи у нас же просить будет!

Заявление Андрея несколько разрядило обстановку, старые крестоносцы, видевшие и расцвет ордена, и пережившие с ним трагедию Каталауна, и трагичные годы прозябания, повеселели, бросая друг на друга многозначительные взгляды.

— Я не только надеюсь на успех нашего наступления, сам искренне верю в это! Паны не любят воевать зимою, зато мы можем, и грех не использовать это. Так что пора начистить ляхам ряшку, тем более теперь я могу открыть вам тайну — Плонск сам попросил нашего покровительства и уже выплатил тысячу злотых, треть от орденского ежегодного взноса! — Андрей победно поглядывал в вытянувшиеся лица. — Кроме того, город ежегодно будет давать ордену четыре сотни золотых, если король Чехии заберет наши замки обратно...

— Пусть забирает, и шут с ними! Мы и четверти денег с них никогда не получали!

— Так даже лучше!

На лицах Ульриха и отца Павла заиграли улыбки — еще бы, ведь теперь совсем иное дело, ибо Плонск предстоит не захватывать, а освобождать, да еще получив огромную сумму денег и, кроме того, получив значимую компенсацию за то, что удержать были не в силах.

— Мы не ошиблись в тебе, брат-командор, ты действительно магистр ордена!

Священник говорил настолько проникновенно, что Андрей чуть было не прослезился, но последние фразы заставили его не только насторожиться, но и смутиться, словно нормальному мужику на приеме проктолога в самый «интересный» момент.

— Если бы не твои некоторые странности в трудном лечении бесноватых или ищущих утешения женщин... Возложенные на тебя в скором времени обязанности... гхм... потребуют от тебя некоторых ограничений...

— То путь экзорцизма, он всегда полон ошибок, страданий, печали и исканий, брат мой! — быстро перебил священника командор, стараясь уйти от опасной для него темы и пропустив сквозь уши странный намек. — Но не о том речь, брат Павел. Вы тут выражали недовольство тем, что полсотни «красных» записаны в копейщики, в которых нет нужды, ибо их мало...

— Брат мой, мы никогда не выражали недовольства, сего быть не может никогда, ибо никто не посягнет на твое право командора, освященное самим уставом ордена!

Брат Ульрих заговорил очень осторожно, тщательно подбирая слова. У Андрея возникло стойкое убеждение, что именно сейчас самые старые рыцари ордена окончательно признали его право командования, а это несколько льстило самолюбию.

— Просто мы хотели бы узнать о твоих планах на этот отряд побольше, брат-командор.

— Хорошо! — Андрей перебил рыцаря, помогая тому выйти из неудобного положения, и решил полностью выложить план, предложенный ему Роштаном на встрече в Притуле. — Плонск обязан выставить сотню арбалетчиков и пять сотен ополченцев. Последние мало чего стоят в бою, ибо любой профессионал в схватке завалит трех мужиков. Но если тех самых горожан поставить плечо к плечу, то мастерство уступит напору и массовости, если оно должным образом вооружено и способно выдержать как обстрел из луков, так и удар рыцарской конницы.

— Эти смогут, хотя ты с ними занимаешься всего три месяца, — задумчиво пробормотал отец Павел и внимательно посмотрел на Андрея. Тот усмехнулся в ответ.

— Еще месяц нужен, не меньше, чтобы до должной кондиции довести. Конечно, один на один они любому хорошему вояке уступят, но пока держат строй, крови прольют не мало, если не больше. Правильный строй — великое дело! Прошибить «ежа» или «черепашу» трудненько даже рыцарям. А, брат Ульрих, ты ведь попробовал?

— Согласен, но их же мало...

— А много и не нужно. Я их по одному на десяток мужиков или горожан поставлю, и через три месяца они из неумех ополченцев нормальную инфантерию сделают. Настоящих лучников мало, и готовить их нужно долго, арбалеты дороги, а вот алебард со щитами наделать можно много. Так что через полгода мы сможем иметь настоящую армию, особенно если проведем уложение о наделении молодых сельских парней наделами лишь после трехмесячной службы под знаменами ордена!

Андрей с улыбкой посмотрел на рыцарей, что с изумленным видом пытались оценить последствия от такого шага.

— А потому, братья, давайте подумаем, как нам самим поскорее напасть на панов! Тем паче нам впервые предстоит начать войну без объявления таковой...

— Ты с успехом справился с порученным делом, Юсуф! И лишь немилость Аллаха да хитрость, достойная шайтана, этого командора, не позволили нам добиться успеха. Здесь нет нашей вины!

Никогда еще Юсуф не чувствовал себя так паршиво, словно верблюд, пораженный чесоткой. Только сейчас он осознал, что победа была у них в ладонях, как робкая птичка, трепещущая от ужаса. Но ее выпустили из пальцев, хотя было достаточно легкого нажатия, чтобы сломать тонкую шейку.

«О Аллах! Когда ты хочешь наказать, то посылаешь на правоверного слепоту и помрачение!»

Юсуф чувствовал, как холодный пот течет у него по спине, словно родник в безводной пустыне. Но как сказать о том своему тысяцкому, что по молодости лет допустил столь страшную оплошность, что свела на нет все его多月месячные старания?

— О, почтеннейший Селим-эфенди, дозволь спросить? Ты видел командора собственными глазами и считаешь, что он самозванец, только потому, что тот был моложе, чем на самом деле?

Юсуф понимал, что ступил на тонкий лед, что сковывает реки западных земель своей обманчивой коркой, похожей на крепкий панцирь, но хрупкой, как яичная скорлупа, под которой скрывается холодная, но обжигающая, как кипяток, вода.

Но молчать он не мог — сейчас в его душе клокотала ярость, а сердце грызла жестокая обида. Ощущение достигнутой победы, с которым он добирался через заснеженные горы в еще зеленый от травы Пешт, привольно раскинувшийся на берегу прекрасной голубой реки, растаяло как пустынное видение, которое он часто видел в раскаленных от солнца песках далекой и родной Аравии.

— Он сам мне сказал о том, не успев и подумать! Да и наша хитроумная ханум, в чьих умелых ручках даже суровые воины превращаются в мягкий и податливый воск, прямо сказала о том и улыбалась при этом, подобно утреннему солнышку!

— О да, она способна на то! Но не всякий мужчина имеет сердце, подобное глине, из которой умелый гончар может вылепить что угодно. Так и даже такая женщина сама может превратиться в нежный воск, растаявший в крепких мужских руках!

— О чем ты говоришь, сотник?

Селим-эфенди прищурил умные и внимательные глаза, поглаживая ладонью коротко стриженную и выкрашенную хной бородку. Этот взгляд отсвечивал сталью булата, но Юсуф уже не мог себя удержать, чуть ли не плача об упущенной победе.

— Скажи, почтеннейший Селим-эфенди, твои пронзительные глаза хорошо рассмотрели командорские знаки на груди крестоносца? Было ли что-нибудь в них странное?

— Эти тайные знаки, о которых знает даже самый глупый верблюд? — усмехнулся кончиками губ тысячник. — Да, я их хорошо разглядел. И крест, и круг, и...

Селим-эфенди тут неожиданно споткнулся, замолчал, устремив свой взгляд куда-то в глубину души, и в глубокой задумчивости стал теревить ладонью бородку.

«Вот видишь, почтеннейший Селим, что даже священная кровь Фатимы, текущая в твоих жилах, не избавляет тебя от таких глупых ошибок! И цена им от того только возрастает. И жаль, что ее невозможно оценить — даже тысяча кошельков, туго набитых золотыми динарами, не станет высокой платой за допущенную глупость!»

Мысли текли медленно, и ярость понемногу стихала. Молчание затягивалось, по нарушить тишину Юсуф не решался, страхась помешать напряженному раздумью тысячника.

— Чернила, которыми нанесли надпись, выцвели, стали тусклыми, — глухо произнес Селим-эфенди, — а значит, их нанесли давно. Но у него был кинжал, что дал ты, Юсуф! Откуда он его мог взять?! Да и с нашей ханум он много раз нарушил свой целибат, причем так, что даже наши поэты не смогли бы описать эту... Мерзость!

— О, почтеннейший Селим-эфенди! — Юсуф обратился как можно уважительно, ибо в ярости молодой родственник халифа мог запросто изрубить его на тысячи кусочков, и это будет самая легкая смерть, которую можно было бы вымолить. — Боюсь, что командор, пропитавшийся духом подлых византийцев, устроил нам коварство, которое ни один из правоверных и вообразить не смог бы. Да и сами христиане, «люди Книги», с омерзением отшатнулись бы, узнав о такой гнусности!

Сейчас Юсуф не лукавил даже в самой малости, ибо мусульмане почитали Библию, или «Книгу», как они ее называли. А потому отношение к христианам или иудеям было намного более великодушным, чем к язычникам, будь они северными, поклоняющимися Одину или Перуну, или восточными, что купали в жертвенной крови своих идолов.

— Ты хочешь сказать...

— О да, почтеннейший Селим-эфенди! Горе мне, что не прозрел я это гнусное коварство и не смог принять меры!

Юсуф вырвал из своей бороды клочок волос, не почувствовав в горячке боли. Единственное чувство, которое он сейчас испытывал, — жгучий стыд, что опалил пламенем его душу.

— Что случилось, Юсуф?!

На Селима-эфенди невозможно было взирать без огорчения и праведной боли, настолько его благородное лицо изменилось, а левую щеку задержало нервной дрожью, да и рука, лежавшая на колене, стала ощутимо подрагивать.

— Крестоносцы шли в крепость у трех дубов перевалом, на котором охотился волк-оборотень — ведь так его называют люди, почтеннейший Селим-эфенди?!

— Да, мой верный Юсуф. И этот самозванный командор Анджей убил порождение шайтана собственной рукою, как мне известно. Достойный подвиг для воина!

— Ратная доблесть всегда ценится. Вот только до того волкодлак зарезал несколько воинов, у одного из которых этот «Анджей», — Юсуф замер, страшась попасть под вспышку гнева, но промолчать он не мог, — и забрал данный мною кинжал! Второй твои воины, пресветлый эмир, как ты мне сам сказал, нашли у тела фон Нотбека, упавшего со скалы.

— Он забрал кинжал?!

Селим побагровел и судорожно хватанул воздуха, будто рыба, вытащенная на берег.

Теперь терять было нечего — лучше выложить все самому и сразу, ибо тысячник не терпел лжи и уверток, а предпочитал горькое зерно истины. За злую весть он мог простить, но за лукавство — никогда!

А потому Юсуф заговорил очень быстро, торопясь высказаться, дабы поскорее опорожнить кувшин едкого, но спасительного для себя лекарства, быстрее показав его дно:

— Это был настоящий фон Верт, ибо никто из рыцарей ордена не доверит меча их святого! И он забрал не только мой кинжал, он обманул саму ханум, что растаяла в его руках подобно пахлаве и не заметила коварство его обмана. — Юсуф остановился, глядя, как лицо Селима из багрового меняется на серый, и зачастил, стараясь отвести от себя угрозу:

— Знай, что настоящий командор — в крепости, ты бы перебил всех, мой повелитель. Но он тебя коварством своим ослепил, как и ханум, заставив вас поверить в то, во что нельзя поверить. Вы собственными глазами видели знаки на его груди, но не заметили, что те нанесены очень давно. А ведь у самозванца, будь это он, они были бы свежими и яркими!

— О Аллах, всемилостивый и милосердный! О горе мне, ослепшему от злого лукавства!!!

Молодой военачальник с хрустом выдернул из своей бороды клочок волос, и Юсуф разинул рот от неимоверного удивления — это какова же должна быть ярость и возросшая от нее сила, чтобы вот так просто обезобразить подстриженную бородку?!

— Я же сам дрался с ним, и он убил голыми руками шесть моих воинов! Это мог сделать только великий воин! Я в ослеплении своем поверил не собственным глазам, а лживому языку ханум! — Селим-эфенди взвыл и начал кататься по ковру, изрыгая рыдания.

«О Аллах милостивый!» — мысленно воззвал в всевышнему Юсуф, замерев истуканом и не смотря на искреннюю скорбь своего молодого тысячника. У него и самого было скверно на душе — ведь он не предусмотрел, что командор может быть настолько коварен.

— Я прикажу казнить ханум! Ее раздерут на четыре части дикими кобылицами! Нет, посадят на острый кол тем местом, которым он посмела обмануться и смешать наш замысел!

Голос Селима-эфенди был спокоен, это и ужаснуло Юсуфа, ибо приговор, на его взгляд, был несправедлив, потому сотник тихо, но твердо произнес, смело глядя в яростные глаза тысячника:

— Ханум не виновата! Впервые ей встретился достойный противник, что переиграл ее в любовную игру!

— Ты что несешь, Юсуф?! Пусть так, я собственными глазами видел пятна от поцелуев! Но он же принял целибат?! Как командор его осмелился нарушить?!

— Помнишь Демира, повелитель? Нашего лазутчика, что пробрался так далеко на восток, в страну, где поклоняются шестирукому богу. Он рассказывал о рисунках, на которых изображены неприличные для мусульманина сцены, где мужчины и женщины предаются разврату!

— Я хорошо помню его рассказ, Юсуф! — Селим-эфенди уже успокоился и внимательно смотрел на сотника. Буря прошла, и теперь перед ним снова сидел на ковре властный и умный воин.

— Потому ханум и растаяла в его руках, ибо он овладел этой нечестивой магией, приносящей усладу телу, но губящей душу. И заметила только то, что он внушил ей, находясь под чарами омерзительной услады, которую ни один мужчина не смеет проделать над женщинами. Кроме командора! Он не нарушил целибат, ибо в его руках имелось оружие, что он обратил против нас. Так стоит ли корить воина за хитрость на поле боя?! Ведь он сразился с гулямами и многих убил!

Селим-эфенди кивнул, но ничего не сказал, только молчал, задумчиво хмурия лоб. Спустя долгое время, пока Юсуф сохранял полную неподвижность, сидя на мягкой подушке, морщины на лбу тысячника разгладились, а лицо прояснилось, словно с неба ветер прогнал темные тучи.

— Прости мою несдержанность, Юсуф, и мои опрометчивые слова, сказанные про командора Андреаса фон Верта! — Молодой военачальник четко произнес германское имя, не исказив ни одну букву.

— Ты прав — это самый страшный враг, с которым мне пришлось столкнуться. Ты был нашим лазутчиком в Кракове, но это не ущемляет твою честь воина. Также как и он, бывший и в Константинополе и в Индии. Да, он там жил — ибо нечестивую любовную магию можно изучить только в тех землях. Теперь я прозрел — все эти годы восточные язычники осмелились с нами воевать, и не без успеха. Это дело рук Верта!

— Похоже на то, мой повелитель!

Юсуф кивнул головою в восхищении — эмир, как всегда, показал свой блестящий ум.

— А коварство византийское, он ловко провел нас. И меня, и тебя, и ханум! И мы ушли от крепости, которую обороняли всего два десятка воинов, радостные, да еще с ликованием отдав ему две тысячи золотых монет. О подобном я раньше и не слышал! Нет, Юсуф, мы должны

радоваться, что легко отделались, и в следующий раз, а он будет скоро, будем намного предусмотрительней. Хотя скажу тебе честно, тут нет ни капли стыда — я немного страшусь его доблести!

— А я хитрости! — со вздохом признался Юсуф. — Будь он купцом, то я бы давно остался без последнего медяка и сверкал бы своим телом, прося подаяние!

— Ты был бы не одинок, Юсуф! Ведь он с меня вытянул все золото, что было, и мой фамильный ханджар, усыпанный камнями. И многое другое, оставив свое в сохранности! Нет, сидеть нам рядом, Юсуф!

Арабы переглянулись и, не в силах сдерживать переполнявшие их эмоции, дружно, и главное, искренне рассмеялись...

— Теперь крестоносцы получают урок, который надолго запомнят. Я им тут устрою новый Каталаун!

Пан Кароль Завойский, рослый и крепкий, совсем еще не старый, уверенный в себе и своих силах мужчина, цедил слова, с нескрываемым злорадством и гнусной ухмылкой взирая на мечущихся в страшной панике белогорцев, явно не ожидавших увидеть всю его дружину, перекрывшую путь на близкий Плонск.

Их тяжелогруженные повозки, в каких селяне обычно возили в город известь, сбились в большой неровный круг, и теперь мужики шустро прятались за ними, представляя сопровождавшим крестоносцам принять первый удар латной конницы на себя.

— «Синие» удирают, ваша милость! Догнать?!

Молодой шляхтич с горящими глазами уже рвался в драку, как хороший цепной пес. Он с нетерпением ерзал в седле, будоража этим боевого коня, и указывал правой рукою на быстродвигающихся по заснеженному полю верховых.

Пан внимательно всмотрелся вдаль, прищурился — знакомые синие плащи конных стрелков ордена он узнал сразу, и тут же вспыхнула ярость в душе и заныла правая голень, простреленная пять лет назад таким вот лучником в ненавистном плаще.

Упускать их было нельзя, тем более что беглецов совсем не много, всего с десятка два, и мчались они все вместе, сбившись в одну большую кучу, по замерзшей пашне.

— Не по тебе честь, Домашек! — с нехорошей улыбкой грубо отрезал пан, продолжая следить взглядом за полем, и выругался снова, яростно и громко, заставив вздрогнуть стоящих рядом телохранителей. — Идиоты! И это есть знаменитые орденцы, что даже удрать толком не могут?! Труссы! Они же бросили своих, презренные твари, спасая свои вонючие шкуры!

Завойский презрительно скривил губы — он думал, что встретит бешеное сопротивление крестоносцев, но такого их поведения никак не ожидал. Впрочем, спасались бегством призванные селяне, пусть и имеющие воинские навыки, а вот «красные» никогда.

Сейчас они готовились к последней схватке, которую навязал им пан на своих условиях, презрев свой договор с горожанами, по которому он честным словом обязывался пропускать из Белогорья возы с известью и продовольствием.

Известие о том, что на Плонск идет большой обоз из Белогорья, сопровождаемый всего полусотней крестоносцев, было встречено в Старице с ликованием.

Шляхтичи откровенно маялись от безделья три недели, опустошая винный погреб и сожрав треть окороков. Бездействие было вызвано опасной болезнью магната, из-за которой, к общему огорчению воинственных шляхтичей, пришлось отсрочить на неопределенный срок давно запланированное и подготовленное нападение на мятежное Белогорье.

Без повелительного голоса Сартского ясновельможное панство просто не могло решить, кто из них возглавит общее воинство. Каждый из собравшихся панов предлагал только свою кандидатуру, яростно выступая против соседа. Никто не хотел уступать даже в самой малости, ибо вся слава достанется только одному. Тому, под чьим знаменем они и пойдут!

— Пся крев!

Решение Завойскому пришло само собой, когда он устал участвовать в бесконечных спорах и склоках, пытаясь доказать свое право командования — ведь он имел самый большой отряд, за исключением личной дружины магната, конечно.

Потому пан и решил начать войну только собственными силами и первым делом полностью уничтожить орденский отряд, заодно захватив богатый обоз. Затем он планировал

внезапно напасть на мятежную Притулу, изрубить непокорных смердов, испепелить крестьянские жилища, безжалостно предав огню и мечу, и лишь потом двигаться на замершую от ужаса Бяло гуру, куда кастелян Замосцкий клятвенно пообещал привести всю дружину заболевшего магната и ополчение подручных Сартскому панов.

Разбить непокорных селян и орденцев поодиночке, захватить замок и перекрыть перевалы и самому стать владыкой, сравнявшись по могуществу с влиятельным соседом, — такая перспектива заставила Завойского действовать напористо и энергично.

Грех было упускать столь удачное начало!

— Януш! Возьми полусотню и догоняй «синих» по дороге. Там петля, и ты зайдешь поперед их — за лесом не заметят. Выруби всех, в плен брать не нужно, ибо вскоре выкупать их будет некуда! Поспешай, Януш, уйти могут, а то нам во вред пойдет!

— Я догоню их, пан Кароль!

Суровый шляхтич с вислыми ниже подбородка усами крепко ожег коня плетью, за ним рванули его воины, громким гиканьем подгоняя своих застоявшихся лошадей.

Завойский чуть кивнул, продолжая хладнокровно наблюдать за подготовившимися к обороне обозниками. Опытным взглядом матерого, закаленного в боях воина он уже оценил всю силу, вернее, очевидную немошь своих заклятых врагов.

Всего четыре десятка копейщиков, с дюжину «серых» лучников, пусть и полностью готовых к бою, но этого было слишком мало.

Правда, с орденцами находилось еще с полсотни, никак не больше, попрятавшихся под повозками обозников, но все они вместе представляли собой легкую добычу для его пяти рыцарских «копий» да еще полной сотни всадников.

Это не считая отборной полусотни Януша, на самых лучших конях, что ушла в погоню за бежавшими «синими», уже скрывшимися за опушкой вытянувшегося леса.

— Труби сигнал, Домашек! Мы их сейчас сомнем и втопчем в снег! Будут знать, как ходить без пошлин на моей земле!

Пан засмеялся от собственной шутки, но тут же властно произнес, подняв руку:

— Копье!

Тяжелое древко тут же легло в его латную перчатку, и Кароль Завойский тронул коня с места. Хорошо обученный жеребец послушно пошел вперед, постепенно набирая ход и перейдя на рысь.

Справа и слева пан хорошо видел склонившиеся копья рыцарей и оруженосцев, идущих «частоколом» со склоненными смертоносными наконечниками.

Он даже восхитился красотой зрелища. Разноцветные плащи и попоны, некоторые из которых были украшены рыцарскими гербами, мощный топот копыт — разве такое не могло не радовать сердце настоящего воина, с детства вскормленного с лезвия меча?!

Он всем своим естеством жаждал схватки, видя перед собой ненавистные красные щиты с белыми крестами, над которыми угрожающе топорщились странные копья. Такие Завойский видел впервые в жизни — жуткую помесь рогатины с топором и багром, но не испугался — ведь на одного пешца приходилось по два всадника.

— Пся крев!

Ругательство застряло в глотке, хлеставший в глаза ветер мешал рассмотреть. Но и того, что пан заметил, несясь во весь опор, хватило для понимания — избиения младенцев, на что он рассчитывал, не произойдет, крестоносцы возьмут чересчур высокую плату кровью.

И было отчего — мужики, скрывавшиеся до того под повозками, поднялись на ноги, уже накинув на себя орденские серые плащи и держа в руках длинные тисовые луки.

Еще сорвали покрывавшие телеги плотные накидки — и перед глазами появились воины в

красных плащах, не меньше трех-четырех в каждой, прятаящиеся под ними в ожидании нужного момента и уже поднимавшие заряженные арбалеты.

И тут же навстречу летящей вперед коннице взмыли в воздух множество стрел и болтов, полет которых было невозможно уследить глазом, но пан Завойский уже не сомневался, что смертоносные жала найдут себе жертв среди его воинов.

— Пся крев!

Понимание того, что орденцы коварно обманули и вместо беззащитного обоза подстроили ловушку и теперь численный перевес на стороне врага, разъярило поляка, но остановить коня было бессмысленно и бесполезно — тот взбесился от постоянных покалываний острыми шпорами.

— У-у!

Неожиданно стоящая перед ним стена красных щитов куда-то исчезла, и Кароль почувствовал, что уже не скачет, а летит высоко в темное небо, заброшенный туда страшной силой, разорвавшей чудовищной болью правое плечо.

Завойский ухитрился перевернуться в воздухе и даже обозреть окрестности. Перед глазами прямо застыл серый снежок, покрывший землю, за ним далеко стояла темная опушка леса, и...

«Мы окружены, это западня!»

Последняя мысль пронеслась в мозгу пана, который успел рассмотреть всадников в красных и синих плащах, что большими отрядами заходили для удара в спину, и остановить эту несущуюся смерть было нечем.

— Пся крев!

Страшный удар о твердую землю заглушил ругательство, и в тело рыцаря тут же воткнулись два смертоносных жала, даря ему спасительное, но вечное забвение...

Войтыла, сильно прихрамывая, погруженный в нерадостные размышления, кружил битый час по небольшой полянке, на которой была его землянка.

Заходящее солнце уже подсело, и все вокруг окрасилось в багрово-пунцовые тона. Агнешка, не боясь уже солнечного света, вышла из землянки и, усевшись на корточки, сосредоточенно ковырялась короткой палочкой в муравейнике.

— Хозяин! Твоя баранья лопатка уже готова, мураши объели ее дочиста! — Она запустила руки в кучу и вытащила молочно-белую кость. — Всего-то две седмицы назад я ее туда положила, и вот!

— А-а! — Колдун отмахнулся. — Забери себе! Мне не до нее! Проклятый Верт... — Он в сердцах ударил кулаком по дереву. — Я не чую больше звездную руду в его цепи!

Войтыла не находил себе места: он ясно почувствовал, как несколько месяцев назад Верт впервые надел командорскую цепь, словно он услышал дальний отзвук, короткие, едва различимые обрывки его снов.

Нет! Видеть его глазами и ведать его мысли он не мог, но был в состоянии *ощущать* его, смутные, подобные дрожащему отражению в воде, отголоски его чувств и настроений.

Он чувствовал, когда Верт снимал цепь, Нить словно немного остывала, истончалась, но не прерывалась, но тут будто отрезало. Около двух седмиц назад Нить стала все прозрачнее и прозрачнее, а сегодня утром Войтыла перестал слышать Верта совсем.

«Будь проклят Сартский! Я хотел через его кровь усилить Нить, но, наоборот, все испортил! Старый идиот! Видимо, он так сильно ненавидит Верта, что Нить выбрала его новым хозяином... Ну что ж, это и будет его концом: он не сможет справиться с Нитью, и она поглотит его!»

— Ну же! — Агнешка вскочила и закружилась по полянке. — Хозяин! Я не видела вас таким мрачным ни разу! Что-то не так? Кого-то нужно убить? Вы только скажите, — она подскочила к Войтыле, схватила его за руки и попыталась увлечь за собой, — я сделаю все! Тот вельможный пан вас расстроил? Только прикажите, и я его разорву!

Она запрыгнула на нижнюю ветку огромного дуба, у подножия которого ютилась землянка, и, зацепившись согнутыми ногами, свесилась с нее вниз головой. Длинные волосы развевались. Колдун подошел к ней, его глаза оказались на уровне ее глаз.

Она широко распахнула глаза: от света зрачки по-кошачьи сузились. Улыбнувшись улыбкой, больше похожей на оскал, она обнажила прекрасные белоснежные зубы с неестественно большими, отличными от остальных зубов, клыками.

— Глупая! — Колдун растянул тонкие губы на сморщенном, словно печеная картофелина, лице. — Ты еще совсем девчонка!

Агнешка, расхохотавшись, ловко взобралась по веткам на самую вершину, но так же стремительно слетела вниз:

— Хозяин! Там верховые, четверо, в пяти верстах от нас! Они только въехали в Гнилую Падь! — Ее ноздри возбужденно трепетали, словно у хищника, почуявшего добычу. — Разрешите мне поохотиться, мне уже надоела сырая оленина...

Вечерние сумерки почти уступили место ночной мгле, и всадникам пришлось зажигать припасенные факела. От этого сгущающаяся темнота показалась еще более непроглядной, а корявые деревья приобрели совсем уж демонические очертания.

— Будь неладен пан Сартский! — вполголоса, с затаенным страхом произнес один из всадников. — И чего ему приспичило поговорить с этим колдуном на ночь глядя?

— Полегче в словах, Юрек! — Ехавший справа тронул Юрека за рукав. — Радзимеш услышит и Замосцкому доложит, а пан Ярослав ох как тяжел на руку!

— Лучше уж, Зденко, от пана Ярослава вожжей на конюшне получить, чем в это проклятое место ехать!

— Да, ты прав! Такая тишина стоит, даже ни одна ветка не шелохнется! — Зденко закрутил головой. — Не к добру...

Головной всадник натянул поводья и повернулся.

— Чего треплетесь? — Злой голос резанул по ушам. — Вот вернемся, задам я вам!

— Еще вернись! — сквозь зубы процедил Юрек, с опаской поглядывая по сторонам. — Зденко, поспешай, я пока подпругу подтяну!

Трое всадников тронулись вперед, а Юрек спешил. Положив факел аккуратно на землю, он повернулся к лошади.

Легкий шелест и движение воздуха заставили его поднять голову вверх. Пламя еще раз дернулось и погасло, ледяные руки обхватили за шею, зажимая рот, но он уже ничего не чувствовал...

— Юрек! — Зденко, чуть приотстав, силился что-либо разглядеть в темноте. — Догоняй!

Удаляющиеся силуэты Радзимеша и Гжегожа в колышущемся свете факелов исчезли за поворотом, и он в нерешительности привстал на стремянах: нужно было выбирать — или ехать вперед, или возвращаться за товарищем.

Вдруг Зденко услышал приближающийся стук копыт. «Слава Богу!» — выдохнул он, но в свете факела мимо него пронеслась обезумевшая лошадь со съехавшим набок седлом.

Ее светлый круп был вымазан темными пятнами и потеками, седло и потник блестели в свете факела не успевшей впитаться кровью, справа путлице мертвой хваткой держала кисть по локоть оторванной руки, руки Юрека.

— Пресвятая Богородица!

Он со всей силы ударил пятками в бока своей лошади, однако кобыла словно вкопанная не двинулась с места. Бока ее вздымались, как после бешеной скачки.

Выватив небольшой нож из-за пояса, Зденко, повернувшись, всадил его по самую рукоять в круп несчастного животного. Кобыла, словно подброшенная огромной пружиной, сначала присела на задние ноги, а затем взвилась на дыбы, заваливаясь всем телом назад.

Рухнув на землю, она придавила телом Зденко, но через мгновение вскочила, уносясь по тропинке вперед. Дикая боль в сломанной ноге пронзила тело, на мгновение затмевая собой животный, сотрясающий все до самой маленькой поджилки страх.

С трудом приподнявшись на локте, Зденко потянулся к отлетевшему в сторону факелу. Внезапно за небольшим освещенным кругом мелькнул светлый силуэт.

— Не подходи...

Голос Зденко дрожал, а в груди бешено бухало сердце. Он сорвал с груди нательный крестик и выставил его перед собой.

Полусидя, преодолевая невероятную боль в ноге, Зденко начал рукой с зажатым в кулаке крестиком чертить вокруг себя круг, как вдруг на щиколотках, словно клещи, сжались холодные пальцы, и безжалостная сила рванула его в темноту...

— Ну где же эти олухи?

Радзимеш, глухо выругавшись, резко ткнул лошадь в бока пятками и дернул на себя поводья, отчего она закружила на месте. Гжегож, чуть помедлив, шагом тронулся обратно к повороту, из-за которого так никто и не появился.

— Тише ты! Недоброе что-то там! Может, заплутали они? Там же сразу за поворотом развилка, вот они, наверное, свернули не туда! Поеду гляну...

— Вот еще! — Радзимеш поморщился. — Нам приказ был дан привезти колдуна да дурочку, которая с ним живет! А искать двух болванов в этом проклятом лесу я не нанимался! Свернули они себе шею или заплутали, меня это не касается! Вернутся завтра — я с них шкуру спущу!

— А вдруг им помощь нужна? — Гжегож неуверенно повернул лошадь, еще раз оглядываясь в темноту. — Радзимеш, не бери греха на душу!

— Ты не поп, я тебе не грешник, за мои грехи спрос сам держать буду! — Радзимеш ожег плетью гнедую, с места взявшую в галоп. — Можешь оставаться, я и один притащу старика с девкой! И наградит пан Конрад меня одного...

— Осторожней! Там тропа вся заросла! Глаза не выколи!

Но Радзимеш уже его не слышал, светлой точкой, скрываясь и пропадая за стволами деревьев, он удалялся вперед по извилистой тропе в глубь леса.

Гжегож медленно ехал назад, внимательно рассматривая в трепещущем свете факела лес по обе стороны тропинки. Он подъехал к развилке: лошадь громко фыркнула и повернула голову в сторону другой тропинки.

— Ты думаешь, они там? — то ли себя, то ли лошадь спросил Гжегож. — Ну что ж! Поехали, посмотрим!

Однако впереди его внимание привлек блеснувший огонек света. Огонек был неподвижен, и Гжегож двинулся ему навстречу.

Если бы листва еще не опала, он бы и не увидел ничего, но сквозь голые ветки лещины он разглядел лежащее на земле тело. Огоньком же оказался догорающий факел.

— Слава Богу, что все эти дни мозглил дождик, а то по сушняку пал пошел бы! — Гжегож подался вперед. — Зденко, это ты? Чего там с тобой приключилось? Вставай, а то Радзимеш рвет и мечет...

Слова колом встали в глотке: несколько шагов, сделанных лошадьё, хватило для того, чтобы рассмотреть лежащего на земле человека.

Это действительно был Зденко: нелепо разбросав руки, он лежал на спине с разорванным горлом, из которого уже редкими толчками вытекала темная кровь.

На лице его застыло выражение жуткого ужаса, а в разжавшейся руке поблескивала цепочка с выпавшим на землю крестиком.

— Свят! Свят! Свят!

Дрожащей рукой Гжегож перекрестился и, наклонившись в седле, протянул факел, но и без этого было понятно, что Зденко мертв.

Сверху в ветвях раздался шорох, и Гжегож резко обернулся, но ничего не увидел. Шорох раздался слева, затем справа.

— Кто здесь?!

Леденящий душу тихий смех раздался спереди, затем сзади, сверху, отовсюду, казалось, что он звенел внутри головы Гжегожа.

— Ты меня не видишь, а я тебя вижу!

Бросив факел на землю, он лихорадочно стал вытаскивать меч из ножен, но запутался. Испуганная лошадь громко заржала, сзади на седло словно опустилась большая холодная снежинка, и тихий голос прошептал в самое ухо:

— Я тебя съем...

Через несколько десятком метров Радзимеш натянул поводья. Действительно, в такой темноте он запросто мог или шею свернуть, или глаза выколоть себе или лошади.

Похолодало, маленькие снежинки закружились хороводом в свете факела.

— Не хватало еще, чтобы буран начался! Тогда придется ночевать у колдуна, то еще

счастье!

Впереди он увидел идущую по тропинке женскую фигурку. Догнав ее, Радзимеш осадил лошадь:

— Эй! Девка! Чего блудишь ночью в лесу одна?

Она подняла голову и посмотрела на него. Факел осветил бессмысленную улыбку на лице, и Радзимеш довольно цокнул языком:

— На ловца и зверь бежит! Ты Агнешка?

В глазах девушки что-то непонятное промелькнуло на мгновение, но тут же исчезло, а она закивала.

— Стой, дура! — Радзимеш сгреб ее волосы на макушке в кулак и запрокинул голову. — Холоднющая-то какая, словно покойница! Дай-ка я на тебя гляну!

Огромные оленьи глаза, голубые, почти прозрачные, были обрамлены густыми черными ресницами. Изыщные брови соболиным изгибом темнели на фоне белоснежной светящейся изнутри кожи. Босые ноги были измазаны чем-то бурым, наверное, болотной грязью. Распущенные русые волосы падали на спину и грудь, скрывая белеющие в вырезе рубахи девичьи груди.

— Хороша, стерва! — Он плеткой раздвинул локоны на груди. — А моя Франтишка — корова коровой! Не дергайся! — Он сильнее потянул на себя волосы, заставив девушку подняться на цыпочки.

Радзимеш, воткнув факел в развилку ветвей, достал кинжал и плашмя просунул его в вырез рубахи. От прикосновения холодного металла к телу девушка даже не вздрогнула, и Радзимеш, повернув, потянул на себя вниз. Ткань с треском поддалась, и он удовлетворенно оглядел открывшееся взору девичье тело.

— Знать бы еще, девка ты или нет! — с опаской протянул он, оглядываясь по сторонам. — Хотя... Если пан Конрад спросит, скажу, что Юрек ее ссильничал! Я и успел, но уже поздно было!

Отпустив Агнешку, он слез с коня. Девушка, прислонившись спиной к дереву, стояла недвижимая. Рванув руками горловину рубахи, он полностью разорвал ее и скинул с плеч Агнешки, а сам лихорадочно стал распутывать завязки штанов.

Она не стала смущенно закрываться, лишь подняла пальчик и, улыбаясь, погрозила ему, мол, что ты делаешь, нельзя!

— Ах ты, сучка, дразнишься? — Радзимеш наотмашь ударил ее по лицу. — Да я тебя!

Замахнувшись, он хлестанул ее со всей силы плетью, но девушка не шевельнулась. Ошеломленный Радзимеш отступил назад и замахнулся для нового удара, однако молниеносным движением Агнешка поймала свистящую плеть и, намотав ее на руку, дернула его на себя.

Потеряв равновесие, он упал к ее ногам, мельком разглядев, что на ее ногах не грязь, а настоящая кровь.

Расширенными от ужаса глазами он увидел на приближающемся к нему лице сузившиеся, словно у большой кошки, зрачки прозрачных глаз и удлиняющиеся огромные клыки.

— Будь ты проклята... — успел прохрипеть он, и ледяные губы коснулись его шеи...

— Ты мне все старые кости раздавил, Арни...

Андрей стоически переносил тяжесть лежащего на нем чуть сверху и придавившего оруженосца и все свое отношение мог выразить только сварливым шепотом.

Арни чуть слышно хмыкнул в ответ и тут же продолжил нарочито стонать — от намотанных на нем окровавленных повязок несло тухлятиной и еще чем-то непереносимо гадким и мерзопакостным.

Приходилось не только терпеть, но и продолжать играть свою роль — раненых воинов Завойского, коих на двух телегах везли в Старицкий замок.

Авантюра чистейшей воды, но другого выбора просто не имелось — штурм твердыни, в гарнизоне которой убитый в бою несколько часов тому назад пан оставил два десятка пожилых ратников, мог обойтись слишком дорого для крестоносцев.

Да и времени осада отняла бы много, на что Андрей пойти никак не мог, а потому требовалось взять крепость как можно быстрее, чтобы двинуться всеми силами вперед и бить кичливое шляхетское воинство поодиночке, пока они ни сном ни духом не ведают, что сами из охотников превратились в дичь.

Вот и пришлось прибегнуть к хитрости, благо один из пленных, мужик из замковой обслуги, что вез на своей повозке всякую воинскую справу да кормежку, питая к пану застарелую вражду вечно поротого холопа, согласился изобразить возникшего и завести крестоносцев, под видом раненых, прямо в замковые ворота.

Но не за просто так, риск был слишком велик, и командору пришлось притупить его остроту полусотней серебряных грошей. Завез мужик прямо к воротам, сейчас бы вовнутрь заехать, там останется дело за малым — как впятером целым замком овладеть, не дать закрыть ворогу крепкие ворота и перебить вчетверо превосходящего противника...

— Это ты, Гжело?!

— Я, Томаш! — так громко отозвался в ответ стражнику возница, что в правом ухе Андрея зазвенело, но, продолжая нарочито стонать, командор искренне взмолился: страж ворот — или нерадивый, или чересчур бдительный — не торопился их открывать.

— Что случилось?

— Пятерых привез, крепко им досталось. В язвах все, но орденцев и мужиков белогорских всех посекали — его милость приказал даже на развод не оставлять. Сейчас на Притулу всей ратью пошел, мстить будет и кару вершить с судом своим праведным. Обоз белогорский следом отправят, вельми богатый. Они со словацких земель много добра всякого везли, ну а пан наш и расстарался. Повезло!

В голосе мужика прозвучала такая неприкрытая зависть, что даже великий Станиславский закричал бы со своего стула: «Верю!»

Великий актер в холопе пропадает, ибо воротная створка закрипела и Андрей ощутил, как от нарастающего ликования у него бешено заколотилось сердце, но тут же себя одернул, гневно попеняв: «Не говори гоп, а то накаркаешь!»

— Эко их разделили! Вези прямо к часовне, там отец Иоанн корпии наготовил много, и перевязет, и лечить будет, да и отпеть можно — все рядышком, кхе-кхе...

Стражник коротко хохотнул, кобыла протестующе всхрапнула, дернув тяжелую повозку, а орденцы захоли и застонали. Да так громко, что у Андрея сжалось сердце в крепенький кулачок — актеры из его перевязанных оруженосцев оказались никудышные.

Им бы не Станиславский кричал — зрители пинками из зала выгнали. Хотя нет — скорее

всего, его матерые воины долго бы гоняли любителей партера, щедро отвешивая им плюхи, куда там ценителям прекрасного, всяким интеллигентам в очочках да дамам бальзаковского возраста супротив матерых вояк переть!

Теперь Андрей видел над собою толстые растворенные створки да каменные своды воротной башни и снова ощутил ликующий приступ — они внутри, теперь дело за тем самым, «малым»...

— Тащите их! Да вдвоем поднимайте!

Властный голос начал распоряжаться, Андрей же, приоткрыв глаз, оценивал обстановку. Она складывалась донельзя благоприятной: у самых ворот стражник, ленивый Томаш, не торопился закрыть массивные створки, да и тяжелые они для одного воина.

Еще трое бородатых и уже пожилых воинов подошли к самой повозке, один из них, с жутким шрамом через всю щеку и вытекшим глазом, выделялся панцирем и серебряным поясом, что объясняли и властность в голосе, и уверенность в силах.

— Эко вам досталось! Ох-ти меня...

В удивленном восклицании воина Андрей почувствовал неладное и понял, что наступило время действовать.

Левая рука сжала рукоять длинного ханджара, щедро подаренного ему Селимом, а в правой оказался меч. Оставалось только отбросить шкуру, которой он был накрыт для согрева и вящей маскировки, да призвать других крестоносцев к действию, что он немедленно и проделал, громко простонав, нарочито демонстрируя смесь абсолютной беспомощности с потерей сознания:

— Мама, больно!

Его стон вызвал у стражников жизнерадостный смех, сопровождаемый веселыми комментариями:

— Кхе! Бородатый, седой, а мать свою зовет!

— Еще описается, старик, детство вспомнив!

— Гы-гы, а Карл ему пеленки менять будет!

— А ты подмывать...

Андрей застонал еще раз, напрягая все мышцы и готовясь взорваться энергичной вспышкой, а властный голос рывкнул над самым его ухом, мигом уняв веселье:

— Чего ржете, жеребцы холощенные! Вытаскивайте! Стоять! Чего-то я не припоминаю эту рожу...

Договорить опытный воин, инстинктом почуявший неладное, не успел.словно разогнутая булатная пружина, Андрей молнией метнулся из повозки и тут же полоснул воздух кривым кинжалом. Если уж не попасть по лицу и горлу, то, по крайней мере, заставить врага отшатнуться, а там можно будет пустить в ход и меч.

— Ах...

Все же старая школа давала неплохую выучку, как и вбитые на многолетней службе навыки. Острейший булат ханджара рассек лицо оруженосца, но уже с правой стороны, лишив второго, уцелевшего глаза, и тут же последовал выпад мечом в горло — хриплый крик тут же прервался, а из разрубленной гортани хлынул поток крови.

Рядом раздавались хрипы умирающих стражников и молчаливое сопение крестоносцев — с охраной ворот было покончено за четверть минуты, никто даже не успел закричать.

— Арни!

Андрей ткнул пальцем в открытую дверь воротной башни, и оруженосец тут же кинулся в нее. За ним плавной тенью заскользил Дитрих — роли были распределены заранее, им теперь предстояло убить охранника на башне и не дать тому перерубить канаты, обрушив вниз

кованую решетку из толстых прутьев.

Такой способ часто использовался в замках, особенно в случаях, подобных этому нападению, когда охрана застигнута врасплох и крепостные ворота не удастся затворить.

— Хренаси! — зло ухмыльнулся Андрей, услышав звонкий крик, тут же перешедший в хрип — стражник успел поднять тревогу, но ничего более, его тут же убили, в этом можно было не сомневаться, ибо висящая над самой головой решетка даже не шелохнулась.

— Давайте, парни, быстрее! — прошептал командор, беря на изготовку арбалет, и краем глаза смотрел, как Зволин с Грумужем ворвались в открытую дверь донжона — главной башни.

Старик вместе с Велемиром пришел из-за Карпат, и Андрей не смог устоять перед настойчивыми мольбами матерого вояки взять и его на эту рискованную операцию.

— Теперь все, главное — продержаться...

Палец плавно потянул спусковой крючок, тугая тетива щелкнула. Выскочивший во двор воин даже вскрикнуть не успел и, судорожным движением рук схватившись за грудь, насквозь пробитую болтом, навзничь рухнул на брусчатку.

— Шестой... Нет, уже седьмой! — радостно скривился Андрей и тут же поправил сам себя, услышав звон и чей-то предсмертный сдавленный крик, донесшийся из дверей донжона, вслед за которым оттуда вылетел чужой помятый шлем. Тут можно было к гадалке не ходить — только у Грумужа в деснице был увесистый шестопер, а в шуйце кинжал.

Старик сам их выбрал, вот что значит большой опыт. Взял самое удобное для рукопашной схватки в тесных помещениях оружие, в которых зачастую мечом или моргенштерном свободно не помашешь, боевая сталь вечно будет находить или мебель, или каменные стены.

— Ух ты, поганец!

Андрей выругался, и было отчего. Длинная стрела чуть не пришила его к каменной стене и, звякнув о солукскую броню, отскочила. Сам командор кое-как удержался на ногах, но выронил арбалет из рук.

— Восьмой!

Попавший в него лучник тут же рухнул с парапета с торчавшей из глаза стрелой: Арни с такой короткой дистанции никогда не промахивался. И только сейчас в замке стали раздаваться громкие отчаянные крики.

— Поздно, голубчики, поздно!

Андрей отскочил в глубь воротного проема и всем телом налег на створку, открывая ее во всю ширь. Затем кинулся ко второй, налег с силою, слушая хруст собственных костей от перенапряжения и со злой гримасой наблюдая, как на бешеном аллюре, безжалостно прищпоривая и настегивая коней, к замку мчится большой отряд в красных плащах...

— Вот так и надо воевать, брат Ульрих!

Андрей горделиво выпрямился, стоя посередине двора Старицкого замка, ставшего ныне столицей ордена Святого Креста, и с лязгом вложил меч в ножны: им командор сейчас никого не рубил, а во второй раз за день повторил обряд посвящения в рыцари.

Впервые он это проделал на заснеженном поле, усеянном трупами ратников погибшего воинства Замосцкого, отмечая заслуги отслуживших по два срока оруженосцев из «копий» Зарембы и Вацлава, и вот сейчас над своими телохранителями, что взяли вражескую крепость без единой потери. И глядя в их глаза, наполненные влагой, он радовался вместе с ними.

— Дозволь, магистр, обнять и поприветствовать новых братьев!

Ульрих с лукавой улыбкой посмотрел на Андрея, но тут же посуровел лицом и опустился перед ним на колено.

В замковом дворе тут же установилась полная тишина, только лязгало железо — все крестоносцы встали на одно колено, преклонив перед ним головы.

— Да хранит вас Бог, братья мои!

Андрей уже привычно перекрестил орденцев, недоумевая, почему Ульрих объявил его магистром — явно не по чину, ведь он всего командор, но последующие слова ввергли его в смущение.

— Сегодня брат-магистр произвел в рыцари на поле схватки шестерых братьев, что отслужили полные срока, а потому нас сейчас двенадцать рыцарей, и значит, капитул ордена Святого Креста может быть собран немедленно, прямо здесь! Благословите нас, магистр!

Андрей в полном обалдении перекрестил еще раз крестоносцев, мысленно кляня брата Ульриха, разгадавшего его замысел, но тут в ухо тихо задышал отец Павел:

— Ну что, ныне избавишься от celibата, сын мой? Но грехи в меру, а то мне порою стыдно за тебя!

— Кто бы мне говорил, — тихо произнес Андрей, чувствуя, как его щеки наливаются багряным румянцем, но не стыд был на то причинойю...

— Ну чего? Развлеклась? — Войтыла глядел на Агнешку, с блаженствующим видом раскинувшуюся на жухлых листьях около землянки.

— Да, хозяин! — Она довольно жмурилась, словно объевшийся сметаны деревенский кот.

— Только зачем ты приволокла сюда эту гадость? — Он пнул одну из сложенных у подножия дуба четырех голов, и она, подскакивая, покатилась. — На кой черт здесь они нужны?

— Хозяин! — Она обиженно приподнялась на локтях. — Сделаешь себе чаши из черепов! Разве они тебе не пригодятся?

— Что при жизни в них мозгов не было, — он сварливо заворчал, — что сейчас от них толку не будет!

Агнешка резко поднялась и, подхватив за волосы головы, недовольно зашагала к лесу.

— Вот! — Она зашвырнула их далеко в чащу. — Доволен?

— Доволен! — Войтыла, озябнув, посильнее закутался в оборванный плащ. — Но еще больше доволен буду, когда ты принесешь мне голову Сартского!

— Это того надутого индюка, что приезжал к тебе?

— Да! Это, — он махнул в сторону, куда Агнешка выбросила головы, — его люди! Он их зачем-то послал! А ты даже не спросила зачем! Нужно сначала спрашивать, — колдун поучительно покачал пальцем, — а потом убивать! А ты? Чего теперь делать? Вдруг они должны были чего-то передать? Ох, и зачем я тебя откопал на свою голову?!

— Мог и не откапывать! — Она пожала плечами.

— Тогда бы ты все равно встала, и тебя местные кольями забили бы или попы сожгли бы! — Войтыла разгневанно потряс над головой кулаком. — Тебе благодарить меня нужно, а ты ерепенишься!

— Ну, спасибо! — Агнешка отвесила шутовской поклон. — И вообще, нужно было мне в пруду утопиться, тогда бы водяницей стала, а не умруншей!

Войтыла, кряхтя и охая, полез в землянку.

— Размечталась! — забубнил он оттуда. — Не быть тебе водяницей! Тебя же тати ссильничали да придушили, а водяницами только девки, самовольно утопшие, становятся! Вот! — Он выбрался, неся с собой большую книгу. — Тащи любую голову, спрашивать будем!

— Зачем спрашивать? — хмыкнула Агнешка. — Они меж собой переговаривались, а я слушала! Им пан приказал тебя и меня к нему в замок привезти!

— А чего ж ты раньше молчала, дура? — Войтыла взвился. — Еще до утра есть время, собирайся, мы едем!

— А чего собирать-то? — Агнешка недоуменно пожала плечами.

— Кровь смой и рубаху целую надень...

Сартский уже больше седмицы не находил себе места: через несколько дней после поездки к Войтыле он проснулся ночью от явственного ощущения того, что рядом с ним находится командор Верт.

Ему даже спросонок помстилось, что Верт стоит у изголовья его кровати, но, открыв глаза, он увидел только лицо лежащей на противоположном краю ложа и посапывающей дворовой девки, греющей ему сегодня постель.

В ярости пинками он прогнал ее, но не мог уснуть уже до утра, так настойчиво стояло перед глазами изуродованное шрамами лицо с русой бородой.

— Войтыла! Чтоб тебя черти побрали! — простонал он, в изнеможении откидываясь на подушки.

Поначалу он обрадовался: колдовство начало действовать, и он понадеялся, что уже обрел власть над командором, только шли дни, но безумная каша в голове так и не обретала порядок.

Верт ему снился ночами, но сны он не помнил, просыпаясь среди ночи на скомканных, мокрых от липкого пота простынях.

Приступы неимоверной слабости сменялись яростным бешенством, во время которого он уже убил несколько челядинцев.

Однажды, находясь в жарко натопленной бане, Конрад внезапно замерз до состояния смертельного окоченения, словно его с размаху бросили голого в ледяную прорубь.

Ему казалось, что он слышит голос командора внутри своей головы, но не может разобрать ни слова, только монотонный бубнеж, словно голову замотали тряпкой и надели сверху ведро.

Совершенно вымотавшийся, он полностью перестал спать и есть, превратившись за считанные дни в обессиленного старика, мечущегося в безумии по замку.

Отец Станислав, проводивший несколько ночей у его кровати, только развел руками, подтвердив опасения кастеляна: Конрад Сартский одержим бесами, и ему могут помочь только святые отцы-экзорцисты...

— Ну сколько еще ждать?!

Он в бешенстве швырнул серебряный кубок об стену. Никто из холопов не появился из-за дубовой двери, страшаясь за свою жизнь.

— Едут...

Выдох облегчения словно пронесся по коридорам замка, и Сартский приник к темному оконному проему, вглядываясь в цветные витражи.

Во внутреннем дворе зацокали копыта.

«Всего двое?»

— К пану Сартскому...

— Пропустить немедленно...

— Он давно ждет...

— Спаси, Господи, и помилуй, нас грешных...

Дубовые створки растворились, впуслав две закутанные в плащи фигуры, и поспешно захлопнулись.

Та, что пониже, сделала ковыляющий шаг навстречу, и из-под капюшона раздался скрипучий голос:

— Чего изволите, пресветлый пан?

Сартский кинулся к колдуну и вцепился тому в глотку:

— Я разорву тебя! Что ты сотворил, чернокнижник? Я схожу с ума!

Войтыла, хрипя, вцепился в его руки и почти повис на них:

— Пощади! Я сделал все, как ты просил!

Отпустив колдуна, Сартский в ярости пнул небольшой столик, отчего тот, звеня слетевшими чашами и блюдами, отлетел в сторону.

В безумии опрокидывая кресла и стулья, он, схватившись за голову, кинулся к масляному светильнику и вылил на себя всю чашу.

— Я убью себя! Я уже не могу больше терпеть! — Он упал на пол, тело исказила судорога. — Колдун, возьми, что хочешь, из моей сокровищницы, только останови это!

Войтыла торжествующе глядел на него:

— Дай мне Наследие ордена!

Сартский, качаясь на подгибающихся ногах, кинулся к стене напротив огромного камина, в котором горела большая охапка дров, и стал лихорадочно нажимать на потемневшие от времени дубовые панели, покрытые затейливой резьбой. С тихим щелчком одна из них открылась, и

Сартский дрожащими руками вынул небольшую шкатулку.

— Вот! Возьми! — он протянул ее колдуну. — Я надеюсь, этого достаточно? Или ты еще что-то хочешь?

Колдун осторожно принял шкатулку, словно величайшую драгоценность.

— Нет! — Он склонил голову. — Наоборот, это я должен пресветлому пану! Посмотрите, кого я привел!

Он откинул капюшон с головы все так же стоящей у входа безмолвным истуканом второй фигуры.

— Она, — губы колдуна растянулись в зловещей улыбке, — избавит пана от мучений! В ее объятиях пан обретет покой!

Сделав шаг вперед, Агнешка скинула с плеч накидку, оказавшись полностью обнаженной.

— Иди же ко мне!

Ее руки потянулись к Сартскому. словно плывя по полу, она подходила к нему, ступая беззвучно и мягко. Случайно покотившийся серебряный кубок прикоснулся к ее ноге, и она, словно рассерженная кошка, зашипела, отпрыгнув в сторону: на белоснежно-молочной коже багровым рубцом отпечатался чеканный крест.

— Ты кого привел? — в ужасе отступая назад, попятился Сартский. — Это же... упырь...

Агнешка подходила все ближе и ближе. Войтыла расхохотался, смех его был похож на карканье ворона.

— Ты же сам ее возжелал, пресветлый пан! Она твоя!

Сделав еще один шаг назад, Сартский оказался в досягаемости языков пламени жарко горящих в камине поленьев, и масло, стекавшее по его сапогам, вспыхнуло.

Обезумев от боли, весь объятый пламенем, Сартский катался по полу. Вскочив, он кинулся к окну и, звеня разбитым стеклом, перевалился вниз и исчез.

— Пойдем! — Войтыла потянул за руку безучастно разглядывающую горящий гобелен Агнешку. — А то набегут сейчас!

Через мгновение огромный ворон взмыл над замком, а Агнешка, прижимая к груди шкатулку, тихо скользнула из разбитого окна на соседнюю крышу...

Покрутив в руках небольшую темного дерева шкатулку, Войтыла, вздохнув, отставил ее в сторону. Без единого замка и отверстия для ключа, она была плотно закрыта.

Ни ее вес, ничего не дающий понять — внутри могли находиться как свитки, так и нечто другое, маленькое и легкое, ни отсутствие рисунков и надписей на наружной стороне не позволяли узнать, что же такое Наследие ордена.

— Главное, что она у меня! — Он удовлетворенно закивал. — Теперь можно и поторговаться!

Войтыла осторожно стянул со стены грязное покрывало, под которым оказалась мутная, тускло светящаяся от падающего на нее лунного света отполированная золотая пластина, заключенная в рамку из человеческих берцовых костей.

Колдун, словно смахнув с нее невидимые пылинки, провел по пластине рукавом, затем, кряхтя, стал доставать и расставлять в одном лишь ему ведомом порядке предметы для колдовского обряда.

— Хозяин! — Агнешка заглянула в землянку. — Еще приказы какие-нибудь будут?

— Отойди в сторону! — сварливо проскрипел Войтыла. — Ты загораживаешь свет!

Пожав плечами, Агнешка запрыгнула на дерево и улеглась на толстой ветке, болтая свесившейся ногой. Лунный свет, падавший сквозь голые ветви дуба, оставлял на ее лице причудливый узор.

Из землянки доносилось монотонное бурчание старика, изредка прерываемое громкими

возгласами произносимых заклинаний.

Внезапно лунная дорожка, проникающая в землянку сквозь открытую дверь, словно стала более яркой и начала притягиваться к пластине, полностью покрыв ее.

Войтыла поспешно захлопнул входную дверь и начал вглядываться в пластину, в самом центре которой начало проступать светящееся пятно, постепенно расширяющееся и увеличивающееся, пока не заполнило собой всю ее.

— Чего ты хотел от меня? — глухой голос раздался из глубины пластины. — Неужели ты уже достал то, что я так долго жду?

— Да, господин! — смиренно произнес Войтыла. — Наследие ордена уже у меня!

— Прекрасно! Береги его как зеницу ока! Я пошлю к тебе за ним своего человека! И как только Наследие окажется в моих руках, — голос задрожал от злости, — я уничтожу проклятый орден!

— И командора Верта?

— Глупец! — Пластина потемнела. — Он уже магистр!

— Как магистр?! — Войтыла без сил опустился на топчан. — Разве это возможно?

— В том-то и дело! — Внутри пластины в светящемся облаке словно закручивалось начинающееся торнадо. — Он слишком быстро набирает силу в этом мире! Боюсь, что Пророчество уже начинает сбываться!

— Я тоже много думал об этом!

— Мало думать! — Смерч внутри пластины усиливался, нарастая безумным вихрем. — Нужно делать!

— Разве я не принимал меры? — Войтыла попятился к выходу.

— То, что ты делал, недостаточно! Ты ничего не можешь, жалкий глупец! — Пластина начала подрагивать под натиском рвущегося изнутри урагана.

— Господин! — Колдун упал на колени, обхватив голову руками. — Позволь мне попытаться еще!

— Я даю тебе последний шанс! — Внутри землянки все ревело и грохотало. — Осталось совсем немного времени, пока мы можем использовать против него Наследие ордена!

— Но как? — Войтыла почти кричал, стараясь заглушить ураган. — Чем оно нам поможет?

— Наследие ордена докажет, что он самозванец! — Пластина, еле державшаяся на стене, звенела, как натянутая струна. — И тогда крестоносцы сами убьют его!

— А вдруг Оно признает его?

Колдун еле держался на ногах, сносимый порывами ветра, вырывающимися черным сгустком из пластины.

— Мы не можем допустить этого!

Войтыла, схватившись руками за горло, как висельник, силился вдохнуть в бушующем вихре.

— Убей его, или я убью тебя!

С громким треском пластина оторвалась от стены и хлопнула об пол. Внезапно все стихло. Еле держась на трясущихся ногах, он выбрался из землянки.

Агнешка продолжала лежать, мечтательно вглядываясь в начинающий алеть восток.

— Хватит прохлаждаться! — С трудом переставляя ноги, Войтыла сделал несколько шагов. — У меня для тебя есть работенка...